

**КОНСТАНТИН
БЕЛИЧЕНКО**

ПОМЕЩИК

2017

Это история обычного российского обывателя 21 века, волей судьбы попавшего в тело молодого дворянина 19 века, перед Крымской войной. Он не военный, не ученый и даже не финансист. Наоборот, привыкший к комфорту и тяжело воспринимающий его отсутствие. Пытается его себе наладить всеми силами. Путает даты, имена и события, постоянно попадает в нелепые ситуации и пытается их разрешить. Делает так, как он считает нужным и правильным. Потокает своим житейским слабостям и по возможности наслаждается второй молодостью. Но при этом, являющийся патриотом России и желающий что-то сделать. А вот что у него получается...

Беличенко Константин

Помещик

Помещик. Часть 1

Глава -1.

Холодно. Да зима в этом году, выдалась холоднее, чем обычно. А еще, этот противный ветер сегодня. Сильнее кутаюсь в свою куртку. Стараясь, чтобы не поскользнуться на свежевыпавшем снегу и медленно бреду по тротуару. Внимательно смотрю под ноги. Да, зрение уже стало не то, да и реакция тоже. Года, все же берут своё, как не как, а уже 55 год пошёл. Дойти до моего подъезда в доме осталось какой-то десяток метров.

— Поберегись — слышу где-то вверху.

Пытаюсь понять, что же происходит и поднимаю голову на крик. Все что успел запомнить и заметить, это огромная сосулька, летящая на меня с крыши дома. Дальше темнота.

Очнулся и ничего не увидел. Только сразу уловил, сильный запах гари. По моим ощущениям, я нахожусь за столом, завалившись на левый бок. Что-то мокрое и липкое, залило мою щеку и шею. Левая рука на столе, а правая, висит вдоль тела. Пытаюсь пошевелиться, но голова тут же закружилась и началась ужасная головная боль, отдающая в правой стороне головы. Превозмогая себя, правой рукой дотронулся до виска, потом дальше. Нащупал кровоточащее рассечение, выше уха. Теперь понятно, что это за жидкость. Тут же, прижал рану рукой, а левой, начал искать на столе, чтобы приложить, а потом и перевязать.

Начинаю аккуратно шарить рукой. Какие-то бумаги, блюдце с чем-то, чашка, монеты, и перо. Перо.... какое, на хрен перо? Ладно, потом разберёмся. Сейчас, себя спасти надо.

Потихоньку опускаюсь на коленки, чтобы не упасть. Шарю рукой вокруг. Слабость во всем теле, так и хочется, растянуться и не вставать. Рука натывается на непонятный предмет, отодвигаю в его сторону и медленно ползу на коленках, наклонив голову набок. Тут же, натыкаюсь на деревянную панель, чуть рукой верх, тут какая-то тряпка. Тяну её на себя и прикладываю сразу к ране. Надо срочно остановить кровотечение. Тряпка длинная, поэтому пытаюсь сделать чалму.

Теперь, мне нужен свет. Ползу на коленках дальше и ощупываю всё рукой. Так, похоже, дверь. Пытаюсь открыть, не поддаться. Верх. Натываюсь на огромную задвижку, и с трудом её отодвигаю. Открываю дверь и вываливаюсь в коридор.

Маленький лучик света, из мизерного окна, расположенного очень высоко, освещает убогую обстановку вокруг.

— Да куда же, это меня занесло? — цежу сквозь зубы. Как не странно, злость придаёт мне силы. Я, карабкаюсь по двери, и медленно встаю. Понимаю, что надо действовать быстро, не смотря на мою боль. Пока адреналин и злость придают мне силы. Держась за стенку, медленно иду к лестнице, которая почему-то поднимается вверх. Как хромая собака, перебираю двумя ногами и левой рукой, поднимаюсь по узенькой и крутой лестнице.

— Помогите — почти выбравшись на другой этаж, где тоже почему-то полумрак и увидел вдалеке сапоги, зову сиплым голосом.

— Ой! Голубчик, что с Вами произошло? Как же так, Митрий Иванович — услышал голос,

и парень лет 25 с киношным пробором в волосах кинулся ко мне.

— Где у вас, душ и аптечка? — спрашиваю парня.

Парень, помогавший мне подняться, вылупил на меня, как на провидение. Теперь я, уже уставился на него. Что такое? Я же ничего, такого необычного не сказал. И вообще, парень мне не нравится, внешне во всяком случае. В какой-то косоворотке или как там она называется. Сверху рубахи жилетка, штаны-шаровары и в больших, несурзных сапогах. Что за маскарад? Слышал, что сейчас модно, всякие розыгрыши устраивать, но не до такой же степени, что чуть не убили. Может меня, в какое-то шоу, без моего ведома засунули? Или для массовки?

— Ну а вода, зеркало и аспирин у вас есть? — спрашиваю остолбеневшего парня. Я что, такой страшный, какого...он застыл, когда мне помощь оказывать надо.

— Пойдёмте, я Вас-с на кухарню сведу-с — опомнился "спаситель".

Задолбал со своим старорусским, лучше бы он, стакан красного вина предложил. (В дальнейшем, с, словосочетания и выражения старорусского, будут опускаться — примечание автора.)

С его помощью добрались до кухни, и тут, произошло сразу два события одновременно. Сначала я, от увиденного выпучил глаза, затем заголосила плотная тётка, в каком-то балахоне, подпоясанная передником не первой свежести.

— Ой, барин, что с вами? Ой, боженьки, боженьки — вскинула она руки и прижала их к огромной груди.

— Упал. Воды — только и мог произнести я, заваливаясь назад.

Дальше меня, подхватили под руки и потащили на двор, через открытую тут вторую дверь, а там посадили на лавку.

— Прощка, пидь сюды, неси бадью с водой. Спиридон, а ты, барину морсу неси — начала распоряжаться тётка.

Была зима, на сколько, я помню, а сейчас, наверное, весна — почему-то пришло на ум. Стоп. Смотрю на руки. И руки не мои, а какого-то молодого парня. Все "страннее и страннее", так вроде было у Алисы или не так? Надо пока больше молчать и больше слушать, пока не разобрался. И отоспаться, само собой.

Тут пацан, лет десяти, во множестве заплатанной и явно ему большой рубахе, серо-буро-малинового цвета, пыжась от натуги, притащил деревянную бадью с водой. Дальше "батарейка" у меня села и меня как, куклу помыли, и наложили какую-то мазь. Перевязали уже более качественно и отвели в комнату. Впереди шел Прощка со свечой, и я уставился на неё. Только она и не давала мне впасть в забытье и добрести в сознании до моей комнаты. В комнате меня уложили на ложе, и я тут же уснул.

Проснулся от того, что хочу в туалет. Тут же находился и Прощка, сидел на стуле и болтал босыми ногами. Черт, как он тут, хоть называется? Толи сортир, толи отхожее место? Свет, в малюсенькую комнату попадал из такого же маленького открытого окна с решёткой, под самым потолком. Отчего комнатка, была погружена в полумрак. Кроме стола, двух стульев и лежанки, на которой я лежал, больше ничего и не было. Не богато, однако.

— Прощка помоги. Я, в отхожее место хочу — произнес я.

С его помощью доковылял до туалета, типа сортир, во дворе, сколоченного из тонких брёвен. Бумаги, понятно не было, зато был мох. Потом принятие водных процедур с золой и отварами. Мыло, ведь я тоже, не обнаружил. Наконец рассмотрел и себя, в ведре из колодца. Обнаружил молодого человека, лет двадцати. С длинными тёмными волосами, чуть

волнистыми. Нос с горбинкой, широкие скулы с худыми щеками и тяжелый подбородок. Цвет глаз не разобрал, скорее серые, чем голубые. Да, не красавец...но и явно отталкивающее впечатление мое лицо, тоже не производит. Что-то среднее. Но, если подстричься и чуть щеки "наесть", то будет и нечего. В общем, типичный молодой нигилист, много и всего желающий, но мало что умеющий. М..да. Но, за скидку на тридцать с лишним лет и не такое вытерпеть можно.

Потом мне Клава, это помощница повара, та полная тётка, которую я уже видел, наложила новую повязку. Я попросил. Используя оставшийся кусок моей простыни, свежую мазь, пахнущую смолой. На мой взгляд, ничего страшного и нет, так царапина. Вот только от чего, мой клиент "кони двинул" не понятно.

Есть, хотелось неимоверно. Пересилив себя, пошел разбираться, кто я и что я? Почему у меня такая рана на голове? А заодно, куда же это, я попал?

Первое, что я обнаружил на столе, это письмо, какой-то Оленьки Баженовой, так...так. После долгих попыток разобраться в этом, явно любовном письме, вот же блин пишут, так пишут, с..., я наконец-то, уловил суть. В общем, моему "коллеги" отказали во взаимности, а девушка выходит замуж, за другого. Он этого, похоже, не выдержал и решил свести счеты с жизнью. Дебил, блин.

Второе письмо от отца, в котором он, лишает своего сына родительского благословения. Потому, что сын, не захотел поступать ни в Воронежскую Духовную семинарию, ни в Михайловский кадетский корпус. Жалеет, что так долго (целых семь лет — между прочим) оплачивал учебу сына в Воронежской губернской мужской гимназии. Что его сын, вместо того, чтобы учиться и сделать подобающего дворянина карьеру и не позорить родителей, надумал жениться и вести праздный образ жизни.

Ну да, сначала отец отказался и перестал финансировать, потом девушка отказала или наоборот? Вот молодой оболтус, и не выдержал. Ишь, какая чувствительная душа.

Так, теперь кто же я?

В громадном сундуке под кроватью, среди немногочисленных вещей нашёлся паспорт на серой бумаги. Читаем — по указу его величества государя императора Николая Павловича самодержавца всероссийского...ну и так далее, сын дворянина Мальцева Ивана Алексеевича и Мальцевой (урожденной Старокожевой) Дарьи Михайловны наречённый Дмитрием, родился в 1829 году в Валуйском уезде и так далее. Большая размашистая подпись и такая же печать. Филькина грамота, в мое время и то солидней смотрится.

Ну, уже хоть что-то. Слава богу, не в крестьянина крепостного попал, а в дворянина. Правда, отверженного. Но ничего, что-то и как-то придумаем.

Вторая грамота-свидетельство об окончании Главной губернской гимназии в 1848 году на имя Мальцева Дмитрия Ивановича. Всё как полагается, с печатью и размашистой подписью.

Похоже, что семейство на образование и жизнь сына не сэкономили. Желали, чтобы он и дальше учился и "выбился в люди", а он, вон как ответил. Ладно, придётся отдуваться за себя и того... парня.

Еще бы узнать, что он там изучал? И главное как?

Еще спрятанные 10 рублей зелененькими ассигнациями по рублю, наверное, очень большие деньги по этим временам. Припрячем, пусть пока полежат. С остальным потом, а то живот, сейчас точно совсем с "ума" сойдёт.

На столе рассыпанная мелочь. Ну-ка, сколько у нас тут нумизматики? Ого, целых 56

медных копеек и достаточно увесистых, 1, 2, 5 копеек. Надеваю чистую рубашу с ажурным воротником, и матюгаюсь. Ну кто такие носит, только п... какие-нибудь. И сидит на мне, как-то неудобно, что за ерунда. Снимаю, подхожу к окну и рассматриваю, в чём там дело. Понятно, с такими-то швами. Кто так шьёт, ну кто так шьёт? Стоп. Да в этом времени не то, что швейных машинок, иголок нормальных не было. Хотя, швейные машинки уже, по-моему, были. Надеваю длинный сзади и короткий спереди несуразный пиджак, да ещё с вырезами впереди. Сгребая в ладонь деньги и иду обедать. Комнату закрыл на замок большим амбарным ключом, весящим у меня, около двери на верёвке.

Наверху в небольшой столовой, или как тут, называется это помещение, находилось восемь больших столов и один маленький стол. Хорошо хоть посетителей не было. Ну да, все уже на работе. За прилавком находился Спиридон, хмуро смотрящий на меня.

Если судить, что сейчас 1848 год, то ещё и нормально. И вообще, хватит носом крутить, надо воспринимать всё, как есть. Попал, значит попал.

— Что у нас поесть? — сажусь на лавку за большой стол и делаю "морду кирпичом".

— Щи, пирог с рыбой и морс.

— Неси — команду.

Порции были хорошие, и я спокойно наелся. Еда, обошлась в 17 копеек.

Когда я расплачивался, то Спиридон предупредил меня, что со мной хочет поговорить хозяин Илья Фёдорович. Купец расположился в маленькой комнатке, между кухней и столовой. Дородный мужик с окладистой бородой лет за сорок, восседал за столом, заваленной бумагами и читал газету.

— Прошу молодой человек. Что же Вы, делаете? Ну, разве, так можно, голубчик — взмахнул он руками и выронил газету.

— Не понимаю Вас, Илья Фёдорович — прикидываюсь "валенком". И пытаюсь подражать старорусскому.

— Ну как же, так — и достаёт из-под стола, выдавший виды пистолет, времён Карибских пиратов.

Это что? Вот с этого "карамульта" мой реципиент в себя стрелял? Ужас. Где, он этого уроды взял? Музей... что ли ограбил? Да лучше бы он... с моста прыгнул. Хотя нет, так бы я с ним местами не поменялся.

— Что Вы, на это батенька, скажете? — хитро прищурился купец.

Я, поёрзал на предоставленном мне стуле, устраиваясь удобнее и спокойно произнёс.

— А давайте Вы, его у меня купите — и посмотрел на купца.

— Вы шутите? А закон Вам, от 1845 года, не указ? — и строго посмотрел на меня.

Чёрт его знает, что за закон, надо срочно поинтересоваться, с чем его едят.

— А я, никому не скажу. И Вам, так надёжнее. Вы же полицию, не вызывали? — как не в чём небывало, отвечаю.

— Не вызывал. Но, только из уважения к Вам — подключились нотки издевательства в его речи.

— Ну, вот и хорошо. Так сколько? — стараюсь предать позу, невинного ангела.

— У Вас, через три дня, заканчивается срок оплаты в моём доме... — начинает купец.

— Да я помню. Но я, уже принял решение.... ехать в Москву — перебиваю его.

— Хорошо, только из уважения к Вам, восемь рублей — Илья Фёдорович.

Ага, с-час, разбежался. А то, я не помню, что огнестрельное оружие было очень дорогое. Конечно, я бы и себе иметь не отказался, но только не такое. Пусть с таким Пушкин

с Онегиным на пару бегают, но только не я. Хотя стоп, а ведь это идея! Скоро же Крымская Война начнётся! А наши, как всегда, без оружия, снаряжения и патронов. Есть способ хорошо заработать. Осталось дело за малым, прикупить металлургический заводик и начать производство оружия. А что, историю я в основном помню, тенденции техники, я тоже немного знаю. Холодным оружием, у нас каждый нормальный мужик интересуется. С нарезным похуже, не знаю, как нарезы в стволе делают. Но точно помню, что до Крымской войны уже были, но успехом не пользовались. Найдём, кто это знает. А пушки лить, я не собираюсь. Войну выиграть мне тоже не светит, а вот уменьшить количество потерь русских солдат, надо попытаться. А дворяне, пусть о себе сами беспокоятся.

Всё, буду бабочкой Брэдбери в этой реальности. Нет, она женского рода. Значит, буду жуком Брэдбери. Хренушки. Стану слоном, нет русским медведем, и разнесу их европейскую посудную лавку нафиг, или хотя бы дорогую посуду побыю.

— Нет, больше десяти с полтиной, дать не могу. И не надо, на меня так смотреть — очнулся я, от своих размышлений и этих слов купца.

— Согласен — понимаю, большего достичь вряд ли получится. Ну, да и купцу "навариться" тоже ведь надо, а то какой же он, тогда купец. Явно кому-нибудь да загонит.

— Хорошо, деньги я Вам занесу. Но помните, Вы обещали через три дня съехать — и вопросительно уставился на меня.

— Я же уже сказал, что еду в Москву — успокоил купца, а уходя, прихватил у него газету. Не был бы я дворянином, разговор вышел бы по-другому, а так купцу проще, чтобы я убрался.

С этими словами я пошел к себе, в полуподвальную комнату. Ужас. Тут весной ничего не видно, а как тут зимой? А еще морозы. Кошмар, одним словом. Так вот, неожиданно — нагадано, образовался план. Конечно, в Москву я не поеду, а поеду я в Тулу. Будем ковать оружие победы. А с Воронежа надо сматываться и быстрее, пока знакомые Мальцева не набежали и за "нечистого" не приняли.

Так, что нам пишет пресса, кстати, как она называется — Воронежские губернские ведомости. И что, за сегодня или вчера, за 12 мая 1848 года в ней пишут? Ну как всегда, ничего интересного, для праздно шатающейся публики.

Начал полную ревизию доставшегося "наследства" и сбор в дорогу. После вдумчивого рассмотрения, пришел к неутешительному выводу. Всё очень бедненько и никуда не годиться. Для праздно шатающегося щегла, ещё туда-сюда, но вот для меня и моих планов, явно не подходит. Ну что же, пора сделать променад. Собрал грязную и испачканную одежду и отнёс Спиридону. Он был тут в должности менеджера, заплатил 3 копейки, за приведение её в должный порядок.

Прогулка по Воронежу, меня откровенно разочаровала. Помнил, что тут Петр Великий корабли стоил, ну и ожидал... нечто. А оказался, заштатный городок тысяч на тридцать-сорок жителей, с двумя более или менее нормальными улицами, на мой взгляд. Фильмы по Дикий Запад снимать без декораций, пронеслось в моей голове. Чёрт, вот же всякая фигня в голову лезет. В конце одной улицы, Дворянской и находился, доходный дом купца Самохвалова, в котором я, снимал "меблированную" комнату. Вот так. Было бы смешно, если бы не было, так грустно. Нашёл почту, на углу здания и забронировал билет до Тулы, на почтовую карету. Здесь, меня знали, и только поэтому, забронировали билет, без паспорта. Оказывается, путешествовать по России и здесь не так-то и просто, без паспорта некуда. Учтём. Обошлось мне это удовольствие в один рубль 12 копеек серебром, то есть четыре

ассигнациями. Отправление через два дня.

Дальше, прошёлся по промтоварным магазинам. Убогость, не только самих магазинов, но и отвратительное качество, и количество товара поражала. У нас в сёлах магазины лучше бывают. Было и заграничное, но очень мало и стоило...в общем "несусветные" деньги. Пришлось раскошелиться на кожаную вализу, польского производства. В это время не заграница, но всё равно. Курица не птица, Польша не заграница — так, по-моему, было в СССР. Ну и тут, так. Это "чудо" между саквояжем и чемоданом, прошитая и сшитая толстыми нитками с внешней стороны, обошлось за 2 рубля 72 копейки.

Тут, меня ждал ещё один сюрприз, разница между серебряными деньгами и ассигнациями составляющая 1 к 3.5, но именно серебряными. Вот же тут морока с деньгами, ходит всё. Есть ассигнации, ходят облигации, деньги с драгоценных металлов и не только российские и русские медные. Как в этом не запутаться, мне пока не понятно. А плюс ещё, ходят и местные деньги купцов. Каждый расплачивается, как может или как примут, надо быть осторожней. Я же смотрел по телевизору, что перед Крымской войной была проведена денежная реформа, наверно в Воронеж, обделили.

Ещё раз всё внимательно осматриваю. Заодно начинаю прикидывать, чтобы такого начать выпускать, чтобы заработать. Но вот беда, начинаю понимать, движение деньги — товар — деньги, почти отсутствуют, из-за ограниченности того и другого. Ага, вот почему тут так много разных денег ходит.

Разочарованный, а от того, ещё более уставший и злой, возвращаюсь "домой". Снимаю с головы цилиндр и хотел его зашвырнуть, куда подальше, но вовремя остановился. Тут же пожаловал Самохвалов и отдал мне 35 рублей ассигнациями и 50 копеек медью. Вот такая, приятная неожиданность. А когда шёл разговор о продаже, я и не думал, что подразумевается серебряный эквивалент. Впоследствии я узнал, что продажа оружия, подразумевает его продажу за серебро, золото или платину. В общем, и тут купец схитрил.

Следующий день, я потратил на мелочные сборы и подготовку к путешествию и отдыху, при этом стараюсь лишний раз "не светиться". Отдал распоряжения Спиридону разбудить меня пораньше.

Глава -2.

Вот, я стою рано утром на почтовой станции и смотрю, на эту "тарантайку" и не решаюсь в неё залезть. Да она, на первом же повороте развалиться, а ещё с нашими-то дорогами. Вещи уложены на крышу "лимузина" и я тяжело вздохнув, лезу внутрь. Всё прощай Воронеж, встречай меня Тула. Поехали знакомиться с Левшой.

Моими попутчиками, были два разных офицера, разодетые как попугаи, зачем-то едущие в Москву. Рядом со мной тучный купец, в тёмных серо-синих шароварах, пёстрой красной рубашке и тёмно-зеленой жилетке. С часами лукавицами и цепочкой, в маленьком кармане на животе, следующий в Тулу, сделать какой-то свой заказ. Сначала, я хотел познакомиться с офицерами, а заодно посмотреть и их оружие. У одного был какой-то меч с бронзовой загнутой ручкой. У второго, наверное, рапира, времен мушкетёров, с гардой украшенной чеканкой. Они, так презрительно посмотрели на меня, что сразу отбили всякое желание с ними общаться. Купец, тоже почему-то робел в их присутствии.

Дорога, оказалось...российская... в полном смысле этого слова и узкая, как верёвка. В

карете хоть и присутствовали рессоры, но функцию свою явно не выполняли, наверно металл плохой поставили или конструкция дурацкая. Хочется выйти и спалить её, чтобы не мучила людей. Карета внутри узкая, для двух пассажиров рядом и неудобная. Купец, несколько раз наваливался на меня, при резких скачках, что не добавило мне и так испорченного настроения. Остановку делали в Ельце, на почтовой станции, для смены лошадей. Этот "дилижанс" катил всю ночь, где-то останавливаясь ещё, для смены лошадей. Мрак и ужас, одним словом.

Наконец, на следующий день, почти в темноте добрались до Тулы. Отправились искать трактир. В темноте выделялись стены кремля. Нашли двухэтажное здание и ввалились в трактир-гостиницу. Я уже был "сыт по горло" своими попутчиками, дорогой и "тарантасом". Затребовал отдельный номер, который обошёлся за 75 копеек, и то, потому что он был маленьким и находился под лестницей. В чём там дело, я уже разбираться не стал, а просто попросил меня туда проводить.

Рассмотрев утром, действительно маленькую комнатку. Это скорее чулан с топчаном, понял, что меня просто "надули", пользуясь положением, и вообще это не номер. Потом еще раз, дал себе слово, при первой же возможности построить нормальное жилье, выбрался в холл.

Умывание превратилась в пытку. Я чуть со злости, не заехал кулаком в нос жуликоватому типу, бегающему в зале. Теперь понятно, почему раньше так мало мылись, еще та морока, в техническом плане. Только для очень богатых, с личными слугами. Да и то, не все это могут себе позволить.

Собрал вещи и пошел искать более гостеприимное место для ночлега. Этой гостинице, плюнул со злости на крыльцо. Ноги моей здесь никогда не будет, кстати, как она называется — ТрактирЪ.

На улице Замочной, наконец, нашел, более или менее нормальную гостиницу. Видать, что недавно построенную — "Постоялый ДворЪ Замятных". Номер небольшой, и не слишком дорогой, но вполне уютный. Снял, пока на два дня. Дело в том, что снимать выгоднее комнату у владельцев домов, чем в гостиницах и трактирах. Там же и пообедал, попил чайку из самовара с тульскими пряниками и пошёл осматривать Тулу.

Так как, достопримечательности меня в данный момент, совсем не сильно интересовали, я пошёл в оружейную слободу, через мост. Нет, сначала я попытался посетить казённый завод. Видно, что недавно его восстанавливали, куда меня естественно не пустили. Дальше я бегал по мастерским и частным заводикам, чем привлёк внимание полицейских. Почему их оказалось так много? После разговора со становым приставом был отпущен.

К вечеру, я сильно уставший, развалился в холле. Пью чай из большого самовара, подвожу не радостные итоги похода и разговора с мастерами. В Туле было много чего, но вот нормального боевого массового оружия не было. Вот тебе и город... оружейников. О чём думают в Санкт-Петербурге, для меня совсем не понятно. Да было оружие, но всё можно на выставку отправлять. В музеях показывать и ну цена, соответствующая тоже. А вот простую пашку или саблю из хорошей стали не найти. Готовой хорошей стали, тоже. Не выгодно делать сабли за 15–18 рублей, а выгодно от 50 и более. Ружья и пистолеты, можно как клад зарывать, стоимость почище ацтекского золота. Может, я не там искал? Может, я чего-то не понимаю? Зато самоварных цехов и мастерских, более 20 насчитал. Так это я, не везде и был. Они что, собираются кипятком врагов заливать? Может, будут их узорами на прикладах зачаровывать? Единственная отрадная вещь, что можно найти в городе любое сырьё или

заказать купцам. Доставят даже из-за границы, были бы деньги. Да и город намного более развитый, во всех отношениях, чем Воронеж. Почти "цивилизация", вот только с санитарией беда.

Не знаю, какое там железо варят на Тульском оружейном казённом заводе, но слишком они увлеклись тут все, медью и её сплавами. Говорят, на заводе даже паровые машины есть, а вот нормального железа и стали, нет. Ну, так же легче или выгоднее?

Второй день, тоже был безрадостным, старый губернатор Муравьев-Амурский отбыл. Нового Крузенштерна Николая Ивановича, на месте не было. Но, скорее всего, меня культурно послали и подальше. А без него, никто меня слушать не стал. Градоначальник, Николай Николаевич Добрынин, посоветовал или записаться на приём, к начальнику тульского казённого завода генерал-лейтенанту Самсону Герману Романовичу или ехать в Москву. Я и то, получил аудиенцию у него случайно. Ага, сейчас, пойду я к генералу на приём. Что я, совсем больной? Моё настроение и самомнение о себе падает с каждой минутой.

Вот и сижу, лениво рассматриваю газету, местные губернские ведомости. Вдруг увидел заметку — выставка-ярмарка художественного стекла и фаянса купцов Мальцевых в Москве. Сам, Иван Акимович, приехал из Санкт-Петербурга, и будет лично представлять экспозицию. Так...так. Он Мальцев, я Мальцев, чем чёрт не шутит, пока бог спит?

Ну что, от судьбы не убежишь, придётся прокатиться в Москву. Поездка по почтовому тракту, была более приятна, и мы достаточно быстро докатились до Москвы. Я только выглянул из почтовой кареты и понял, что надо отсюда быстрее уезжать. Мой гардероб явно устарел, лет на пять. А качество материала, на все десять. Так что, как мне, не хочется прогуляться и посмотреть Москву 1848 года, лучше отложить до следующего раза. А посмотреть есть на что, Москва активно строиться. Наняв "местного таксиста" и быстро объяснил, кто мне нужен, попросил отвезти к дому Мальцева на Якиманке. Поездка обошлась в 20 копеек, дороже обеда. Не зря говорят, Москва — дорогой город. Рассматривая из возка извозчика Москву, поражаюсь господствующей сейчас архитектуре. Особняки дворян с колоннами в два-три этажа, причём каждый этаж, от трёх до пяти метров высотой с огромными окнами.

Как я, пробивался на приём в такой солидный и огромный дом и сколько ждал, это отдельная песня. И пустили меня только потому, что я показал паспорт на имя Мальцева Дмитрия Ивановича. Вот такое необычное совпадение и счастливое для меня.

— Если Вы, молодой человек, добивались встречи, чтобы уверить меня в родстве... То можете не трудиться — встретил меня словами, с лысиной на макушке головы хозяин. С холёным худощавым лицом и с чуть, чуть раскосыми глазами. Одетый в отличный костюм, светлую рубашку и шейный платок. Сам, небрежно развалился в кресле, и явно показывая своё призрение ко мне.

— Нет. В родственники, я набиваться не приехал — чуть усмехнулся я. Сесть мне так, никто и не предложил.

— Так, что Вам, угодно сударь — и потёр подбородок правой рукой, на которой сверкнуло пару перстней.

— Всего лишь, помочь наладить.... производство оконного стекла — буду нормально говорить. Пусть сами своё с шипят, тоже мне гуси-лебеди. Раз решил быть слоном или медведем, буду начинать.

— Неожиданно — произнёс хозяин, и поза его изменилась. Слуга в ливрее за моей

спиной перестал, наверное, и дышать.

— А какие размеры? — переместил указательный и средний пальцы с подбородка на висок хозяин.

— Какие хотите. Но пока, из-за несовершенства производства.... Я бы, большие стёкла, делать, не стал бы — выговариваю медленно, с расстановкой акцентов и пожимаю плечами.

— А Вы, молодой человек, не обманываете? И что, Вы, за это хотите?

— Хочу денег. А дворянину, не пристало пятнать себя лжой, да ещё в таких делах.

— Если это не секрет. На что Вы, хотите потратить деньги?

Похоже, хозяина стал забавлять наш разговор. Или всё же, в нем купец проснулся? Ничего, сейчас я его удивлю.

— Хочу наладить выпуск сабель, ножей и пистолей.

Брови хозяина дома поползли вверх, от такого моего ответа.

— М... И... Вы, знаете, из чего состоит стекло? — немного подумав, и приняв спокойно-вальяжную позу, Иван Акимович.

— Песок, или кремний, сода, известь, мел, полевой шпат и доломит — даю ответ.

— Удивили — немного подумав, и продолжил — Вы, где остановились?

— Только приехал из Тулы — отвечаю.

— Тогда я, приглашаю, такого интересного молодого человека погостить у меня. Мне нужно подумать — перешёл на деловой тон хозяин и тоже убрал с разговора с.

Дальше слуга, проводил меня в комнату для гостей и предупредил, что ужин будет только вечером. Зато удивил его я. Затребовал помыться тёплой водой. Комната оказалась самой лучшей, что я тут, до этого видел. Высокие стены, оклеенные светло-красным материалом с золотистыми цветами. Небольшое окно, с разнокалиберными и разной мутности стёклышками. Витражи, какие-то, подумал я. Большая кровать с ночным медным горшком, стол и две пародии на кресла, но уже и не стулья. На столе светильник для трех свечей, но с одной свечой посередине. Графин с водой и бокал. Ну а на довесок, двери с двух сторон комнаты. Примерно через час, ввалились два бородатых мужика. Один тащил деревянную лоханку или корыто. Второй ведро с водой, литров на пятнадцать. Возможно и больше. За ними девушка, лет двадцати в богатом, но крестьянском наряде. Несла простыню, длинную рубашку и бутылочки с настойками. Я так обрадовался, что почти тут же, вытолкал их из комнаты. И с удовольствием залез в лоханку с водой полностью. Не ванна конечно, но я и этому, был безмятежно рад. Вытерся льняной простыней, плохо впитывающей воду. Потом надел длинную рубашку до щиколоток.

— А тапочек и не дали. Хотя может и хорошо, с такой-то санитарией — пробурчал себе под нос и пошлёпал босыми ногами до двери. Девушка стояла за дверью и ждала.

— Тебя как звать? — обратился к ней.

— Дуня. Барин.

— Вот что Дуняша, зови мужиков, пусть лохань заберут — и тут же развернулся и пошел в кровать.

Стоило только лечь, как глаза сами собой закрылись. Следующие два дня, я провёл в основном, гуляя во дворе большого особняка. Старался обращать больше внимание на жизнь окружающих. Есть мне в комнату, приносила Дуняша, а другие надобности выполнял кряжистый слуга Фёдор, из бывших солдат. На третий день, когда я уже весь извёлся, меня позвал Иван Акимович. Встретил он меня всё такой же, как будто с официального приёма в иностранном посольстве. Всё же он больше аристократ, чем купец, подумал я. На этот раз,

предложил сесть на венский стул с полосатой обивкой подушки и спинки.

— Я, обдумал Ваше неожиданное предложение, и оно меня заинтересовало. Так сколько Вы, хотите? — и уставился на меня.

— Две тысячи серебром — отвечаю спокойно.

— Это слишком много, молодой человек — опять появилась с в его голосе.

Ну, к этому я был готов.

— Я готов снизить цену. А Вы, поможете мне с получением разрешение на хранение и производство сабель, ножей и ручного огнестрельного оружия. Возможно и некоторых других разрешений на производство.

В результате долгого разговора пришли к согласию, и мне пришлось в общих чертах рассказать о производстве. А куда деваться, выхода у меня всё, равно уже никакого и не осталось. Единственное, что не рассказал, как правильно делать флот-ванну. Удивил знанием метрической системы. Договорились, я помогаю наладить производство оконного стекла, с сохранением тайны. За это время получаю 200 рублей ассигнациями в месяц. Вот тут, я уже упёрся на цене за свои услуги. Мальцев тоже понял, что какой-то козырь по производству остался и у меня. Я же объяснил, что придётся часть вещей заказывать и за свой счёт, что так будет удобней. Не буду же я, за каждой мелочью бегать к нему. Решили все организовать в Гусь-Мальцевском, там с охраной получше и приезжих почти нет. По окончании первой плавки, я получаю тысячу рублей серебром и бумаги, на разрешения производства и хранения холодного и ручного огнестрельного оружия.

— А откуда у Вас, такие знания, Дмитрий Иванович? — вкрадчиво спрашивает меня собеседник — они не соответствуют, такому молодому человеку.

— Я надеюсь, Вы, никому не расскажите — и внимательно посмотрел на хозяина дома, увидев его кивок головой, продолжил. — Мне стал сниться Ангел. Мы с ним много и долго разговариваем, на разные темы. Только очень тяжело, он говорит на каком-то, малопонятном русском... Я совсем не всё понимаю. Мне кажется, проходит неделя, а может и больше. А когда я просыпаюсь, всего только одна ночь — собеседник слушает с широко открытыми глазами. Я продолжаю дальше — иногда он подсказывает, что я должен делать. Вот обратиться к Вам, например. Но многое я забываю — а вот пусть и думает, спиритизм в это время в моде. А так, мне легче объяснить все свои познания, плюс дополнительная страховка мне, всё же деньги не малые. — А часто и смеётся.

— А это, точно Ангел? — немного опешил от моих слов Мальцев. — А смеётся над чем?

— Ну, а зачем нечистому мне помогать? А смеётся, ну...над Ъ в конце слов.

— А чем ему Ъ, не нравится?

— Я совсем не понял. Он сказал так: будет много инфо. мации, будут мини. мини. зировать — так, по-моему — произношу сознательно медленно, как будто, пытаюсь правильно вспомнить.

— Чудно...Хорошо. Завтра придёт стряпчий, все оформим. Поедите в Людиново. Там сделаете ваши ролики, ванны и остальное, а оттуда в Гусь-Мальцевский. И я Вас, очень попрошу, молчите и не рассказывайте о снах. Особенно об Ангеле — немного отошел от услышанного хозяин. Перейдя на обычный язык.

Ну, вот опять я на "тарантайке" трясусь, но уже от Москвы. Карету предоставил Мальцев, в ней со мной едет Новак Анджей Радомирович. Доверенное лицо купца, большк похожий на запорожского казака, чем на шляхтича, тридцатипятилетний степенный пан. На

козлах рядом с кучером Фёдор, толи слуга, толи охранник и соглядтай в одном лице. Немногословный кряжистый малый с простоватым лицом, но недюжинной силы, убедился. Явно знаком с оружием, и не понаслышке. Двадцатипятилетний вдовец, жена умерла при родах, увы, здесь это не редкость (а это мне поведал Новак). Пока доехали, я всю задницу себе отбил, хоть и были подушки везде. Нет, надо с этим что-то делать? Если нормальный завод, то надо поставить нормальные рессоры. А то до Гусь-Мальцево или Гусь-Мальцевский, я точно не доеду.

Вот почему так, что наши власть имущие, совсем не заботиться о тех, кто им эти богатства создаёт? Кроме завода, дома управляющего и церкви, на остальное без слёз, смотреть в Людиново было нельзя. Деревня располагалась на берегу водохранилища. Осталось только вздохнуть и прятать свои мысли, а то не поймут и запишут ещё в революционеры. Или в декабристы? Крепостное право на дворе, как не как.

Дом управляющего Борисова Степана Евграфовича, стоящего немного в стороне, тоже мне не приглянулся. Несуразная полтора этажная большая изба с низкими потолками. Радомировича, здесь знали хорошо, видать был и не один раз. Так что встреча, затянулась надолго. Баня, топленная по-чёрному, потом застолье, разговоры и сплетни про Москву и остальных.

Я, сославшись на усталость, пошёл спать. Как же, уснёшь тут? Пришлось делать революцию, в отдельно взятой кровати. Убрал громаднейшую перину и кучу подушек, чай не зима не замёрзну, и только потом завалился спать.

Вставать пришлось "не свет, не заря" чёртовы петухи, раскудахтались, как ненормальные. Вернее это они нормальные, а вот я, в такую рань вставать не привык. Умывание опять проблема, с ведра у колодца и без мыла. Так точно какую-нибудь гадость подцепишь и не заметишь как.

После скромного завтрака пошли на завод. Сначала посмотрел, что и как, действительность оказалось чуть лучше, чем думал. Тут уже даже рельсы делали, для Николаевской дороги, Санкт-Петербург — Москва. Не так, как я привык, но тем не менее. Слишком много ручного труда на каждой фазе. Если бы крепостные, были бы наёмными рабочими, рельсы вышли бы золотыми. А так, все мастера и рабочие были крепостными и приписаны к заводу, даже управляющий. Сами рельсы катали, но у меня больше сложилось впечатление, что их больше ковали из чугуна. Но, не совсем из чистого, а с железом. В общем, какой-то сплав. Поэтому и в народе дорога получила название, чугунка. А вот форма уже "современная" или почти такая. Не помню точно, но по-моему должны быть другие? Или нет? Вообще запутался с ними окончательно, махнул на это дело рукой и пошёл заниматься своими делами.

Собрание с мастерами началось с казуса, я оказывается, не знаю русских мер длины и веса.

— Значит так, будем делать как во Франции. Переходим на их меры, тем более вес — не критично, в отличие от размеров — хлопнул ладонью по столу и прекратил дискуссию. — Даёте мне плотника, я делаю метр, а вы потом сделаете из твёрдого металла несколько штук. Потом я делаю чертёж, плотник по нему из дерева заготовки, а вы потом всё, из рельсового чугуна.

Дальше, я очень долго чертил гусиным пером, матюгаясь, что нет никаких карандашей. Начертил двадцать сантиметров и отдал плотнику и объяснил что делать. Не знаю, правильно неправильно, но будет так. Дай бог хоть за пару дней сделают. Всё тут делается...

не быстро. Затем начертил чертёж валиков, станины в которые их устанавливают и остального, и пошёл в кузню. В ней нашёл кузнеца по тонким работам и с ним изготовил четыре рыболовных крючка. Пришлось и напильником самому поработать, сделать грузики из свинца. Получились не такие изящные, как должны быть, но ничего, тут рыбы много и не такая избалованная, как дома.

— Барин, а это зачем? — видя, что я спокойно с ними обращаюсь, да и напильником сам работаю, задали вопрос кузнецы. Пришлось объяснять, а они и не очень поверили.

— Вот завтра и увидите — забрав свою добычу, пошёл на местный рынок. Понятно, что леску я не нашёл, зато купил у местного мастера по кожным изделиям два куска прочной нити, метров по шесть, за 6 копеек. Заодно присмотрелся к неплохим местным тканям из льна. Слуг нет, всё надо делать самому. Теперь надо найти, кто мне сошьёт одежду. Тут, похоже, я застрял надолго, причём за "казённый кошт", так что, можно и свои родные потратить.

— Пётр пойдёшь, завтра по утрени со мной на рыбалку — спрашиваю сына Борисова, парня лет девяти, за ужином. За столом немая сцена.

— А что Вы, придумали? — опомнился Новак.

— А пойдёте со мной. Я думаю, Вам, тоже будет очень интересно.

Чуть рассвело, и к водохранилищу от дома управляющего двинулась целая делегация. Я с червями, в колотой глиняной миске. Пётр, возбужденно прыгающий вокруг нас. Новак с Борисовым и Фёдор с удилищами. На подходящем месте вырезал две рогатки, поплавки из камыша, всё подготовил и закинул удочки. Когда поворачивался, увидел недалеко крестьян, наблюдающих за нами. Подходить бояться. Надо признаться, рыбалка удалась! Крупная плотва сантиметров сорок хватала, как ненормальная. Попалась даже маленькая щучка. Попробовали все и с не малым азартом.

— Удивили, просто удивили Дмитрий Иванович. Но кто бы мог подумать — восторгались Новак с Борисовым на пару. Пётр же с гордым видом тащил на кукане улов. Фёдор влюблённо удочки. Да уж удочки... трехметровые дрючки вырезание мной из дерева и обструганные ножом.

Пользуясь их хорошим расположением, предлагаю сделать душ. А то в такую баню, я больше не ходок. Пусть сами моются по-чёрному, да и то, не каждый день.

— Это, чтобы можно нормально и быстро помыться. И баню топить не надо — объясняю им, и получаю добро.

На заводе плотник справился с заданием, сделав деревянный метр, деления затёр сажей и покрыл лаком. Мастера задумку оценили и быстро, а когда я рассказал, как можно сделать раздвижной, радость их была неподдельна, от хорошей придумки.

Пока они делали измерительные метры, я поставил на чертеже размеры, объяснил, что надо и сколько. Сам занялся деталями для душа. Вот тут пришлось покрутиться и мне и кузницам. Хорошего железа было мало, и никто бы на это не дал, усовершенствовать "на халяву" производство, я совсем не желал. Поэтому часть деталей, пришлось делать из ковкого чугуна. Таскать всё это ещё, то удовольствие, а приходилось много и самому. А за частью посылать в Сукремле, там было расположено художественное литье.

Возни вышло "выше крыши", получился очень маленький домик в конце усадьбы. Зато с раздевалкой и чугунной раковиной для умывания и душем. Даже канализацию вывели подальше. Хозяин, это новшество оценил неоднозначно, как бы и нужно, но и без него можно обойтись. Вот только дворовые крестьяне Борисова, начали хмурить брови. Им

теперь надо заполнять бочки с водой и лазить по лестнице. Пришлось заняться ручным насосом для колодца...и ничего у меня не получилось. Трубы делать большого диаметра из чугуна не умели, да и надобности на заводе в этом не было. Поршень выточить, тоже проблема. Мощности завода все заняты, а где взять резины для клапанов, я даже не представлял. Спрашивать Борисова с Новаком, даже не стал, они бы не поняли такую проблему. Поэтому пошёл другим путем, как все "нормальные" герои. Сделали "журавля" с ведром на 20 литров и два человека, быстро наполняли деревянные бочки.

Новак, почти постоянно ходил со мной и всё замечал. Явно ещё и потом записывает, "промышленный шпион", мать его так.

Со временем, нашёл, кто мне сшил пару костюмов из льна, полотенец, да еще с вышивкой. Подрядил того кожевника, кто мне продал крепкую нить, сделать туфли с медными пряжками, полусапожки и перчатки. Всё это оставляло желать лучшего, ну что есть, то есть. Ничего, я с этим поделаться сейчас не могу. А то придётся, ещё ходить босиком, или не дай бог в лаптях, и всё.... Тогда точно на себе можно ставить крест, и самому ложиться в гроб. Так же, приобрел литовские деревянные башмаки — клумпес вместо тапок, по двору. Вызвав не одобрительную реакцию Новака. На этом вся моя наличность и закончилась, осталось меньше рубля. Надеюсь скоро получить первую зарплату. Уже почти месяц тут.

Наконец, начался процесс производства валиков и станин. Мне рабочие презентовали почему-то бронзовый складывающийся метр с узорами, хотя у самих были железные. Приятно, ничего не скажешь, но я попросил ещё и железный. В основном следил, за правильностью длины, глубины канав проточек по кроям и размерами станин. Проследил за изготовлением кривых ручек, щипцов и других деталей по моему чертежу.

Теперь нужно придумать, что же сделать с каретой. Да какая карета, это дома на картинках она выглядит хорошо, а тут собачья будка. Два больших задних и два маленьких передних колеса, и зачем-то поднятая будка высоко над землей. Подумал и понял, что ничего сделать с ней сейчас не могу. Не то, что стали, хорошего железа очень мало и очень дорого. И кто мне даст делать из него нормальные рессоры?

Выйдя воскресенье из церкви, где я больше старался для вида. Когда невозможно избежать, приходилось идти, завёл разговор с Новаком.

— Анджей Радомирович, а не могли бы вы выдать 10 рублей. А я, когда получу оплату за месяц от Ивана Акимовича, вам тут же верну — елеиным голосом "подкатил" к доверенному лицу.

— Ох, какой Вы неугомонный молодой человек. Ну, что Вы, опять придумали — Новак.

— Нам же скоро ехать в Москву, а затем в Гусь-Мальцевский — констатирую.

Новак приостановился и внимательно посмотрел на меня, ожидая, что ещё я "выкину". Понимаю, ему я, наверное, уже очень надоел. Везде лезу, смотрю, что-то делаю. Человек привык к спокойной и размеренной жизни, и никуда не спешить. Тут же приходится "бегать за мной, как угорелому".

— Хочу, я себе подушечку особенную заказать для езды. А для этого целую телячью шкуру надо — развожу руки и показываю размер.

Деньги, я всё-таки получил и отправился на следующий день к знакомому кожевнику. Долго объяснял, какой мне нужен бурдюк с переборкой внутри для прочности, и с пробкой к завязывающейся горловине. Он так же должен вставляться в двойные плотные мешочки для крепости. Так, как я давно получил кличку среди крестьян "чудной хороший барин" и всегда

расплачивался за свои причуды. Причём явно переплачивая, то мне он пообещал сделать, как надо. Плюс два мотка плотных ниток, которые стали невероятно популярные, сами догадываетесь почему. Договорились, за девять рублей, сумасшедшие деньги для крестьянина. Но и выделанная хорошая кожа такого размера, и вся остальная работа стоили недёшево.

Мелочь пошла плотнику на изготовления плетёного короба для вещей, которых у меня прибавилось. В вализу уже все не помещались.

И остался у меня рубль.... на развод.

Глава-3.

Прошло 35 дней вот и середина лето. Жара в начале июля стоит невероятная, как будто не Подмоскowie, а южный берег Крыма. Глотая пыль, докатились до Москвы. Мой надувной матрасик Новак оценил, как барскую блажь и что мне, некуда деньги девать. Да ещё какие, деньжищи. Ну, наверно и поэтому в России, так плохо всё развивалось. Помещики, и начальственные люди у себя ничего менять не хотели и не любили. А только тащили из-за границы, когда там уже все всё признают и оценят. Караван же из крестьянских телег двинулся напрямиком в Гусь-Мальцевский, объезжая Москву.

Обычно шумная Москва, в этот раз показалась "вымершей". Если простолюдины, ещё сновали туда-сюда, то благородных почти не наблюдалось. В этот раз, я лучше рассмотрел особняк Мальцевых на Якиманке. Хороший такой домишка — трехэтажный. На мой, избалованный взгляд человека 21 века, слишком безликий снаружи и не очень удобный внутри.

Тут нас и застают три известия. Первая, революции в Европе, которые мне до "лампочки". Вторая, менее приятная, восстание крестьян в Тульской губернии, и ее окрестностях. И самая плохая, третья. Начала эпидемии холеры, быстро расползающейся из южных районов империи на север. Дворяне в панике уезжают из городов в имения. Деловая жизнь и так не демонстрирующая, какого-либо внятного движения вперед, окончательно замерла в империи.

Мы, тоже не стали испытывать судьбу и решили завтра же отправиться в Гусь-Мальцевский, хотя я надеялся побыть в Москве, хоть несколько дней.

На этот раз, меня пригласили к столу на ужин, где я познакомился с сыном Иван Акимовича, Сергеем Ивановичем. Сам старший Мальцев был в столице. Сорокалетний настоящий полковник, его императорского величества, с аккуратно подстриженной бородой и усами был проездом в Москве. На отца, кстати, совсем и не похожий. Круглолицый, с бородой и усами. Тут уже как в кино, много свечей на высоких подставках, дающих достаточно света. Лакеи в ливреях и перчатках, снующие туда-сюда. За столом много стеклянной посуды, по-моему, даже слишком. Много вина, крымского, что меня удивило. Из еды было много разных паштетов и соусов, салатов и рыбы. Из мяса только котлеты. Была и разная икра.

Само собой, разговор зашёл и о политике. Ну, я им и "выдал", мол, чем больше они там между собой будут резаться в этой Европе, тем лучше. Меньше к нам будут лезть. А поддерживать надо самого слабого, и по очереди, чтобы дольше между собой воевали. А русским не зевать, а деньги зарабатывать.

— Какие-то Вы... крамольные мысли говорите — произнес полковник. И образовалась тишина за столом, даже лакеи замерли.

— Зато, как только они помиряются, тут же объединятся и полезут к нам. Пример Наполеона нас, так не чему и не научил? — ответил я.

Дальше ужин прошёл скомкано, и я тут же сбежал в ту же комнату, где был в первое посещение. Эх, аукнется мне моя несдержанность на язык, наверное, и не один раз.

Утром, получив 200 рублей ассигнациями. Пожелание от Сергея Ивановича закончить начатое, отправились в путь. Не знаю, что уж там "наплел" Новак младшему Мальцеву, но на прощанье мне были подарены два отреза сукна. Красного английского и тёмно-зеленого голландского, чтобы пошить одежду "соответствующему лицу дворянского происхождения". Ну да, поистаскалась моя "подарочная" одежда от Дмитрия Ивановича Мальцева. Да и была она хороша, только для захолустья типа Воронежа. Я это и сам знаю, да поделывать ничего не мог. Как только устроились в карете, тут же отдал долг, сердечно поблагодарив Анджея Радомировича, но и напел ему заодно дифирамбов. Мне не трудно, а человеку приятно, смотришь, и дальше мешать не будет.

Заночевать решили около деревни Шатуры, в излучине трёх рек Клязьмы, Прой и Цной. Сначала Новак, намеривался, заскочит к местному помещику, но я отговорил, заодно и на холеру сослался.

— Жара, лето, речки, красота та вокруг-то какая. Вспомните себя в детстве, Анджей Радомирович. Сейчас Фёдор наловит рыбы, сварим ухи, та по рюмашки. Как вы думаете? — обращаюсь к поляку. Ещё, правда, комары, но это я уже про себя, тихонечко добавил.

Конюх Авдей, наломал веток и нарезал травы для лежанок. Благо её тут было много и высотой по пояс. Я заготовил дров для костра, а Анджей Радомирович разжёт костер кресалом. Я бы с такой техникой, точно бы не справился. Фёдор, ставший фанатом рыбалки на удочку, не подкачал и наловил отличных линей. Да таких жирных, что дома я и забыл, когда таких вообще видел. Для ухи, я выделил необычный чугунный котелок, или скорее чайник с двумя носиками. Их, таких необычных, производил завод Мальцевых в Сукремле, мне очень понравились. Борисов мне и подарил пару. Дополнили уху жареной рыбой на прутиках, пирогами с яйцом и творогом и под костёр уснули.

Ночью я проснулся, от какого-то храпа или сопение, около моей головы. Оказался наглый ёж, шныряющий вокруг нашей стоянки в поисках пищи. И почему-то засевший в засаду, около меня. Пришлось веткой откатить, этот пыхтящий и сопящий кактус, подальше от меня. Он так возмущенно громко фыркал, что я невольно рассмеялся. Подкинул в костёр веток от ели, чтобы дым отпугивал комаров и спокойно заснул до утра.

С утра попили отвару, с остатками пирогов и поехали к месту. Чай, достаточно дорогое удовольствие. Не каждый житель сегодняшней России, его может позволить. Но сбор разных трав, мне понравились не меньше. Надо будет только добавить разных сушеных ягод. А вот по кофе я скучаю, привык. Тут только два раза у Мальцева пил, и то готовить его не умеют. Поселение расположилось на берегу реки Гусь, с дополненным искусственным прудом. Надо сказать, селение приятно поразило, это была какая-то другая Россия 19 века. На въезде охрана, но Новака и тут узнали и пропустили. Много кирпичных домов, а не только фабрики. Ну а бумагопрядильная фабрика высотой в четыре этажа, меня вообще удивила. Выпускают нанку, бумажную ткань из грубой пряжи (это я узнал впоследствии) причём разной плотности и вязки. Селение не большое, тысяч пять, а возможно и меньше. Многие улицы более или менее ровные, только замостить осталось. Жители в рваной одежде не ходят, но

лапти присутствуют. Видна одна деревянная церковь и другая каменная Иоакима и Анны, затем Троицы Живоначальной, так сказал Новак. Трактиров нет. Чувствуется основательность и порядок. По сравнению с другими мной видимыми в этом времени селениями, порядок больше присущий немцам, чем русским.

Тут же, что называется, попали с корабля на бал. Всё начальство собралось в главной конторе из красного кирпича, обсуждать извечный вопрос. Что делать, из-за эпидемии холеры? Состоялось представление. Моя фамилия, имя и отчество, вызвали неоднозначную реакцию, но ни я, ни Новак, на эту тему разговор продолжать не захотели. Присутствовали глава Шулер — обрусевший немец, Вальберг Альберт Рудольфович — обрусевший скандинав и управляющий бумагопрядильной фабрикой, и Филатов Михаил Семенович — начальник стекольного производства. Слава богу, хоть попов не было, хотя и необычно.

В общем, кроме усиления охраны придумать пока ничего не могут. Вот и сидят, пыжатыся.

Приходиться брать всё в свои руки, иначе "загнёмся все", не дай бог эпидемия сюда придёт.

— Так, господа, у меня есть предложения — подаю голос.

— Первое. Временно до зимы, вынести рынок для приезжих за территорию поселения. Внимательно следить за приезжими, и не только одними крестьянами.

— Второе. Построить навесы и использовать, как карантинные зоны, для приезжих. Сейчас лето не замерзнут. Можно сложить и пару печек.

— Третье. Построить общественные бани и заставлять мыться крестьян горячей водой, не менее 2–3 раз в неделю.

— Четвертое. Наладить выпуск мыла.

— Пятое. Разобрать ветхое жильё и ускорить постройку добротного нового.

— Шестое. Построить и организовать столовые, где будут готовить пищу для крестьян. Они, там будут её получать или покупать, решите сами. Там вода и пища должны, хорошо и долго вариться. Воду надо отстаивать, а потом нагревать до появления пузырьков, то есть кипячения и так варить не менее 5 минут.

— Нам же, господа, надо сделать угольные фильтры для воды. Потом расскажу как, и брать её только оттуда.

— Седьмое. — Вижу, что некоторые записывают, и не спешу — посыпать отхожие места известью. Объяснить крепостным, что надо после этого мыть руки с мылом. И вообще с этим навести порядок и строго наказывать за невыполнение.

— Восьмое. Нужно замостить центр города, и следить, чтобы не было грязи. А в других местах засыпать песком.

У всех четверых присутствующих, после моего монолога, "глаза вылезли на лоб".

— Позвольте, но Вы, понимаете, что Вы, предлагаете — немного заикаясь от волнения, воскликнул Шулер Александр Карлович, местный глава. Вот видать, кому обязан, Гусь-Мальцевский городок имеющемуся тут порядку.

— Всё понимаю — выставляю вперёд ладони перед собравшимися — даже понимаю, что это будет очень дорого и что придётся, часть крепостных снимать с работы. Придётся сокращать и выпуск товаров. Но если это не сделать сейчас, то остальное, может уже никому и некогда не понадобится. Тем более, сейчас, товар покупать некому, дворяне попрятались по именьям.

— Но я...я не могу, принять такое ответственное решение. Надо написать Ивану

Акимовичу в Санкт-Петербург — Шулер.

— Пишите, дорогой Александр Карлович, пишите и побыстрее. А пока, давайте хоть рынок, вынесем за территорию и мыло сварим. Для себя — быстро соглашаюсь.

Но чувствую, особо толку не будет, "клиенты" явно не созрели и надеяться на русский авось. Придётся самому, что-то решать.

Поселились у Шулера в гостевых покоях, в доме из красного кирпича, г-образной формы и с остроконечной крышей, на берегу пруда. Потом мылись, ужинали, где я больше отмалчивался. У Шулера было трое детей разного возраста, которые не сводили с нас глаз. С разнообразием тут не очень, а тут такое большое событие.

— Скажите, уважаемый Александр Карлович, а у вас лошадь под седло, есть — ну надо же мне, когда-нибудь начинать учиться.

— Ну не так чтобы — замялся глава.

— Такая смирная, спокойная лошадка мне и нужна. Я почти не умею ездить верхом — прихожу на помощь хозяину.

На следующее утро, в компании с Фёдором, который был на одной из лошади экипажа, я поехал составлять план местности и конкретно внести предложения. Пока составлял, пришлось, и помотаться из-за некоторого расположения объектов. В частности больницу, надо срочно убирать в другое место. Ну как, её можно было так расположить? Заскочил на рынок и договорился, чтобы мне на охоте добыли кабана. Потом поехал в гости к Филатову и заказал два стеклянных самовара литров на пять — семь, чем его удивил. Но с условием, обязательно прозрачных корпусов, кроме ручек. Обошедшиеся мне по цене семь рублей шука. Но тут возникла заминка, он не знал, как брать с меня деньги. Я его успокоил, пусть берёт, а Иван Акимович, когда приедет, разберётся. И дальше по кругу, от одной фабрики до другой, которые тоже были раскиданы не очень хорошо. Потом рассмотрел, где мне надо делать прокатный стан и познакомился с бригадой возглавляемой Анисимом. Так как, распоряжения от Мальцева на счёт цеха уже пришли, отдал им распоряжение, куда капать яму под фундамент от цеха. Когда мерил, пользовался метром, чем их удивил. Дал на ознакомление с наказом сделать себе такие же и точка. Проверил другие инструменты...и тяжело вздохнул. Взял Анисима и опять всё закрутилось по новой. Фабрика, завод, кузница. Но тут уж не мне надо. Мальцев, их тут видать строил крепко, так что всё обещали сделать, как надо.

Набегался, разнервничался, понял, что иначе сорвусь и поехал на квартиру.

Зато разговор с Катериной Сергеевной, хозяйкой дома сложился удивительно легко. Эта чуть полноватая, но всё ещё привлекательная женщина, скорее инстинктами поняла, что стоит меня послушать. Выполнить, в общем, не сложные требования. Следующий день, после рыбалки и очередного фурора у детей, мы с ней, делали активированный уголь из берёзовых углей. Кроме команды крепостными, она и сама сначала всё пробивала сделать.

— Чтобы знать — так она выразилась. Уговорил сложить небольшую печь во дворе, для наших экспериментов. У них вообще не заметил, никакой конструкции. Может во внутренних покоях? Или я чего-то не неправильно понял? Задумываться не стал. Сложили самую простую.

Охотники, притянули кабана, килограмм на 250. У него были такие большие клыки, больше для льва подходящие и волосатый, ужас. Мы забрали всё сало и заднюю ногу, остальное отдал охотникам и ещё два рубля. Ох, чувствую, переплатил и очень. Расстались довольные друг, другом. Если с активированным углём проблем у нас не возникло, то с

мылом пришлось повозиться и не один день. Но результат того стоил. Сделали пахнущее ромашкой, вот только цвет, подкачал. Как кусок застывшей грязи и с консистенцией, поработать ещё надо. Ну и ладно, главное, что свою функцию оно выполняло.

Периодически я ездил на стройку смотреть, как идут работы по сооружению нового цеха. Пришло письмо от Мальцева, которое меня...откровенно разочаровало. Ведь умный же мужик, по заграницам ездил, а ведёт как наш олигарх. Максимальное извлечение прибыли, с минимальными затратами. Разрешил перенести рынок, усилить охрану и варить мыло, для пробы. Передал распоряжение выделить дополнительные материалы на храм. Обещал, к концу месяца приехать и посмотреть на результат моего труда и вообще с проверкой. После оглашения письма, мне только и осталось развести руками.

На церкви, у него и строительного материала и мастеров хватает, а на общественную нормальную баню, нет. Храм.... его можно и после эпидемии достроить. Беда для меня, была и ещё в том, что тут всё принадлежало Мальцевым, и строить без его разрешения, было категорически запрещено. Была и охрана из бывших солдат, которая не везде и пускала. Да я и не стремился. Чего, я там не видел?

Ещё я настоял на выпуске небольшой партии напольной плитки, на кирпичном заводике, мотивируя надобности в новом цеху. Подумывал и черепицу. Но я о ней, мало что знал, а как улаживать на крышу, так ни бум-бум, как говорят.

Дальше жизнь пошла какая-то уж совсем спокойная. Ходил на рыбалку, ездил на лошади, охоту и проверял строительство цеха. Смотрел на лодки и баркасы из Владимира, которые забирали товар и привозили заказанные товары и продукты. Курорт, одним словом. Единственное, омрачали вести с "большой земли", где холера свирепствовала не на шутку. Вымирали целые города, например, такие как Мариуполь, где почти и не осталось жителей. Местные чинуши, всё чаще спрашивали меня, соглашались, крестились...и шли молиться в церкви.

Я же, построил с помощью бригады, за свой счёт, между прочим, и в выходные для них, деревянный домик с душевой кабинкой и ведром вместо лейки. Каждый день мылся с мылом. Коротко подстригся и через день брился. Заставлял дворовую девку Софью, через день убирать в комнате с водой и мылом. Поставил два стеклянных самовара, очень красивых с разными завитушками и почему-то красными ручками, на разной высоте. В одном сделал угольный фильтр, через который фильтровал воду в другой и только оттуда использовал.

Хозяйка дома, Катерина Сергеевна посмотрев и попробовав воду, захотела заказать такие же. Убедил изменить конструкцию и сделать побольше объёмом, и пришлось привлечь даже кузнеца. Получившаяся, стеклянно-металлическая колонна, со стеклянным краником и разными узорами вызвала восторг даже у меня. Филатов решил сделать для пробы на продажу. Удивительно, но фабрика получила заказы с Владимира и дальше, а я красивый и функциональный подарок, но не больше. Так не честно, но что поделаешь.

Кое-какие результаты принесла и моя деятельность по санитарии. В городе стало чище, где надо подсыпали песком. Обновили отхожие места и засыпали известью. За испражнения в неположенных местах полагалось наказание плёткой, а детям розги. Рынок вынесли за речку, а мост подновили.

Зато мои попытки ограничить контакты с людьми с Владимира, встретили решительный отпор всего руководства Гусь-Мальцева. Поэтому я договорился с отставным, по ранению вахмистром Синицыным, начальником здешней охраны.

— Синицын, жить хочешь? — задал я вопрос в лоб.

— Барин — замялся бывший служивый.

— А жинка, а дети? — назираю я.

— Так, кто ж не хочет? — смекнув, что я не просто так, завел разговор.

— Значит так. Будешь у меня получать мыло, за мой счёт — заметь. И что бы постоянно мылись, особенно после разговора с другими, не с Гусь-Мальцева.

Дальше я прочел целую лекцию. Где, что и как.

— Все понял? — смотрю, кивает головой. Продолжаю дальше "наезжать"- Не будешь исполнять, лишишься должности. Понял.

Так как все знали, что у меня фамилия Мальцев, а по отчеству Иванович, но не знали степень родства, а распоряжался я лихо, многие мои указания нижними чинами исполнялись тщательно, так, на всякий случай. Новак же, о моей степени родства, почему-то молчал, а я тем более.

К сожалению, много производить мыла мы не могли, не было жира и большого котла. Пару раз, охотники еще приносили кабана и пару барсуков, этим всё и закончилось. Да и разгар лета, откуда у животных много жира? Закупить масло Шулер отказался, сославшись на нехватку денег и прямого распоряжения. А мне уже банально надоело постоянно им объяснять и доказывать. Да ещё и ненароком, и не обидеть. Мне тут что, больше всех надо?

Разнообразие внёс, помещик из Шатуры, отставной капитан Беспалов с большими бакенбардами, похожий на моржа. Ветеран русско-турецкой войны 1828–1829 на Кавказе. Прослышав про мыло, приехал прикупить, да и скучно ему. Оказывается, с мылом он уже сталкивался у сирийских турок и признал, очень полезным. Капитан, оказался много повидавшим и воевавшим человеком. Мало того, увидев колонну с углем, и тоже такую захотел. Его сильно опечалила цена в 20 рублей. Ничего себе, я и не знал что так дорого, а во Владимире все 30. А в столице, полтинник минимум. Хотя если самовар в Туле стоит 25–30, то почему бы и нет. Все промышленные товары, особенно что-то новое, блестящее и красивое, стоило огромных денег. Знать, от них просто дурела и хвасталась друг перед другом. Дефицитом.

Небольшое имение, что досталось Беспалову по наследству, доходом похвастаться не могло. А как я понял, заниматься крестьянским трудом, ему ещё и претит. Мало того, что свирепствует холера, так ещё и урожай в этом году не будет. Ожидается очень голодный год, а царь-батюшка, уже подушные налоги поднимает, 98 копеек серебром стало. Он уже подумывает вернуться в армии, но войны пока нет. Для строевой службы, он уже староват. Жаловался нам Беспалов. Договорились, что он будет поставлять жир животных, а на обмен, получать мыло. Что уж он с ним собирается делать, мы так и не узнали. А еще у нас в 21 веке говорили, что дворянам торговать претит. Не знаю, может князьям и графам и претит, а мелкие, не прочь и заработать, особенно когда припечёт.

Глава -4.

В селение втянулся караван карет и конных всадников со стороны Москвы. Все, тут же забегали как наскипидаренные, благодетель приехал, сам Иван Акимович со свитой. Сразу стало тесно и сутолочно. Мальцев был явно "не в духе", Шулер получил нахлобучку за медленно работающий кирпичный заводик. Филатов, за не перестроенную до конца печь,

дошла и до меня очередь.

— Это что за деревянные рельсы Вы, Дмитрий Иванович уложили? А это что за сооружения? — строгим голосом Мальцев и ткнув в поддоны. — А вот эта башня для чего, а куча шестерёнок с кожаными ремнями зачем?

— Это сейчас, высота стен по пояс, и легко подавать кирпичи и раствор. А потом возникнут проблемы. Вот я, заранее кран и строю, для выполнения высотных работ — отвечаю. Да какой там кран, передвижная тележка с "журавлем". — Это поддоны, на которые укладывают кирпичи на заводе. — Отвечаю дальше на кучу вопросов.

— Кузнецы куют для Вас, каменщики работают на Вас, плотников Вы тоже загрузили работой. Охрана, тоже Вам в рот смотрит, а рабочих рук не хватает. Вы даже ювелира, смогли заставить работать. И Вы предлагаете ещё и больницу перенести, а скоро зима. Разве так можно, Дмитрий Иванович?

Кто-то явно наябедничал, и я даже догадываюсь, кто. А ювелира, подумаешь, медный бритвенный станок со снимающимся лезвием сделал. Делов-то для него раз, плюнуть.

— А нельзя ли мастеров, с других мест прислать или купить? — осторожно интересуюсь.

— Можно, вот только кормить и налоги за них платить нечем — зло Мальцев.

— Ну, мне тоже будут нужны мастера, потом. Можете их оформить на меня — спокойно-нейтральным голосом отвечаю. Не хватает мне только с Иваном Акимовичем поссориться.

— Да.... а то, что их с семьями оформлять надо, это как? На каждого мастера, жена и 3–4 ребёнка или Вы не знаете, что по новому указу семьи разлучать нельзя?

Да откуда, я такие тонкости знаю? Да для меня вообще, многое в этом времени открытием оказывается. Я то и феодалом не планировал, а придётся, на самом деле это не так и просто, как кажется.

— А какие-нибудь... семьи поменьше нельзя?... Здесь, на новый цех мастеров, тоже нужно будет — растеряно отвечаю.

Видя мою растерянность и неуверенность, Мальцев довольный этим усмехнулся. Видать слишком мой уверенный вид, раньше, ему очень не нравился, а тут утёр нос молокососу.

— Пиши, что ещё придумал, а я подумаю — усмехнулся он. — И кормить будешь, тоже. Нет, всё же не зря, его называли одним из умнейших людей державы, всё просчитал, не хуже компьютера.

Через два дня забрав мои записи, все фильтры-колонны, активированный уголь и всё мыло, со словами вы ещё себе сделаете, колона карет, конных и крестьянских телег поехала в Дятьково под Брянск, в его главную усадьбу.

— Я знаю, что Вы тратили свои деньги. Возьмите у Новака 100 рублей, я распорядился — при расставании сказал мне Мальцев.

Вот же, хрен его поймешь, с одной стороны, отругал, с другой наградил. Всё же 100 рублей, очень большие деньги по этим временам.

На радостях, я тут же побежал и заказал себе новую, фильтровальную колонну, за счёт экспроприированной. Но с небольшими изменениями и медным краником (за который пришлось платить из своего кармана), чтобы туда влили. Заказал рыбацкие сети, соли, дубовые бочки и многое, многое другое. Мне так проще, чем согласовывать всё с Новаком и Шулером, доказывая необходимость, каждой мелочи. Как-то вот слова Мальцева "и кормить тоже", мне очень не понравились, вот чувствую, готовит мне какую-то подлянку.

Попытался напрячь, оставшихся плотников для постройки лодки и получил, отлуп. Не хватает инструментов и элементарных досок. Почесал макушку, и пошёл вспоминать и рисовать, какие мне будут нужны, а заодно материалы. Закажу во Владимире сам, мне и останется. Хорошо бы и самому туда съездить, но боюсь. Кончилось тем, что всего осталось 80 рублей в кармане. Да что за ерунда, опять я без денег и это при том, что ни за еду, ни за жильё не плачу. Тут зарплаты 8-12 рублей в месяц, а у меня сотни улетают. Только теперь я понял, почему Мальцев зарплату в 200 рублей, не сильно и опротестовывал. Он просчитал, мой характер и что мне, будет проще заказывать за наличный расчёт, чем ругаться за каждую копейку. Правда, приставил и двух соглядев, но я не в обиде. А Фёдору даже рад, он мне много помогал и впитывает всё, как губка.

Мысль перенести больницу, я не оставил по двум причинам. Эпидемии, тут постоянно, а в Гусь-Мальцевском приезжих практически и нет. Может ещё придётся тут и прятаться. А ещё, мне надо отработать технологию для строительства своего дома. Практика показала, что дьявол кроется в мелочах. И так просто тут, даже самую простую вещь, не сделаешь. Будем надеяться на вторые 200 сотни, которые я должен получить на днях.

С поставками продуктов из Владимира, приехало около 100 человек. Доверенные лица Мальцева, их банально купили и теперь они стали крепостными Мальцева, чему были рады. Официально это было запрещено, но такие олигархи как Мальцев, на это плевали и находили лазейки. Сами же крестьяне и бежали от других, к хорошим владельцам. Вот и подделывали документы, за взятки, само собой. Слух о хорошей жизни в Гусь-Мальцевский, давно распространился по окрестным губерниям. Брали и разорившихся мастеров, вот как сейчас.

— Вы просили людей, Дмитрий Иванович, вот и займитесь — обрадовал меня Шулер. Вот нефегась, формулировка — займитесь. Это же такое большое количество, плюс женщины, плюс дети.

Делать нечего, сначала всех в карантин. Благо там стояли навесы, а на ночь опускались матерчатые с нанки стенки. На такое количество они рассчитаны небыли, поэтому заставил, строить еще один навес. Каменщиков, заставил делать из камней простые печи-очаги, а мальчиков собирать камни на берегу и окрестностях. Часть женщин, на женскую работу рядом, а часть с девчонками собирать травы и ягоды. Плотников, дав свой инструмент, заставил сколотить простую мебель. В общем, озадачил всех. Шулер, приехавший полюбопытствовать, только головой покрутил, от моих решений и команд. Но предупредил, что, мол, это конечно хорошо, но их кормить задарма никто не будет.

Волевым решением в столярной мастерской, используя часть моего закупленного инструмента и материала, заставил делать лодку, а вернее катамаран. Причем изменил верхние части, чуть приподнял и сделал их плоскими. На спуск, явились все, кто мог, как же такое событие, а я специально сделал в воскресенье. Лодки были и в Гусь-Мальцевском и даже барки, которые возили товар, но вот такой, точно не было.

Рыбу тоже ловили, но не так, "современно". Пришлось и тут делать "революцию", а заодно вспомнил про коптильни. Одно, тянуло другое и через некоторое время, мне опять не стало хватать мастеров. Нет, людей более или менее хватало, но вот их приходилось обучать всему, даже счёту, как детей палочками. Бывало и до курьезов доходило, да таких — толи плакать, толи смеяться.

— Ну что Вы, голубчик. Право, так нельзя — выговаривал мне за ужином Шулер. Но к вечеру, я так уставал, что почти не реагировал на его слова.

Сильно строительство тормозило производство обычного и огнеупорного кирпича, для флоат-ванны. Его всё так же, не хватало. Пришлось "ломать голову" как увеличить производство, а тут ещё бумага за подписью Мальцева, наладить производство мыла и три подводы с чугунными котлами и другими моими и не только заявками.

В общем, опомнился я через месяц. Надо было устанавливать оборудование в готовом цеху, для выпуска стекла. Печь Филатов уже перестроил, от неё шел длинный и узкий желоб, сначала из огнеупорного кирпича. Потом из рельсового чугуна, с такими же ребрами, в другом желобе с циркулирующей водой для охлаждения, и к стене, в которой была щель. Всё это под наклоном. Ох и ругался Филатов, когда печь пришлось переделывать несколько раз, а загружать компоненты стало неудобно. Когда поставите паровую машину, и многое тогда механизуете, плюс дополнительное охлаждение, ответил я ему. К сохранению тайны, мы подошли основательно, даже в Гусь-Мальцеве. Дальше под наклоном в закрытую флоат-ванну с печками, где было расплавленное олово, по краям валики на цепной тяги. Туда могли и ручки вставляться, на всякий случай. Вращение валиков осуществлял медленно опускающийся груз с шахты, посредством цепных передач, которые тоже, надо совершенствовать. От кожаных ремней пришлось отказаться, и переделывать конструкцию. Сужающаяся железно-кирпичная флоат-ванна. Эта ванна, испортила мне много крови. Теоретически я знал, как она устроена, а вот с практикой, пришлось помучиться. Дальше опять под наклоном по валикам к другой стене, в которой тоже была щель и дальше валики под небольшим наклоном. Концы валиков тоже пришлось поместить в воду для охлаждения. В конце эстакада, чуть искривлена, по ней пока бегал мальчишка-помощник с установленным резцом и отрезал стекло. Не сразу, сначала оно вообще получалось хрупким и с дефектом, но всё же мы добились приемлемого результата. Причём тут была не только моя заслуга, но и мастеров-стеклодувов, дававших много полезных советов, особенно по температуре и охлаждению. Только толщина стекла получалась у каждой партии разная от 2.2 до 4 с копейками миллиметра, но большего мы достигнуть не сумели и я плюнул на это дело. Тут, тогда надо много перестраивать по-другому, пусть в ручную сами и сортируют. Выпускали то мало, скорее это был небольшой цех, чем завод. В комнату с флоат-ванной поставили кованую железную дверь с замками и запорами, и туда мог попасть только определенный круг людей. Плюс сделали "современный" пост охраны с будкой и биллом.

Стекло получилось не такое хорошее, почему-то с зеленоватым оттенком и чуть-чуть мутноватое. Были и дефекты, а не так, как в моей реальности, но для этого времени, очень и очень хорошо. По большому счёту, всё производство было, что называется на "соплях", но пусть сами доводят до совершенства и разделяют печи для плавки, пожадничали, а я это им сразу предлагал.

Ура! Свобода! Ждем Мальцева.

Вторая половина августа, а жара, только чуть спала и ночи стали более прохладными. Вот никогда бы не подумал, что тут такое возможно. В цеху и так жарко было, а сейчас вообще. Зато я отвел воду и сделал рабочим душевые, пока начальство не разобралось, что я такое строю, и не спохватилось за расход материалов.

— Поздравляю! Вы просто молодец, Дмитрий Иванович — не скупился на похвалы Иван Акимович во время застолья по его приезду и пуску цеха.

А на следующий день, осматривая катамаран, получаю предложение мной прогнозируемое. — А оставайтесь у меня работать, оклад я вам положу больше чем генералу. 500 рублей в месяц, плюс полный пансион.

Ого, очень щедрое предложение, даже очень. Как бы ответить и не обидеть.

— Понимаете, Иван Акимович, я всегда хотел свою мастерскую. Давайте я Вас в гости приглашу, как только устроюсь.

— Хорошо — чуть помедлив — получишь свои деньги и бумаги. Но ты уж старика, не забывай, "родственничек" — хитро так улыбается. — Они в Москве, я пошлю за ними, да и закончи тут все дела.

Потом подумал и продолжил.

— Передай поклон Добрынину, он поможет устроиться.

— Как только устроюсь, сразу Вас в гости и позову. Надеюсь, приедете? А нельзя ли Фёдора, временно использовать. До конца года и пару мастеров по камню.

— Что понравился — усмехнулся.

Я киваю головой.

— Можно — ответил Мальцев и уехал в Санкт-Петербург.

Вместе с разрешающими бумагами на производство холодного и ручного огнестрельного оружия, я получил и плюс бумаги, в котором я становлюсь помещиком в селе Медведки Тульского уезда, за три тысячи рублей, купленных у помещика Кологривова. Мне надо только зарегистрироваться в Туле у главы Добрынина Н.Н. и можно вступать в права.

— Какую же аферу, провернул ты, Иван Акимович Мальцев? — вырвалось у меня.

Вот, с..., удружил. Мало того, что мой заработок забрал на две трети, и нарушил мне все планы, так ещё и деревню навязал перед зимой. Ну... удружил, так удружил.

— Анджей Радомирович, я свой уговор выполнил. Поеду в Тулу. Фёдора беру с собой и двух мастеров, напишите бумаги на них — показываю бумаги от Мальцева.

Теперь мне надо собраться, а вещей у меня накопилось на пару телег. С Шулером договорился на аренду, а Звёздочку сменял на катамаран, который стал местной знаменитостью, но и другие расходы мне возместили. По честному.

Тепло, распрощавшись со всеми семействами Шулеров, Вальбергов, Филатовых и других, две телеги и два конных отправились в Тулу. Жара, оставила свой отпечаток на природе. Речки, озера и болота значительно уменьшились в объёме. Деревья и трава, которые были дальше от воды, кругом пожелтели и увяли. Живность, которая раньше буквально шныряла под ногами, куда-то подевалась. Много задохнувшиеся рыбы, по берегам рек и речушек. Да, зима будет трудная не только для людей, констатировал я безрадостную картину.

У меня был тесак-мечете, выкованный ещё в Людиново, для хозяйских работ и шест. Я, по мере возможности старался ездить на лошади и пытался фехтовать с Синицыным на палках. Если с лошадью мне могли помочь, то фехтовальщиков тут нормальных не было. Так же, напрягал Шулера, в изучении немецкого языка. Вальберга во французском языке, но он у него был какой-то ужасный. Толи у меня, проблемы.

У Фёдора пара пистолей, невероятного размера. Где он их только надыбал, раньше, я у него таких не видел и сабля. Я на неё посмотрел и только pokrutil головой от огорчения. Видно, что ухаживает, но ржавеет она быстрее, по-моему. У мужиков на телегах топоры под рукой.

На дорогах было не спокойно, "разбойнички" пошаливали, в основном беглые крестьяне. Ну, с такой-то житухой, как у них, и я бы в бега подался. Решил заехать к Беспалову и купить собаку. Тогда к его предложению я, отнесся без особого энтузиазма, но

сказал что подумаю, чтобы не обижать нормального человека. А вот теперь, похоже, настала необходимость, с ней как-то спокойней. Лучше бы овчарку, но будем брать, что есть, русскую псовую борзую. Почему-то помещики в это время, от неё в восторге и держали целые своры.

Наш приезд в Шатуры, вызвал целый переполох. Неказистые домики, и это для меня слабо сказано, расположились как грибы в лесу. То есть, кто, где поставил, и наполовину вкопав их в землю. Детвора, обоих полов, глазеющая на нас, в каких-то балахонах или длинных рубахах, сразу и не поймешь. И такая нищета в день пути от Москвы, просто ужас. Гусь-Мальцевский прямо, как небо и земля. Скорее всего, я был не справедлив к Ивану Акимовичу, такой нищеты в его селениях и близко нет. Дальше я старался смотреть под ноги коню, а не по сторонам. Стыдно.

Дом Беспалова, ассоциировался у меня с каким-то длинным сараем вокруг пристроек, под холмом. И это отставной капитан, воевавший на Кавказе, так живет? Понятно, почему он на войну проситься.

— Какие гости дорогие — вышел встречать Константин Григорьевич, оказавшимся дома и его домочадцы, нестройной толпой за ним.

— Да мы, на пару минут. Вы уж извините, но спешим — слезая с кобылы, произнес я. Желание задерживаться не было не на грамм, а объедать хозяев еще меньше. — Я решил прислушаться к Вашим советам и купить у Вас собаку.

— Жаль, что Вы, не желаете погостить. А вот купить собаку.... это Вы, правильно решили — Беспалов.

Нет, все же умный мужик, все понял и оценил. Вот только почему так бедно живет, не понятно.

— Вы случайно не слышали, что царь-батюшка крайне не доволен ситуацией в Европах и собирается навести там порядок. И даже указ издал — идя к псарни, спросил Беспалов.

— Скажите, Константин Григорьевич, а почему вы не хотите создать отряд охочих людей в помощь армии? — остановился я, на полдороги и повернулся к хозяину. Озвучиваю, свою давно вынашиваемую мысль, законного грабежа и поправление материальной базы, за счёт "просвещённой Европы". Мне уже стало понятно, что без этого завод...заводик я не построю. Денег не хватит.

— М... Земское ополчение — потом, о чем-то подумал и дополнил — но на это надо специальное разрешение и деньги, а их нет. Да и собирают их во время войны, когда...

— Нет, я не об этом говорю. А о летучих отрядах, которые будут действовать в тылу врага резать коммуникации, караваны снабжения и другое. Ведь раньше такие были — перебиваю хозяина.

— Это, очень и очень давно. А сейчас это, разбой — опешил Беспалов.

— Какой разбой, уважаемый Константин Григорьевич во время войны? Это война — давлю на него.

— Но прежде Вы хотите захватить добычу? А это грабёж — немного презрительно отставной капитан.

— Грабёж, это когда мирное население грабят и насилуют. А я предлагаю создать отряд, который будет нападать, на военных противника....ну и получать законную добычу. Как казаки. Чувствуете разницу. Знаете, что сказал Наполеон, для войны нужны три вещи — деньги, деньги и еще раз деньги — давлю на Беспалова, а сам краем глаза вижу, как Фёдор "греет уши". Все слово в слово донесёт, но и пусть.

— Но Вы, не казак, а дворянин. И это...как-то...неожиданно — качает головой Беспалов.

— А Вы подайте прошение, а там будет видно. Пусть хоть попробуют — соглашаюсь я.

— Я подумаю...над вашим... необычным предложением.

Псарня у него была более аккуратно построена, чем дома у крестьян. Видать, о ней он больше заботится. Остановился перед деревянным заборчиком, где находились четыре взрослых, и пять щенков разного возраста. Чтобы содержать такую свору, нужно постоянно охотиться. А значит пули, порох, а это всё опять, деньги. Ладно, Россию умом не понять, надо воспринимать, как есть и не лезть в высокие материи. Выбрал себе самого любопытного щенка. Тощий на длинных ногах годовалый кобель с серыми пятнами на спине и голове. Смотрел на меня своими чёрными глазами, в ожидании... ну не знаю чего, назвал Ремом, сам не знаю, почему. Надел на шею собаки кусок верёвки, вместо ошейника, надо будет нормальный сделать. С длиной верёвки сделал поводок. Заплатил, 20 рублей не торгуясь, чему хозяин был безмерно рад, попрощался, и поехали в Тулу. Решили ехать через Коломну.

Старинный красивый город с мощными крепостными стенами и башнями, стоял на слияние рек Москвы-реки и Коломенки. Много кирпичных церквей, других зданий и домов. Тут соединялся водный путь с Оки, перекрёсток важнейших водных торговых путей. Тут был крупнейший рынок перед Москвой. Рассматриваю город с небольшого холма, красивый и необычный, если можно так назвать. Потом проезжаем его и рассматриваем. Много тут было и разных мастерских. Судя по домам, должно проживать тысяч 10, а может и больше. Видно, что развитый, в промышленном плане город. Надо более внимательно к нему присмотреться, при случае. Сейчас же, из-за эпидемии город "притих", люди ходят безрадостные, опустив головы. Стараются друг к другу близко не подходить. Дворян вообще не видно. На большом рынке, часть лавок закрыта. Стоят кораблики разных форм и размеров под разгрузкой, но как-то всё вяло, как во сне. Надо и к местному рынку присмотреться, но потом.

Переночевали в окрестном лесу, Фёдор к моим вывертам уже привык, поэтому не возмущался. А я, не ленился объяснить почему, так или этак. С другой стороны сохраняя дистанцию, уже понял, другой век, другие нравы. Мой надувной матрасик он оценил, в отличие от Новака. Крепостным под телегами вообще привычно, шкуры на землю, сами на них. Мы же, специально по моему указанию изготовленные, укрылись покрывалами, под охраной лошадей и Рема заснули.

Глава — 5.

На следующий день въехали в Тулу, на въезде охрана проверила состояния здоровья и предложила надеть повязки, пахнувшие какой-то дрянью. А я-то думал, что их в 20 веке придумали, а смотри, уже есть. Дали почитать бумагу распоряжение главы города. Чуть какая-то, кроме лучше питаться, ничего путного нет.

— А ещё надо написать, что руки надо мыть перед едой. Воду кипятить. Чеснок и лимон, тоже надо употреблять — не удержался я от комментария по поводу прочитанного. Точно, как это я сам про них забыл — а повязки не помогут.

Старший охраны ефрейтор Василий Воробьёв, высокий и крепкий мужик под метр

восемьдесят, на меня так подозрительно посмотрел, но ничего не сказал.

Мы отправились в знакомый уже мне дом на Замочной улице. В этот раз всё обошлось дороже, я и Фёдор, крепостные, телеги, лошади, собака, но и я уже с деньгами. Остаток дня потратил на проведение себя в порядок. Оставил инструкции слугам, а Фёдору наблюдать за ними. Утром отправился к городскому главе города.

К нему пустили, убедившись, что я не болен. Государственный чиновник, не спрячешься, да ещё в таком, очень непростом городе. Николай Николаевич Добрынин с густыми бровями, усами и совсем маленькой стриженной бородкой. Все они тут какие-то валосатики, почти у всех усы, бороды, бакенбарды, этот раз встретил меня более доброжелательно. К нему уже пришли бумаги из столицы с распоряжениями. Поздоровались. Сам глава, заседал в большом кабинете за письменным столом в большом кресле с подголовником. На столе, большая фигурная медная чернильница с крышкой, стакан с перьями. Два валика, для промачивания письма с медными фигурками, вместо ручек. Чудная лампа, наподобие керосинки. Позади него два огромных медных светильника на полуколоннах. В кабинете, с одной стороны, ещё был большой светлый сервант или комод, внизу закрытый, а верхняя часть с книгами и свитками. Большие дорогие напольные часы, непонятный для меня диван, или как он тут называется. Два полосатых венских стула, и один, полностью деревянный стул. Это, наверное, для простых обывателей. С другой стороны, пару шкафов с книгами, мутное зеркало приличного размера, ещё несколько венских стульев. Дополняли интерьер картины, вазы и пару скульптур. Огромные зелено-темные шторы с разными финтифлюшками. В общем, богато, но немного безвкусно, на мой взгляд. Скривился, от того что я, не говорю по-французски.

— Как здоровье Ивана Акимовича — поинтересовался Добрынин.

Что он, ещё знает? Кто ему уже доложил? Да чего я туплю, явно бумаги и письмо от Мальцева были.

— Неделью назад всё было хорошо — приходится шипеть. Глава лицо официальное, кто его знает, где аукнуться. — Вот Вас, не забывает, просил поклон передать, передал послание и мыло.

Безликую инструкцию я написал сам. Надеюсь, Мальцев меня не съест за это, а два лучших куска мыла, уже из своих запасов. Тут чиновникам давать подарки принято.

— Любопытно, очень хорошо. Передадите от меня поклон, когда увидите и за заботу — несколько раз перечитав инструкцию, Николай Николаевич.

— Ещё, он забыл написать про постоянное употребление жителями чеснока и лимона — добавляю.

А дальше, я был посвящён в ту ж..., которую я попал. Из-за "неумелого обращения и неспособности навести лад на своей территории, приведшей к крупным выступлением крепостных крестьян" у помещика Кологривова "изымается поместье из его собственности, как ранее уже было заложено, с компенсацией в 6 тысяч рублей и штрафом в 3 тысячи, в пользу государства, за оказанные услуги " и так далее.

Ох, точно афера. Имение стоит намного дороже, пусть и захолустье, но всё же не так далеко и от Москвы.

— Это не совсем правильно, но так будет лучше. А то-с....холопы и зашибить могут, вон его старосту зашибли, почти до смерти — рассказывал Николай Николаевич.

Ну, с..., спасибо, Иван Акимович. За мои же деньги, мне и восставших крестьян и наверняка разорённое имение, мне и подсунул.

— Я бы хотел прикупить небольшую мастерскую для производства оружия, но со свободной землей к ней — говорю.

— Я подготовил список, можете ознакомиться — протянул мне лист желтой бумаги глава.

— А что с ними? — читаю список из 12 позиций.

— Умерли от холеры, не оставив наследников — Добрынин.

— Я возьму? Сейчас съезжу, посмотрю и определюсь.

Получаю кивок. Не прощаясь, ухожу. Захватив Фёдора, едем смотреть адреса.

Еду на лошади, кручу головой. Не маленький город современности, тысяч сорок, наверное, и будет, а может и больше. Раскинулся на две стороны реки Упы. В прошлые разы у меня всё было сумбурно, хотя и сейчас не сахар. Наблюдаю разноразличнейшей постройкой. Встречаются даже старые избы, наполовину вкопанные в землю. Есть и многоэтажные дома, и даже очень не маленькие. В основном это дворян, купцов и богатых оружейников, но это новой уже "современной" постройки. Дома дворян резко выделяются. Огромный каменный дом городского головы, а не далеко деревянный дом-сарай дворянского собрания. Город контрастов. Но понять можно, сильнейшие пожары 1834 года, уничтожили большую часть Тулы, и нанесли значительный ущерб. Как потом я узнал, в 14 миллионов рублей. Много жителей остались без всего, накануне зимы. Выделенных 120 тысяч рублей из столицы на новую застройку, часть из которых банально разворовали, ситуацию сильно не исправили. И даже приезд царя с проверкой ничего не дал. Но, несмотря на все несчастья, Тула строилась. Вот и получалось, что временные уродливые избушки соседствовали с каменными домами. Правда, большинство тоже архитектурой не блистали, даже новые дома. А тут опять несчастье. Сначала холера 1847, пришедшая с Казани, потом и в этом году. Часть лавок закрыто. Сейчас холера в Туле пошла на спад, и в этом году была не такая сильная, но унесла с собой почти пятую часть жителей за два прихода. (Мне потом сообщили). Заставила городских чиновников принять меры и расклеить распоряжение, которые я уже видел. Много встречных ходит в повязках, намазанных темной вонючей мазью, или чем они там их мазали?

Рассматривая здания, подумал, вот разбогатею, я вам устрою строительный шок. Так, надо заодно и прикинуть, где строить, чтобы с запасом и вообще мне лишние глаза, не нужны.

Остановился на мастерской по производству самоваров, недалеко от часовни Святого Николая и реки Ржавец. Самая окраина города. Надеюсь и цена, не слишком высокой будет. Сама мастерская была маленькой, зато огромный двор с забором, и неплохой склад-сарай, по этим временам. А главное, огромный пустырь за забором. Там можно будет и фруктовый сад посадить или другие, какие постройки поставить. И ещё мастерская была на возвышенности, а тут из-за сбережения тепла, привыкли строить в падьях. Нужно срочно начинать покупать и строить, а то в таком доме зимовать нельзя, даже печи нормальной нет. Очаг — каменка, это вообще не серьезно. Да их вообще не было сейчас, русских печей в смысле. Гусь-Мальцевском, я даже не заморачивался таким. Там какое-то чудо и было, но я не обращал внимания. В доме-мастерской жил сторож Иван, хромым инвалидом войны, который заодно и охранял постройки, чтобы окончательно всё не растащили.

С Добрыниным обсудили всё быстро, единственное затруднение, это как меня записать в местный реестр. Дворянин-помещик-заводчик, что давало определенные льготы. Обещал подумать. Место мне досталось за 100 рублей с большой прилегающей территорией, где я

старался хапнуть побольше. Но и я, пообещав за его труды, привезти 5 оконных стекол, для его дома, что по этим временам, было очень дорого. Тут у богатых в основном слюдяные окна, а у бедных бычьи пузыри. Привозные из заграницы могут позволить вообще единицы, и то, не в какое сравнение с новыми Мальцевскими не шли. Будут теперь у нас покупать, разные иностранцы.

Обсудив все другие организаторские вопросы, и заплатив дополнительно 10 рублей пошрины за имение, только не понял, какой и за что, такие витиеватые фразы "закрутил" Добрынин. Наконец отправился к помощнику-писцу оформлять кучу бумаг. Там пришлось ещё 2,5 рубля. Тут старичок с моноклем в правом глазу и копной седых волос, спрашивает, а что с крепостными крестьянами делать.

— Не понял, они же мои?

— Так, та оно так. Но на них наложен штраф. Если он не будет заплачен, то их отправят в Сибирь или на каторгу. А скорее на рудники, там всегда людей не хватает.

— И где, я их могу найти — пряча купчую в тубус из лакированной березы, сделанный плотниками в Гусь-Мальцевском, спрашиваю.

— В полицейском околотке, в арестантской полуроте.

Фёдора отправил за лошадьми и телегами. Сам еду туда, где встречаю уже знакомого станового пристава Титова Владимира Павловича. Сам в чёрной форме, застегивающейся на боку и с длиной прямой саблей. Что он с ней будет делать, в городских условиях на большинстве узких улицах, не понятно? Меня он явно, не узнал.

— Чего изволите? — сказал полицейский и смешно пошевелил чёрными усами.

— Хочу забрать свою собственность — достаю тубус и даю прочитать документы.

— Вот значит, как — растягивая слова, произносит Титов.

— Так, уважаемый Владимир Павлович, скажи сколько штраф? У меня времени нет, правда, только приехал. Мы с тобой, в другой раз пообщаемся, спокойно и за самоваром — с уважением, но жёстко говорю.

— 50 рублей за пятерых.

— Не дешево — а сам достаю деньги.

Забираю замученных крестьян, которых сначала выпороли, а потом заставляли работать. И только то, что бумаги не до конца оформили, спасло их от Сибири, и тут я и вмешался. В общем, повезло им.

— Так, Егор Лазарев, Андрей Михайлов, Фатей Михайлов, Тимофей Михайлов, Заха Михайлов. Родственники, что ли? — и смотрю на них. Кивают — я Ваш, новый помещик, а сейчас идём в дом, что я купил.

А дальше начался ад. Несколько раз менял план застройки, потому что многое сначала, не учёл. Нанял каменщиков, плотников, подсобников. Женщин, чтобы варили на 30 человек пищу. Над поварихами поставил командовать Фёдора, слава богу, он уже понимал, что к чему. Там шуму поначалу тоже хватало. Пришлось несколько раз менять "персонал". А первым делом заставил делать туалет, подальше, на 3-х человек сразу. Несколько вёдер с водой, для мытья рук, рядом на подставке. В место мыло для мытья, использовали золу, благо её было много. Потом типа душа, с ведром с дырками, а мальчишек нанял на подсобные работы — воду таскать, следить за лошадьми и многое другое. Заставлял строителей мыться. Затем летнюю кухню с печкой и навесом, сильно всех заинтересовавшую. Многие в свободное время там толкались, я сначала думал, еду выпрашивают, а нет печь интересуется. И кто говорил, что наши люди, тупые? Мастера,

быстро всё посчитали, вот только с колосником, не сразу разобрались. Надеюсь хоть у кого-то дома появиться. Навес побольше для нас с Фёдором, потом будет конюшня. Стол, лавки, и многое другое. Я, так думаю, мне это ещё не один раз пригодиться. Да и другие новинки мастера примечали, а я примечал мастеров, с которыми можно в дальнейшем работать.

Крику, шуму, зуботычин и остального было много. Привлекли и сторожа Ивана, который хорошо справлялся. Мало того, он был ещё и грамотный. Я когда убедился, так перестал за ним смотреть, полностью ему, доверяя. Чем он гордился, и спуску некому не давал. Перепоручив ему Рема, когда меня не было. Справлялись, и два мастера привезённых с Гусь-Мальцева. Поставленные бригадами, и нахватавшиеся у меня всякого разного, при строительстве цеха. И надо признаться, не всегда хорошего. Несколько упёртых и тупых выгнал, работы в городе на данный момент не было. Хороший каменщик или плотник, сейчас обходился по 8 рублей в месяц, обычно, 12–15. Я же, ещё и кормил, стоило это не очень дорого, на мой взгляд, а мне просто было жаль людей. Голодная зима у них, ещё впереди. И мой приказ, что у каждого должна быть своя миска, кружка и ложка выполнен был быстро, причём хорошо. А как же, иначе не кормили. Построил типа шкафа, где у каждого свое место и попробуй только нарушить. Поэтому, желающих было много, и долго не разговаривали. Или будите делать, как говорят или до свиданья. Зато материалы стоили дорого, сто штук хорошего кирпича 3 рубля 12 копеек, а тот, что не очень 1 рубль 56 копеек. Раствор, доски и всё остальное.

Сначала, хотел замахнуться на двух этажный дом, но вовремя вспомнил, что уже вторая половина августа. Потом прикинул, по финансам и решил ограничиться небольшим домом, останется потом для прислуги и рабочих. А вот старую мастерскую, пристройки, забор и ворота, решил подновить нормально. Часть перенести. Выкопали две ямы под фундамент, мастера не могли поверить, что это под дом, а это под выгребную яму. Намучился с полом, железобетонных плит ведь ещё нет. Пришлось изображать что-то среднее, подвал разделили на две части, своды сделали арочными, благо и замковые камни устанавливать умели. Я об этом имел лишь общее представление. Потом уже на них, железные решётки. Заказал и купил на заводе, не очень качественное железо. Его перековали, немного укрепив, и сковали сетки — решётки. Их делали в моей старой мастерской, нанятый кузнец, почти без перерыва. Ставили на сводчатый потолок и заливали качественным новым раствором, который только недавно появился у заводчиков в Туле. Вторую глубокую яму, в метрах 30 от дома, приспособил под выгребную. Прокладка, специально изготовленных глиняных труб на метровой глубине, под наклоном в кирпичных желобах, тоже не прибавило мне настроения. Зато, добавило задумчивые рожи, и чесания в затылке, мастеров. С арочным перекрытием так же пришлось мудрить, а люк с горловиной пока сделал деревянный из ясеня, а там посмотрим.

Я только беспокоился, чтобы не было сильных дождей. И тут же пришлось вспоминать, что мне и Фёдору, нужна тёплая одежда. Пришлось направиться к швеям. В одном из лучших ателье, заправляла вдова купца Антонова Анна Ильинична. Тридцатилетняя купчиха была на диво хороша, светловолосая красавица, почти скрывающая их, за расшитым головным убором. С высокой грудью и холёными руками. Остальное, к сожалению, скрывало эти "дурацкие" платья 19 века. Ну не как, я не привыкну к этой "карнавальной" одежде. Может мне дизайнером подвязаться и привести этих "артисток" в надлежащий вид? Причём Антонова, явно знающая себе цену мадам, и как я подозревал, беззастенчиво этим пользовалась. В гостях, я у неё застал Хрипкову Елизавету Павловну, сорокалетнюю

матрону, одетую в какой-то плащ, с кучей воротников и головном уборе сплатком. Она, оказалась моей соседкой, по-новому моему поместью. Женщинам, любопытно было посмотреть на меня, которого в последнее время, так часто обсуждают в Туле. Хотя, я так и не понял, как родственника известного миллионера Мальцева или строителя "непонятного" дома. У самой дом не маленький, деревянный двух этажный с кирпичным фундаментом. Явно больше моего, но, на мой взгляд, зимой тут будет холодно. Хоть и стоят красивые "недоделанные буржуйки". Дров тут надо будет, просто, немерено.

Через некоторое время, пришлось брать власть в свои руки, под девизом — заказчик всегда прав. Как меня за долбали, эти старые меры длинны, кто бы знал? Все эти аршины, вершки, пяди. Поэтому и одежда у них балахонная, как можно точно угадать. Я достал свой медный метр и дал посмотреть дамам.

— Вот. Был я на заводе у Ивана Акимовича Мальцева в Людиново. Рабочие подарили мне метр. Французская система длины. Я признал её очень удобной. Есть, как Вы видите даже очень маленькие деления. Я Вам, дорогая Анна Ильинична, оставлю, закажите себе такой. Но, Вам нужно будет сделать гибкие. А этот мне вернете. Память.

С костюмами определились быстро, почти английский стиль 19 века и тут уже знакомый. Молодец хозяйка, за модой следит чётко и явно образцы ей привозят. Чуть изменил полы пиджака, ширинку брюк, и крепление ремня. А вот дальше пошло.... как так можно, так никто не делает. Дворяне, такое не носят.

— Так... мадам, моду определяю Я — чем поверг женщин в ступор. Мой отказ от металлических и блестящих пуговиц, вышивки и ярких кантиков на куртках, осеней и зимней, вообще расстроил хозяйку. Заказал резные деревянные пуговицы тёмного цвета, покрытые лаком.

— Да поймите, дорогая Анна Ильинична, зачем мне зимой на морозе, металл? А расстёгивать голой рукой придётся, тогда как? А длина такая, как я на лошадь садиться буду?

— Ну а кожей обшивать зачем? — хозяйка.

— Мне, часто путешествовать приходится, вот и надо — отвечаю. — Мне надо добротную, удобную одежду, а не карнавальная наряд — подвёл я под всё черту.

— Карнавальная? — только, и осталось добавить хозяйки.

Примерило нас, что на ткани я экономить не стал, а заказал самые качественные английские и голландские. Но все зеленого, коричневого и серого цвета, чтобы цветовой фон плавно переходил по одежде. Шелковое нижнее белье, за фасон которого, тоже пришлось поспорить. Но у персов похожее было, и хозяйка с ним, была знакома. Фёдору тоже, но ткани дешевле и поглубже. И без дорогого меха, кусочками меха енота обойдётся. А его робкие просьбы более яркой расцветки, я проигнорировал.

К кожевникам, почти такая же ситуация, но они не возмущались, а признали, что так действительно будет лучше. Заказал и восточные тапки, с которыми тут были довольно хорошо знакомы. А от шнурков вверх сапог, пришли в восторг, дело в том, что с голенищами тут проблемы. До моего посещения были, надеюсь, больше не будет.

— Не забудьте мне премию, за идею — пошутил я.

К середине сентября, погода начала ухудшаться, и это заставило меня спешить. Пришлось одного крепостного крестьянина, Фатя Михайлова, дать денег, топор и лопату и отпустить домой, с наказом, что барщину отрабатывать не надо. А урожай, весь себе собрать, один чёрт, мне им некогда заниматься. Да и не известно, что там выросло? А если и

выросло, то что, после крестьянского бунта осталось?

Наконец, основные работы были закончены и я, рассчитавшись, распустил большую часть людей, оставив несколько плотников и своих крепостных. Им тоже выдал зарплату. Они устали на меня, как на икону, и а потом в ноги бухнулись.

— Так встали, я это не люблю. Работайте хорошо и будьте честными.

Много возни возникло с печкой и водяным отоплением, которое пришлось несколько раз переделывать. Делать две топки отдельно, на большом расстоянии друг от друга. Изначально я планировал их рядом. Оказалась, еще одна вещь, о которой я не подозревал, тут топили только дровами. И стоили они очень и очень дорого. Телега дров, в среднем три рубля и не очень качественных. Уголь тоже был, причём совсем рядом, километров в 20 залежи бурого угля от Тулы. Но для отопления не применялся, так как не было русских печей, к которым мы привыкли в 21 веке! Для меня это стало шоком. Я тут же, пока не поздно, заказал 15 телег, из учета килограмм 300 на телегу.

Котел, змеевики, "батареи", вернее толстостенные бачки, сделал медным. С этим, кстати, проблем не было. Могли изготовить, что закажешь. С медью и ее сплавами, научились так работать, хоть самолет заказывай, сделают. Самовары, сейчас ещё брали мало, не было купцов, поэтому за мои заказы ухватились, как за соломинку. Мало того, мастера сами привозили. Пытались понять, что я там, такое делаю, и куда столько медных изделий идёт. Но тут уже смекнул я, и отшучивался. У меня там работали только мастера из Гусь-Мальцева и мои крепостные, так что им, ничего не светило. Но даже им, я старался не объяснять, а просто командовал.

Всё, это мне вышло в фантастическую сумму по местным меркам в 800 рублей за небольшой домик для дворянина и родственника миллионщика. Местные дворяне и богатые купцы выразились, что, мол, я собираюсь жить в доме для прислуги, и высказали свое — фи. Простым мастерам, кто имел дело со мной или привозил заказы, многое казалось шикарным, а по мне не доделанным. Это не считая, закрытых ставнями окон. Особо им нравилась печь, они не понимали, как она работает, но размеры, дверцы и всё остальное приводило их в восторг. Ещё раз убеждаюсь, что зимой, не сладко тут приходиться. Полностью кирпичный дом с верандой и с большими окнами со ставнями. С крышей и кирпичной трубой, покрытой кровельным железом и с медным флюгером. Хотел черепицей, но не получилось, от отсутствия таковой и мастеров, способных её класть. По мне так, строгий, добротный, на хорошем фундаменте, часть дизайна взята у американцев 21 века, не такой как у всех. Даже какой-то архитектор напрашивался в гости, но я его, культурно послал, банально некогда.

Отделкой займемся потом. Крестьян отправил в имение, выписав паспорт на самом обычном листе жёлтой бумаги. Теперь надо было ехать за стеклом в Гусь-Мальцевский, отвезти мастеров и телеги. Фёдор, дед Иван и Марья, самая толковая из поваров, хоть и самая молодая, оставались на хозяйстве. Восемнадцать лет девахи, но с приданным тяжело, вот ещё и не замужем. Зависли всей семьей над пропастью или-или, цены, последнее время опять поползли вверх. Работы нет, моя работа для неё спасение. Вот и старается девка, из всех сил. Фёдор, как змей искуситель, стал сразу вокруг неё увиваться. Но я предупредил, чтобы было...по уму, и не какого насилия, а деда Ивана следить. Вообще это трагедия, он дворовой служивый и жениться без разрешения не может, она нищая мещанка.

Погода, уже начинала портиться, часто срывался мелкий дождик, а ночью было уже холодно. Надо было спешить.

Второй вопрос, не давал мне покоя, как заработать на нормальный заводик. Даже с мастерами надо что-то решать, покупать подмастерье это по 300 рублей? Я не могу, из-за отсутствия средств. Нанимать, могут уйти производственные секреты, причём бегом. В общем, решил с Мальцевым посоветоваться, вот только как это сделать? А напишу я письмо, отправят с Гусь-Мальцевского и напишу свой адрес. Ну и приглашу в гости, само собой. С таким "родственником" надо поддерживать самые лучшие отношения. Даже одно имя его, чего стоит. Тут от Москвы недалеко, может и заедет, он там и так, часто бывает. А пока, решаем другие проблемы.

— А где, мне нанять пару бывших солдат, для службы — смотрю на старичка в здании городской управы и думаю, а не стоит ли с ним познакомиться... стоит — и как вас зовут.

— Антон Яковлевич Обновин, милостивый государь. А служивых посмотрите на хлебном рынке или в казачьей слободе, там все рядом — улыбнулся старик.

Ну, рынок, так рынок.

Быстро добрался до рынка, на окраине города, но заехал сбоку. Чуть дальше за ним, две юрты и три двухколесные телеги с какими-то огромными колёсами. Не знаю что это, не встречал. Рядом около костра сидят какие-то ускоглазые "монголы" в лисьих шапках. Они, наверное, самое лучшее из их одежды, и есть.

На рынке прикупил чеснока в берестяном лукошке, причём как культурного, так и черемши, шиповника. Лимонов не нашёл, хотя купцы сказали, что знают такой и могут привезти.

— Я слышал, что под Калугой у Гончарова и у других помещиков, их даже выращивают — поделился один купец. Вот это да! Сделал заказ, но предупредил, что буду только, через несколько дней. Купил у него глиняный горшок с рязанским мёдом. Мёд это хорошо, надо подумать и посмотреть, как тут с этим делом?

— Как зовут-то тебя? — спрашиваю у купца, чуть старше меня. Скорее не сам дело ведёт, а на подхвате.

— Филатом.

— А что, эти косые тут делают? — киваю в бок "монголов".

— А это башкиры. Уговорились с одним купцом, и из-под самого Оренбурга, товар везти. Ещё охранять, его и товар. Привезти — привезли, но купец помер по дороге. Родственники обвинили их в невыполнении уговора, и отказались им платить. Они жаловаться. Вот ждут решение. Но никто им не заплатит, уговор не выполнили.

— Так сейчас же холера, любой помереть может? — удивляюсь я.

— Так, то оно так. Но уговор, есть уговор — и поднимает палиц вверх.

— Ясно — вздыхаю я. Караван, купцы туда-сюда — вертеться в моей голове.

Потолкавшись ещё немного на рынке, приценившись и поспрашивав о найме, которого не нашёл, или со мной, связываться не захотели. В Туле у меня уже сложилась репутация, очень требовательного хозяина и заказчика, хоть и платил я хорошо. Служивые не мастера, скорее решили подождать и ещё присмотреться.

Покрутился, покрутился и поехал к башкирам.

— Добрый день. Кто старший. Говорить хочу — не слезая с лошади, смотрю на десяток мужиков сидящих около казана, в котором греется вода.

— Илле Назир, слушай тебя — коряво произнес плотный мужик, в надвинутой до бровей шапке и одетый чуть лучше других, с ножом на поясе.

— Слышал у вас беда. Могу помочь.

— Чем?

— Почему казан пустой? — всё так же сижу спокойно на Звёздочке, не знаю правильно или нет. Вообще не понятно, как они такие чумазы холеру пережили.

— Денег нет. Кушай нечего — Назир.

Так я и поверил, да тут лесов и что бы башкиры, чего-нибудь не добыли? Быть не может. Вот только показывать бояться, земли то вокруг помещицы. За охоту могут и привлечь, они не дворяне.

— Возьми. Купи. Воины должны есть хорошо — и протягиваю 5 рублей ассигнациями.

Мы пристально смотрим друг на друга.

— Так что, хочешь? — башкир.

— Мне нужны воины...на долго, долго — говорю, спокойно смотрю на него, не мигая и не отводя глаз.

— Садись — приглашает.

Я слезаю с лошади, а они ухмыляться, видят какой я, наездник. Держу пятёрку в руке, Назир кивнул и один встал и взял деньги. Да, как их различать, они почти как близнецы-братья?..А ещё им надо, банно-прачечный день, причём срочно устроить.

— Пусть воины сходят и купят, что надо — усаживаюсь по-турецки, но подложив маленькое бревнышко.

"Политесы" мы с ним разводили долго, а я, помня пословицу "что восток, дело тонкое" не спешил. Договорились, сильным "камнем преткновения" стало мое требование к мытью и санитарии вообще. Остановились на условии, что они переезжают на пустырь за моим домом. Что мне дают двух конных воина и двух вьючных лошадей к ним. А по моему приезду решим остальное. Ну-ну, они надеются на справедливое решение.

Процедура купания и стирки двух воинов, у меня вытрепала все нервы. Я чуть не сорвался и не выгнал их всех и подальше. Остановило то, что если договоримся, то я получу почти два десятка верных бойцов, владеющих луком, крайне мне необходимо в дальнейшем.

— Дед Иван, ты же знаешь местных лучше. Подбери мне несколько рискованных и не болтливых парней, желающих заработать. Надо торговый караван сводить, а там знаешь, там всякое бывает — напутствовал я старого солдата. — Ещё нужен мальчишка водовоз или тоже инвалид.

С хорошей питьевой водой, тут проблемы приходится возить. Я ещё эту проблему так до конца и не решил, склоняюсь в водонапорной башни, сзади мастерской. Это для технических нужд и бочки в чулане для питья. Всё упирается в деньги, а еще налоги скоро платить.

Глава-6.

Поездка в Гусь-Мальцевский, туда и обратно, прошла без происшествий, заодно и Рема прогулял, а то он засиделся. Всё неплохо, не считая похолодания. С этого я сделал вывод, что надо срочно делать палатку с буржуйкой или тёплый фургон. По приезду в Гусь-Мальцевский, башкир оставил в карантинном навесе, сам остановился у Шулера. Тут же распорядился упаковать мне стёкла, чтобы везти на лошади и заплатил за них. Между прочим, по три рубля за небольшой лист размером 80 на 80 сантиметров и это только для меня. По сколько же, Мальцев их продает в столице?

— Вы уехали, и тут стало совсем спокойно — толи жаловался, толи сожалел Шулер.

— И не поймешь Вас, Александр Карлович, что Вы хотите? — улыбнулся я.

— Да я и сам не знаю. Но Вы, приезжайте почаще, Дмитрий Иванович — напутствовал меня Шулер.

— Как немного разбогатею, так к вам и приеду. Мне много, чего у вас надо — пошутил я.

Заставив этим, криво улыбнуться хозяина.

В Туле Добрынин внимательно рассматривая стёкла, произнес — хорошее стекло варит Иван Акимович, просто замечательное. А почём он их продает?

— Не знаю, Николай Николаевич — и смотрю, что он пристально смотрит на меня, добавляю — правда, не знаю. В Москве, по-моему, уже есть.

— А что Вы, за печь соорудили, Дмитрий Иванович?

Да, уже настучали. И когда только успевают? Видать вопрос очень и очень болезненный.

— Поставлю стёкла, чуть-чуть приберусь и приглашу Вас в гости — осталось мне сказать. Да какие гости, там внутри еще конь не валялся. А к туалету, я даже не приступал. И некогда и никак не определяюсь, да и расходы откровенно пугают.

— Ну а башкиры из семьи Кустур рода Бурзян Вам, зачем? — хитро прищурился Добрынин.

— И чем знаменит их род? — удивился я.

— А то, что они смутьяны и зачинщики беспорядков в Отечестве. Этот род принял самое активное участие в беспорядках Пугачева и других. Убивают чиновников и офицеров. Я не желаю, чтобы они тут находились. Пусть отправлялись к себе, и по быстрее — грозно сказал градоначальник.

— А с оплатой? — вырвалось у меня.

— Какая им оплата? Наверное, специально купца уморили?

— Так я их скоро и заберу. Я хочу сводить, торговый караван в Крым — воспользовавшись паузой, вклиниваюсь с репликой.

— Вы и этим хотите заняться? Как-то для благородного молодого образованного человека, это не лучшее занятие. Поступили бы Вы, лучше на службу — немного с презрением Добрынин.

— Нет, на службу, я не хочу. А вот денег, мне на мастерскую не хватает, вот и вынужден — отвечаю.

— Ну, так попросите у Ивана Акимовича, а не шляйтесь с разбойниками и смутьянами. Так и до Сибири не далеко.

— Я подумаю и прислушаюсь к вашим советам — стараюсь быстрее закруглить не нравившийся мне разговор.

— Идите и хорошо подумайте, молодой человек — сердито напутствовал меня градоначальник.

Мои акции в глазах местных властей упали, нижи плинтуса. Встречают по одежке.... которая совсем не такая, как у других. А провожают по уму... а в глазах местных дворян, его у меня нет. Сориться со всеми никак нельзя. Куда же мне их приткнуть, чтобы глаза начальству не мозолили? О...вспомнил, у меня же имение есть. Дальнейшее обдумывание с разных сторон привило к стратегическому плану. В этом году царь Николай в Европу, точно не сунется, зима на носу. Хотя и объявил, что наведёт порядок. Помню, что он перед

Крымской что-то нам наделал, что потом вся Европа, плевалась, шипела и душителем называла. Но вот что, не помню, и главное когда? Но, похоже, что очень скоро. Я же, постараюсь помочь им больше шипеть, а себе материально... на заводик.

Но, тут ко мне....чёрт принес... красивое создание, свет Анну Ильиничну с примерками. Понимаю, очень ей любопытно посмотреть, как внутри. Быстро ничего не скажешь, скроила. А может, хочет похвастать, что была одна из первых. Но, вроде тут принято извещать о визите, или нет? Может, это дел не касается? Я сам прусь, куда не попадая, без всякого предупреждения. Но это к "деловым" людям, а к дворянам, так не принято. Надо заранее извещать...в общем намучаешься, ну их, мне совсем не до них.

С ней еще пару девушек-портних, белошвеек, в карете.

— Проходите, дорогая Анна Ильинична. Но предупреждаю сразу, стройка ещё идёт и идёт. И повел их в гостиную, где было уже почти всё готово, кроме нормальной мебели. Сильно, я не заморачивался, часть оставили так, часть заштукатурили, а часть покрыли светлыми деревянными досками, под лак. Плюс большие окна, смотрелось для этого времени необычно. Все же это не дворец графов и князей.

— Снимайте с себя верхнюю одежду. У меня очень тепло, а то запаритесь — смотрю на её кучу одежд. С ума сойти, это сколько она времени одевалась? А потом же ещё и раздеваться?

— Ой, а что это, такое красивое? — смотрит на мою фильтровальную колонну, которая выделялась в гостиной, как новогодняя ёлка в праздник.

Пришлось объяснять. И вопросы посыпались...причём очень деловые, одно слово купчиха. Да ещё, сколько это стоит? А я знаю, почём их Иван Акимович продаёт? Прятать её что ли, на следующие посещения аборигенов? Или может мне дилером Мальцевского завода стать, все с вопросами — где и сколько? Пришлось даже воду дать попробовать.

— Вы уж извините Анна Ильинична, я только приехал и не как, не рассчитывал на ваш визит — развожу руками.

— Ничего, ничего Дмитрий Иванович. А что у вас за печь такая большая?

В общем, еле отделался, с обещаниями пригласить "на новоселье" в ближайшее время. Но, один узелок на память, я записал вовремя примерок, на счёт иголок и булавок. Жаль, этот процесс выпуска, мне сейчас не потянуть, а то сразу все мои финансовые проблемы решились бы.

И ещё. Вынес с нашего общения урок, попади такой в лапки, скрутит и мяу сказать не успеешь. Хоть и выглядит, как богиня. Так что с ней, надо держать ушки на макушки.

Но я, о другом помечтал.... минут 10. Ладно, дела не ждут.

— Назир, сколько вам должны? — спрашиваю, садясь перед илле (начальником 50 человек). И показываю руками, чтобы мы остались одни.

— 100 руб-лей — коряво отвечает предводитель башкир.

Блин, если я так деньги тратить буду, то скоро придётся опять в кабалу к Мальцеву лезть. Денег и так почти не осталось.

— А как узнали, что вы из семьи Кустур рода Бурзян?

— Вот — и показывает на груди вышитый круг, по его краям орнамент, внутри которого рога, и какая-то блямба.

— Твоё ж... — и дальше, вырвалось у меня. Чуть остыв, начинаю излагать свой план. Сейчас едем в имение, там посмотрим, что к чему. Потом они едут домой. Могут и найм подхватить и возвращаются к началу лета. Приехать должны в имение и прислать

крестьянина, что прибыли. Одежда должна быть тёмная и никаких знаков на ней, быть не должно. У всех должен быть лук, с не менее двумя колчанами стрел готовых и двух запасных, без наконечников. Все должны хорошо стрелять, работать копье и кнутом. Если, кто может хорошо ургой владеть, то отлично. Захватить и другое оружие, но прятать и лишнее внимание не привлекать.

— Что делай будем? — смешно выговаривает Назир.

— Пойдем в набег, за границу. Но это ты и я, и всё — показываю пальцам, и говорю совсем тихо.

— За границу — улыбается — это корошо. Но...

— Пойдем торговым караваном. Я дворянин — перебиваю его и поднимаю палец — на нас напали, мы отбивались.

— Корошо, мы согласны — еще больше улыбается башкир, хотя куда уже и так рот от уха до уха. Я отдаю 100 рублей, а у самого кошки на душе скребут, не дай бог сорвётся, такие деньги.

В имении, как я подозревал всё плохо. Дома у крестьян плохие, наполовину вкопанные в землю, на крышах мох. Даже заходить не стал, чтобы вшей не поймать, печек нет, домашних животных мало. Лошадь, вообще одну только и видел, с телегой которую выбросить не жалко. Из всего плюса, только территория. Два с половиной нормальных поля, потом какие-то куски, лесок и три больших луга с куском речушки. Несколько разных оврагов и несколько холмов. Свой дом бывший помещик почти развалил, гад, забрал даже двери. Да и дом тот, фигня, но лучше, чем у крестьян. Какие-то тут помещики не богатые. Этот, наверное, из бывших служивых нижних чинов, за что-нибудь награждённый. Но скорее всего предки.

— Михайловы, Лазарев идите сюда — сам сажу на коне, в окружение башкир. Рем на повадке, а крестьяне стоят, испуганной толпой. — Вы у меня работали, печь во дворе видели, почему ещё не у кого нет в доме?

— Так это, барин.... незашто купить кирпич, дверцы и решетку — мнется Тимофей.

— Так я же вам заплатил?

— Ну... мы...

— Куда дели?

— Зерна купили и других продуктов — Егор Лазарев.

— Не понял. А вы, что вырастили?

— Так...Всё старый помещик забрал с солдатами, за недоимки.

Вот с..., ну попадись мне, все зубы пересчитаю. Та-ак, мои крестьяне зиму не переживут. Придётся опять помогать и не раз.

— Даю 50 рублей на общину, в долг до будущего урожая. От барщины освобождаю на 3 года, но если надо, будет работать. Будите, за оплату. Помещичьи земли, весной распределяю за аренду.

Просто так, давать здесь нельзя, уже убедился. Много приходится буквально вколачивать, но когда выгоду почувствуют, и что их потом не обманут, работают очень хорошо. Не все, но многие.

— Кто сейчас староста? — крестьяне вытолкали Лазарева. — Так Егор, дом помещика отремонтировать и поставить там печь. Отдать самой нуждающейся семье. Сами решите по справедливости, он мне не нужен. Остальные подправить всем миром. Лес стараться не рубить, ветки можно, но так, чтобы дерево не погибло. Первый овраг от деревни засыпать с

ближайшего холма. Посадить вокруг домов фруктовые деревья, если нет, то рябину, калину и липу. Вон там и там — показываю рукой — посадить молодые березы из леса, ну и подумайте, где ещё можно. Через два месяца приеду, проверю. Подушный налог заплачу в этот год сам, потом вы. Вон на тот луг весной, вот эти приедут — киваю на башкир. — Всё понятно.

Кивают головами, а я передаю 50 рублей Егору, так чтобы видели остальные.

— Теперь, мне нужна девчонка в услужение посообразительнее. Кто даст?

Выгалкивают чумазую лет девяти малышку и, похоже, кого-то из Михайловых. Быстро сориентировались, молодцы.

— Тимофей, держи мыло. Отмыть, высушить и завернуть в покрывало — кидаю мыло и покрывало.

Ждать пришлось минут двадцать.

— Если что, пришлѐшь, кого или сам придѐшь ко мне. Хорошо кутайте и сажайте её в мешок — распоряжаюсь. Игнорирую оставшийся кусок мыла. Мешок с лямками одеваю за спину. — Как звать?

— Настя — тоненький голосок. Интересно, она хоть ела сегодня? Но делать нечего, придётся потерпеть, до дома.

— Ты если замёрзнешь или другое что, сразу говори, ясно.

На перекрестке расстаюсь с башкирами и направляюсь в Тулу. Рядом трусит Рем. Надо бы заехать в уезд в г. Венёва, да и навестить Хрипкову, но нет времени.

Вот уже второй день, я бесцельно хожу по торговому рынку в надежде зацепиться за какую-нибудь идею и заработать денег. Иначе, меня ждёт финансовый крах в ближайшее время. Погода уже совсем не балует, наступила зима, мне зябко и я передѣргиваю плечами, кутаясь в куртку. Моя одежда вызывает интерес у обывателей, заграничная, шепчутся они. Меня раздражает грязь на рынке, надо поставить вопрос, чтобы замостить, подумал я. И тут мой нос, на чистом и морозном воздухе, уловил запах бензина или керосина. Подхожу и интересуюсь, оказался керосин привезли для аптеки, кожевников и оружейников. Спрашиваю цену — 40 рублей пуд, перевожу 2.5 рубля за литр, это не считая, что керосин легче воды. Чего-то дороговато. Стоп. Эврика, лампа! Алладин. Алладин, нам не нужен, сразу замёрзнет, да и сокровищ тут нет... а будет керосиновая лампа. Она всё равно, вот-вот должна скоро появиться или уже появились, но сюда не дошла? Плюс и греет она лучше свечей. Вот не помню точного времени их появления. Про Крымскую войну почти всё помню, а вот элементарных вещей не знаю. В продаже нет, значит, нет.

Тут самоварных мастерских много, наладить производство без проблем. Сделаю несколько штук, одну продам, устроив аукцион и пусть выпускают. Вот тогда и керосин подешевеет. Тем более, нефть есть и тут на болотах тоже, видел на рынке. Наверное, не много, но на первое время хватит. Аргандовы лампы, что я видел у Добрынина и Антоновой, позволить себе могут единицы, а воняют они просто жутко. А там и примусы подгоню, чтобы наши солдаты не мёрзли. Да нет, солдатам это не подойдёт, не по солдатскому карману, зато офицеры клонут.

С воодушевлением помчался домой делать лампу, но пришлось разбираться с поварихой Марьей. Она дочка не богатого мещанина, Виктора Алексеевича Трофимова. В основном семья живет тем, что сдают большую часть своего дома в наём на Заварной улице в Оружейной слободе. Плюс занимаются мелкой торговлей. Марии приходится каждый день ходить туда и обратно, да ещё и через мост. Плюс на рынок по мелочи, так как основные

продукты я закупил "оптом". Привёз на телегеи разложил в огромных глиняных кувшинах с крышками, чтобы мыши и крысы не лезли в подвал. Тоже спецзаказ на кирпичном заводе. Вообще о них знали и редко, но делали, но особым спросом почему-то не пользовались. Непонятно, хотя греки и римляне их уже не одно тысячелетие использовали.

В общем, мне надо как-то оформлять Марию на работу или отказываться от её услуг. С одеждой у неё не очень и если когда тепло, у неё еще что-то есть, то зимней нет. Вернее нет нормальной, а то, что есть, меня не устраивает, категорически. Только простывших поваров, нам и не хватает. Надо вкладываться, и не мало, а какие гарантии мне? Тут ещё Фёдор, пытается давить на жалость, а то я не понимаю, с чем она связанна. Что же делать?

Вот с малышкой, я разобрался быстро, оформил в управе, приставил в помощь и учёбу Марьи. Она крепостная и без моего разрешения, никуда не уйдет. Контроль над людьми в Туле, намного сильнее, чем в других городах. Одежду, для неё получил от кутюр, самой Антоновой Анны Ильиничны, со скидкой. Весь полный комплект обошёлся в 8 рублей. Причём очень качественной одежды. Не все дворяне, могут себе позволить такую одежду и для своих детей. Её салон и так был популярный, а в последнее время так особенно.

— Это за что, мне, такая милость? — улыбаюсь милому созданию, которая кокетливо поджала губы и явно играет со мной. Отхлебываю чай из чашки, и прячу за ней свою улыбку. Сидим мы у неё дома, по делам, и видимся достаточно часто. На овальном столе, покрытый скатертью с узорами, пытит маленький причудливый самовар. Обычно, я "налегаю" на мёд и хозяйка им меня угощает.

Остальные дворяне меня игнорируют, я даже особо и не разбираюсь почему. Мне с купцами общаться проще и интересней. И ещё, я не гнушаюсь поговорить с разными мастерами. У них много хороших идей, надо записывать, всех и не упомнишь, но пока нечем. Были бы деньги, я бы часть крепостных мастеров просто выкупил. Такие головы и руки, клад!

Карандаш сделать, что ли? Самый простой способ насколько я помню сажа, древесный уголь и глина. Плюс на связку добавить жира, а может, и нет. В общем, будем пробовать, графита у нас всё равно нет, а из Германии везти не будем, перебьёмся. И краску для письма как-то так делают, на сколько, я слышал. Зимой всё равно делать будет нечего, поэкспериментируем.

— Вы знаете, дорогой Дмитрий Иванович, ваш покрой куртки стал неимоверно популярен, и я получила несколько заказов. Благодаря Вам — кокетничает со мной Антонова, моргая пушистыми ресницами. Нет, ну как все же, хороша-а. Да, хороша-а Маша, но не наша.

— Раз идея моя, значит и деньги тоже, мне давать надо — шучу. Ещё бы не популярна, она и в моем времени популярна, плюс отстегивающийся капюшон. Немного изменённая под местную, чтобы не шокировать обывателей.

— Нет, ну право это... Вы пошутили. Но хорошую скидку на все ваши заказы, я вам обещаю и уже делаю.

Вот, молодец, люди столетиями думали, а она хочет на халяву. Но подмётки на ходу режет, купчиха с большой буквы.

Ещё одним жителем, без прав, но с обязанностями, у меня в доме появился мальчик Иван. Двенадцать лет парню, которого я стал звать Ванюша, чтобы не путать с дедом Иваном. Какой-то его дальний родственник. Он возил воду, приносил уголь и помогал Фёдору с лошадьми. Когда дед Иван привёл его ко мне, я посмотрел на парня и улыбнулся.

Черноволосый мальчуган с карими глазами, стоял почти по стойке смирно. Ох, не зря я завёл такие порядки, иначе тут никак. Чувствуется школа деда Ивана, интересно, что он ему наговорил? Второе, что меня развеселило, это только что, перешитая одежда, с явно видимыми следами. Солидная подготовка по нынешним временам. Положил ему оклад в месяц, 2 рубля и харч. Но предупредил, что первые три не получит, а в место них зимнюю куртку, шапку, варежки, кожаный фартук с карманами и нарукавники, для работ. А если будет стараться, то и обувь. Опять выручила Анна Ильинична, при этом её заинтересовал фартук с нарукавниками.

— Откуда Вы, берете такие придумки, Дмитрий Иванович?

— Из жизни Анна Ильинична, откуда же ещё. В Древнем Египте такие вещи использовали, только мы многое забыли. А я люблю книги, разные картинки и гравюры. У Вас, кстати, нет? Вот скоро собираюсь поехать в Москву, что-нибудь присмотреть. — Надо срочно найти какую-нибудь старинную книгу, а то уже меня Антонова подозревать стала. Вот пока не пойму, в чём?

— Может, и меня возьмете, в гости к Ивану Акимовичу?

— Я, подумаю, как это лучше сделать, но ничего обещать не буду.

— Ну...какой Вы прямо... — и надула свои прекрасные губки.

— Ну право, Вы, как ребенок. Иван Акимович, не очень жалуется, когда его не предупреждают о визите — вот только тебя там и не хватает, итак всё запуталось. Понятно, что познакомиться с Мальцевым желаю многие, а ещё лучше добиться благосклонности. Смотришь, и плюшки, какие упадут в руки. Вот такой разговор у меня состоялся недавно с Антоновой. Вот же бог дал и красоту и ум...и настырность.

А сейчас, я сижу и смотрю на Марию, просто Марию, и думаю, что же мне делать? И девушка толковая и риска много, и уши у неё есть, а мне лишние разговоры не к чему. И так хозяйева мастерских донимать стали, чуть появишься у них, чай зовут пить или другое и покрепче, и давай пытаться. Кризис у нас, а Европа наступает, пока только товарами. А почему собственно, только я должен думать? И так проблем "выше крыши".

— И так Мария..., а ты Фёдор сядь, не стой столбом передо мной...как мне с тобой поступить? Тебе надо зимнюю одежду, которая стоит очень не дёшево, раз. Второе, тебя надо как-то оформлять в управе и платить налоги... Так, как ты мещанка. Ты, тут уже многому чему научилась, три. Завтра тебя помянут, и ты уйдёшь, четыре — вижу, она хочет, что-то сказать. Поднимаю ладони — И последнее, зачем мне, всё это надо?

— Но я, некуда не собираюсь — зашмыгала носом Мария, понимая, что из-за этого, её услуги могут и не понадобиться. А самое главное, лишиться теплого и светлого дома зимой, и с такими благами, о которых даже её отец, не слышал.

— Неделя тебе думать, как быть? Посоветуйся дома — смотрю сейчас в рёв удариться — я, пока ничего не решил и тоже не знаю, как быть. Но решать, что-то надо, причём быстро. Добрынин и так на меня зол, "неправильный я дворянин".

Взмахом руки отпускаю обоих, а сам сажусь мастерить горелку для керосиновой лампы. Резервуары с ручками, резьбой и крышками на них, на полуштоф, мерной бутылки емкостью 0.6 литра, я заказал у самоварщиков. Причём предупредил, чтобы вес был маленьким. Фитиль, мне сделали у Антоновой за несколько минут, пока я чай пил. Потратил пару дней и несколько тонких листов меди. Отделался, сбитыми и пораненными пальцами, но пять экземпляров сделал. Конечно, с мастерами по меди мне не тягаться и близко, но мне это и не надо. Мне надо, на показательные выступления и всё.

— Фёдор собирайся, поедешь в Гусь-Мальцевский и пусть сделают из прозрачного стекла, вот такие шуки. Так, не смотри на меня хмуро, я же сказал, пока с Марией, ничего не решил. Решу после твоего приезда — говорю строго. Вот, то же, мне Дон Жуан российский, на мою голову.

Глава -7.

Но свалились мне на голову, гости. Во двор стали заезжать возки и сани в огромных количествах.

— Барин, там это... та царь приехал со товарищами — вбежал в дом и затараторил Ванюша.

Вот святая наивность. Мечта, понимаете ли, у парня, царя увидеть! Кто-то ему наплёл небылиц, про прошлое посещение царя, вот он и бредит. Но царь не царь, а встречать надо. Сваливаю, части деталей лампы в деревянную коробку, которую заказывал у плотника, в кучу и отношу в комнату. Никогда не забываю о безопасности, я бы и сейф заказал, да денег нет. Накидываю куртку и иду встречать. Да это гости, пожалуй, не простые пожаловали. Во двор въехали три кареты на полозьях, четверо саней и двенадцать конных. Такого столпотворения, со времён строительства тут не было. Над каретами вились дымки. Из ближней кареты к дому, всё в дыму вывалилась большое и необъятное меховое, нечто. Этим нечто, оказался Иван Акимович, в куче шуб. Нет, этот гость для меня, покруче царя будет, со всеми его сотоварищами.

— Какими судьбами, Иван Акимович? Проходите быстрее в дом — развожу я руки, не зная как дальше реагировать. Краем глаза наблюдаю, как из других карет, в клубах дыма, с трудом начинают вылизать горы меха. Елё сдерживаюсь, чтобы не заржать в голос.

— Ты же приглашал "родственничек" в гости, вот мы, по пути и заехали. А заодно и подарки, тебе завезли. Так что, принимай гостей — наполовину обнимает меня Мальцев. Я даже на мгновения опешил от такого.

— Прошу, прошу, гости дорогие — ох и воняет от них дымом. Они там что, коптились, в своих повозках?

Толпа вваливается в прихожую.

— Господа раздевайтесь у меня тепло — и сам показываю пример. — О, и Вы здесь, Анджей Радомирович, очень рад.

Шесть человек при помощи слуг снимают с себя кучу шуб и валят сверху на вешалку, так как петелек у них нет. Гора меха разных животных, "зеленые" бы удавились. Остальные слуги начинают таскать разные коробки и сундуки в дом, и я даю распоряжение деду Ивану. Их какое-то невероятное количество, с такими запасами, не то, что из Москвы в Тулу, на северный полюс добраться можно. Продукты в кладовую, а вещи в коридор.

— Принеси большой котёл из погреба. Потом все перебирайтесь в ваш душ, там будете с Настей и Ванюшей, пока гости тут.

Где-то же, я должен гостей разместить? Тут меня никто не поймёт, если слуги будут в комнатах, а господа в коридоре, да я и сам бы, не понял. Так, а где мне служивых и слуг разместить? Не в промёрзшей же мастерской? Часть слуг отдадим большую комнату на всех, а остальных на чердак. Там не так тепло, как в доме, но теплее, чем у многих местных, не замёрзнут.

— Так Мария, ставь пока чайник, принеси капусты и грибов и начинай варить гречневую кашу, по-нашему — даю распоряжение. Чёрт, да не предназначено у меня, на такое количество народа ничего. И еду у нас готовят простую, но сытную и без разносолов.

— Не надо беспокоиться, у нас всё с собой. Мы же знали, что ты ещё не успел устроиться — возник за спиной Мальцев и кивнул одному из слуг.

Все господа из карет, уже расселись вокруг стола, накрытого по такому случаю единственной скатертью. Это хоть как-то украшает мой непритязательный стол. Зажигаю дополнительно сальные свечи, которых тут по 18 рублей за пуд, с ума сойти можно, от такой цены на них. Меня долго потом жаба давила от покупки, а сейчас вот,годились. Слуги начинают выставлять и расставлять на столе закуску и бутылки, а я подзываю старшего.

— Как звать?

— Андрей Сергеич.

Ого, что за гусь? Потом разберёмся.

— Так, Андрей Сергеич. Как закончите, дед Иван покажет, где и что. Кому место не хватит, тот спать на чердаке будет, только не топайте там. И пусть туда лезут самые лёгкие, Мария сварит кашу, покормит. К девки не лезть, иначе приблю. Всё понятно. — И возвращаюсь к столу. Господа уже от тепла поплыли, начали снимать и расстёгивать одежду.

— Тепло тут у тебя, Дмитрий Иванович, очень тепло — Новак.

— А чего мне, в холоде сидеть?

— Правильно. Это такая же печь, что вы у Шулера во дворе сделали? — Мальцев.

— Почти — улыбнулся я. Ох чувствую, будет у нас разговор на эту тему. Слишком он внимательно смотрит вокруг и всё примечает. Допроса с пристрастиями мне не избежать.

Слуги заставили стол так, что места и не осталось, причём и привезённую стеклянную посуду и отошли.

— Позволь тебе представить Торопин Андрей Дмитриевич, Орлов Николай Иванович Веберг Луис и Зотов Александр Иванович — по очереди представил Новак. — Ну, давай, за твой тёплый новый дом, чтобы стоял он долго. Чокнулись, выпили. Ох, хороший коньяк, я и забыл когда такой пил. Сколько ему лет интересно? Закусил копчёной рыбой, по-моему, осетрина. На столе в основном стояли мясные и рыбные блюда, сыр, но есть, и немного соления от меня.

— А ты знаешь, Дмитрий Иванович, что оконное стекло царь очень хвалил и приказал увеличить выпуск.

— Да откуда же — улыбаюсь я. Ясно, пробный камень в мой огород, опять сватать будет. — Сильно покупают?

— Почти всё за границу идёт в Англию и Голландию.

— А что наши?

— Наши думают... до весны — усмехнулся Мальцев.

— А фильтры? — мне интересно это больше.

— Тоже берут, но не так хорошо. Да и царь-батюшка к нему отнёсся с прохладой, но приказал медикусам разобраться, полезная это вещь или нет.

Ну, это будет долго, а в столице тем более. Умные купят, а дураки может быстрее сдохнут, и желательно, чтобы у нас.

Дальше пошёл обычный светский трёп, кто с кем и когда, который мне абсолютно не интересен, всё равно никого не знаю. Потом пошло дело за политику и что царю, все эти революции не нравятся. С Наполеон Третьим, что-то он там не поделил. Собирается

послать войска и разогнать, их там всех, плётками. Вон в газетах об этом уже напечатали.

— Ну а Вы как считаете, Дмитрий Иванович? — обратился ко мне Зотов.

И за столом образовалась тишина. Скорее всего, моё прошлое выступление дошло и до собравшихся, за этим столом.

— А сколько, это будет нам стоить материально и в русской крови? — спрашиваю их.

— Вы это к чему? — осторожно спрашивает Орлов.

— А к тому, что наша Отчизна и так не богата, а народ крайне беден. Почему это мы должны, да за свои деньги, наводить порядок в этих Европах?

— Да, но мы так можем получить потом большое восстание, как в Польше. Как было уже не раз — Мальцев.

— Кому нужен порядок в Европе (газету, я тоже читаю, и за событиями слежу) Габсбургам, пусть платят и нанимают наёмников. Пусть даже наших солдат, инородцев и страна тогда выиграет, а не проиграет — отвечаю. А ещё лучше кавказцев нанять и туда их переправить, а назад пусть сами добираться.

— Да...неожиданно...Но наши генералы, будут категорически против — Зотов — с Вами никто, и никогда не согласиться.

— А они и так ничего, не могут и не умеют. Вспомните нашествие Наполеона — отвечаю на это.

— Как-то это не патриотично и нехорошо. И, слава богу, они Вас не слышат. А то одной дуэлей, можно и не отделаться...Сибирь — Новак.

— Зато честно. А у нас после Суворова, ни одного толкового генерала не было, и нет — припечатываю.

— Да откуда Вы, знаете? — Орлов.

— Так подождите. Вы, Дмитрий Иванович, считаете, что в Европу нам идти не стоит — Мальцев.

— Не знаю. Может и стоит, но только не за тем, как считают наши генералы.

— Вы, уж просветите нас — возмущённо Зотов.

Вот напали, один Мальцев нейтрален, но скорее по другой причине.

— А чтобы банально грабануть, тогда не бастовать, а работать, надо было бы — отчеканил я.

— Но позвольте — Веберг.

— Не позволю. Скажите, что тут делали крестоносцы, а татары, а Наполеон? Почему им можно, а нам нельзя? Или Вы, все забыли.... как воины Наполеона церкви грабили, а они же христиане были.

— Вы, тоже рассуждаете, как разбойник с большой дороги — Торопин.

— С большой дороги разбойники, это в Англии с Францией, которые грабят колонии и ради этого уничтожают целые народы. Или вам напомнить, как Англия ведёт себя в Ирландии или в Африке. Или как, Франция в Алжире и сколько от туда вывезли рабов, на американский континент.

— Но там же дикари? — Веберг.

— Там дикари, тут варвары.... поэтому мы идём к вам с солдатами и пушками, а на войне всякое бывает — подыгрываю себе интонацией. — Вот только как, пираты и грабители, становятся лордами и дворянами и откуда у них деньги, говорить вслух, у них никто не хочет — перебиваю я.

А вот такого, они явно не ожидали.

— Вы бы свои мысли попридержали, Дмитрий Иванович. А то слишком они... радикальные и... неприятные — Мальцев.

— И вольнодумные..., и даже очень — Зотов.

Дальше застолье превратилось в банальную пьянку, тем более гостей в тепле окончательно развезло. Один Мальцев почти не пил, а только пригубит рюмку и поставит обратно. Слуги проводили гостей в комнаты по двое, я сразу об этом честно предупредил. С недоделанным туалетом, тоже разобрались. Некоторым пришлось спать на полу. Моя недоработка, надо раскладушки делать, матюгнулся я. О, а это идея.

— Не желаете помыться, Иван Акимович? — чтобы не молчать и произвести приятное впечатление.

— Опять удивить хочешь? Как в Людиново, нет, ну, показывай.

Дальше я показываю свой душ, как смешивать горячую и холодную воду в резервуаре. Ну и объясняю, элементарные вещи для человека 21 века.

— Полотенца свежее я Вам дам, но чистого белья, извините, нет. Зато спать будите и не надо кучей одеял укрываться. А новое бельё, я Вам постелю.

— У меня есть. А где, я буду спать? — Мальцев.

— На моей кровати — отвечаю. — Не переживайте, я найду где. А потом Вы, старше — и уже улыбаясь — батюшка.

— Ну, раз так — улыбается Мальцев — неси свое полотенце. Будем пробовать римские придумки.

Смотри, знает, про римские термы.

— Благодать — сидя в восточном халате, который был у него в вещах, попивая отвар трав с сушеными ягодами и заедая мёдом. — А я, тебе в подарок чаю и кофе привёз.

— Вот спасибо, очень любезно с Вашей стороны.

— А чего у тебя самовара нет? Живешь в Туле, а самовара нет?

— Руки не дошли, вернее деньги. А с другой стороны, зачем мне он?

— Что так плохо? Так иди ко мне, предложение в силе... Ладно, ты подумай, до завтра. А где Фёдор?

— Я его в Гусь-Мальцевский послал.

— Зачем?

— Да вот, придумал я, осветительный прибор. Вот хочу сделать и продать привилегию.

— А почему ни мне?

— А Вам то, он зачем? Там стекло стоять будет с ваших заводов, а остальные работы мастеров по самоварам.

— Рассказывай и всё подробно — подобрался Мальцев.

Рассказываю, всё как есть и почему я считаю, что не надо ему выпускать сами лампы, а только стекло.

— И всё равно, я не понимаю, почему я, должен отказаться от производства? — Мальцев.

— Да Вам, со стеклом проблем разве мало? Да, лучше бы Вы, стеклянные игрушки не ёлку к Новому Году... как у Ангела сделали — начал я лихо, а по мере высказывания понял, что ляпнул лишку, и начал выкручиваться.

— А это, что такое? Рассказывай.

Пришлось придумывать на ходу.

— И если уж хотите к производству ламп приступить, то лучше в переработку нефти. Я

же хочу, устроить аукцион — он даже посмотрел на мои поделки. — Вот только как, керосин делать я не знаю — подводил итог.

Хотя примерно и догадываюсь, но и все козыря, я выкладывать не собираюсь. И так, он меня заставил крутиться, как юлу.

— Любопытно. Это надо обдумать. Пошли спать — подводит итог Мальцев.

Ночевал, я конечно на кухне, на полу, а с утра помчался к самоварщикам заказывать раскладушки. А сам подумал, может денег у Мальцева занять? Нет лучше у Новака.

Удивительно, но на завтрак все довольствовались гречневой кашей с привезённым и мелко порезанным окороком, сыром, маслом и только что спечённым хлебом.

— Что-то Дмитрий Иванович, я у Вас, дров не заметил — Веберг.

Вот, что значит немец или кто он там. Это, они ещё про душ не знают и недоделанный туалет, вернее отхожее место.

— Ну-ка, ну-ка, выдайте секрет, очень интересно. На голландку, она не очень похожа — включился Торопин.

Голландские печи только, только начали проникать в Россию. Нет, у богатых и в столице они уже были, а у остальных очень и очень редко, а мастеров способных их сложить, совсем мало. Кроме этого, у них не было колосника. Дымили они изрядно, с дымоходами у них тоже, были проблемы, а тепла давали мало. Готовить на них, было вообще нельзя, вот народ их практически и не ставил, и стоили они дорого. Топить их, надо было тоже дровами. Это потом уже конструкция будет усовершенствована.

— Ну, вот эта большая печь топиться углём — понял я, что приличия соблюдены и сегодня будет день моих пыток. Разбора моего дома по косточкам. А иначе, зачем бы они все приехали, видать прибыль от оконного стекла, впечатлила. Пришлось устраивать общую экскурсию, но без душевой и устройства баков с водой. А то мы бы, до вечера вокруг печки лазили. Хотя и заметили посвежевший вид начальника. Общий принцип они поняли. А Мальцев отправил слугу, чтобы сообщил о визитах. Положение обязывает, как ни как.

— А посмотри ты печи в каретах, а то уж больно дымят — Мальцев.

Конечно, посмотрю, куда я денусь. Дымят, яшень пень, тяги нормальной нет, решётки-колосника тоже.

— Надо, всё переделывать — подвожу итог.

— А когда Фёдор вернётся?

— Дня через два, три.

— Вот и давай отправим гонца в Сукремле, там быстро сделают. Готовь чертёж.

— Уже готов, только размеры поставлю — отвечаю, но и отказать Ивану Акимовичу не могу, да и не хочу, хоть для себя и готовил. Вот и делают пусть сразу пять штук, раз так. Тут сварки нет, зато клепают хорошо, вот с таким учетом чертёж и был изготовлен. Один из служивых получил чертёж, но поехали двое на освободившихся санях, зима.

Потом, все стали готовиться к визитом с помощью слуг, кроме меня. Я приказал в душ для слуг пока не водить, там дед с малыми, а просто приносить горячую воду оттуда. Ехать с визитом по дворянам отказался на отрез.

— Ну, что я там не видел, Иван Акимович? Политесы, я разводить не умею, выражаюсь не так, одеваюсь не так, шампанское не пью, в карты не играю.

— Да уж, выражаешься... Что не ладишь с местным дворянством?

— Абсолютно. Скажите, что я заболел или ещё что. Да хоть перебрал вчера с вашего приезда. Мне с купцами и мастерами, в стократ интересней.

— Но, а как же аукцион?

— А вы потом с Добрыниным договоритесь — на всякий случай торможу ситуацию, пока не испытаю в действии.

— Молодец — толи хвалит, толи ругает. — Андрей, давай бриться будем — командует Мальцев главному слуге.

— О, а что это такое.... знакомое у вас? — смотрю, как слуга разложил "чемоданчик" с бритвенными принадлежностями.

— Да вот дай думаю, попробую, что ты у моего ювелира заказывал. Оказалась удобная вещь, и я решил наладить выпуск. Особенно военным нравиться. Пришлось на себя привилегию оформить, чтобы не перехватили. Надеюсь, ты не обижаешься, "на отца" — как не в чём, небывало Мальцев.

— Какие могут быть между нами счёты, Иван Акимович — улыбнулся я. Жаба внутри меня попыталась что вякнуть, но тут же получила удар в голову и заткнулась.

— Вот и хорошо, а я тебе специальный подарочный набор привёз, поэтому поводу. Андрей распорядись — приказывает Мальцев.

Мне тут же, передают кожаную коробочку, на вроде шкатулки, с краями оббитыми медью. Нет, ну могут же у нас делать красиво. Просто молодцы. Открываю. Внутри серебряный станок, по типу Gillette, но со снимающимися лезвиями. Серебряный инкрустированный стаканчик для пены, такая же мыльница с иностранным мылом (своё пока не очень хорошее, но функцию свою выполняет) маленькое зеркальце в серебряной оправе, оселок, подправляющая лента, паста, стальной держатель для лезвий и 3 стальных лезвия.

— Это... царский подарок — вырвалось у меня. Сколько же он стоит?

— Я знал, что тебе понравиться. Я распорядился, чтобы твои заказы делали бесплатно, но ты уж не обижай старика, пиши.... почаще.

Отправились, они без меня уже во второй половине дня, захватив часть слуг. А я побежал подгонять самоварщиков. Не успел зайти в мастерскую, где часто заказывал медные детали, как тут появился хозяин Стрельников Осип Фёдорович. Тощий как жердь, с непропорционально большой головой, с тёмными пронзительными глазами и широкими крестьянскими руками.

— Дорогой, Дмитрий Иванович появился. Ждали, ждали. Всё сделали, как Вы заказывали. А для чего, такая конструкция служит?

— Да так...надо — так я тебе и сказал. Это в 21 веке любой в этих складывающихся перекладинах раскладушку узнает.

— Говорят, к Вам, большие гости приехали?

— Да...батя пожаловал — выразился я, не подумавши. А сам, проверяя на боку, как работает механизм. Через секунд... пять только сообразил, что я такое "выдал". Что-то у меня прокол за проколом, нет надо срочно, всю эту гоп-компанию домой отправлять.

— Неужели, сам Иван Акимович тут — прижал к груди руки купец.

— Сам, сам — упавшим голосом сообщаю я, всё равно, это уже не секрет. И что теперь будет?

— Так это для него. Понимаю. Так, а что это? — Осип Фёдорович.

— А хотите, я вам секрет продам?

— А как же, Иван Акимович?

— А я никому не скажу. Вы, я надеюсь тоже. Оформите себе привилегию и будите

выпускать.

— И что, будут брать?

Ну да понимаю купца, и хочется и колется.

— 700 рублей ассигнациями и я гарантирую, что через 2 года вы их точно откупите — напирало я. — И не жалеете денег, всё равно большую часть Вы вернёте, выполняя мои заказы.

— Вы, как той змей-искуситель — купец.

Сторговались за 450, но он делает ещё 20 штук раскладушек мне бесплатно, потом. С привилегиями тут дело обстояло намного лучше, чем дома. Так что недели через 2–3 получит. Дальше, я ему быстро набросал чертёж разных раскладушек и внутренностей к ним и объяснил, что-почём.

— И что, это будут хорошо брать? — засомневался купец.

— Главное сделайте их лёгкими, прочными и складывающимися, обязательно чтобы они занимали мало места. И предложите военным, а потом покупайте дорогой коньяк и приходите ко мне.

Если раньше, меня считали дальним родственником Мальцева, то теперь с его "легкой руки", я так думаю, пошёл гулять слух, что я внебрачный сын Мальцева. Хотя, и записаны у меня другие родители, но это, я уже узнал через много времени позже.

Глава- 8.

С "похода по гостям" вернулись не все, только Мальцев с Новаком. Ну как говорят — баба с возу..., мне легче, а то дома не протолкнуться от такой оравы.

— Вы, оказывается ещё больший смутьян, чем я думал — Мальцев.

— Помилуйте, Иван Акимович, с чего Вы, сделали такой вывод? — опешил я.

— А зачем разбойников-инородцев привечали?

— Вообще, я планировал торговый караван в Крым сводить и считаю, что они вполне надежны.

Мальцев долго смотрел на меня, явно не веря мне не на грош, а потом произнёс совсем не то, что я от него ожидал.

— Анджей Радомирович, а ты знаешь, какую он штуку сделал. Нет. Душ.

— Я, уже видел его в Людиново — Новак.

— Нет, такого ты, не видел. Пошли, покажу. А то вот я, подумываю.... может мне, поставить такой у себя.

Ух, гроза миновала или отложена. Вот же умудрился мне Мальцев внушить почтение к себе, прямо как к отцу.

Потом, они вымылись, расселись в гостиной, попивая отвар, который им понравился, с мёдом и позвали меня. Чай то, не захотели.

— Так, сколько тебе такой домик обошёлся? — Мальцев.

— Ну, точно я сказать не могу, тем более часть металлических вещей была заранее сделана. Но, где-то 1500 — 1600 рублей ассигнациями — чуть, чуть прибавил я.

— Дорого, да и домик совсем не велик — Новак.

— Совсем не велик. Дорого — констатирует Мальцев. — А в Москве такую печь, чтобы на угле поставить можно?

— Не знаю, смотреть надо.

— Вот и посмотри и составь план.

— Но — было я.

— Неужто много с нас запросишь, а Анджей Радомирович? — и посмотрел на Новака.

— Да тут, не в этом дело.

— А в чём?

— Мне, даже дом некого оставить. С кухаркой не знаю, что делать, она мещанка. Ездить туда-сюда надо, Фёдора одного на всё не хватает, людей нет — подвожу итог.

— А как же с охраной? — Новак.

— А — махаю рукой — плохо, но пока бог миловал, но это ненадолго, скоро полезут попробовать.

— Кухарку оформи в услужение на долгий срок. Троих дворовых из служивых подберу и перепишу, хватит? — повеселевший Мальцев.

Хотя не знаю и не понимаю, от чего. Надо как-то у Новака выпытать.

— И Фёдора навсегда — наглею я. — Привык я к нему, а то пока другим объяснишь что надо, так быстрее рак на горе свиснет.

— Согласен — улыбнулся Мальцев.

Дальше, все пошли спать. А я подумал и спрятал раскладушки в погреб, во-первых, они все равно не доделанные, а во-вторых не охота опять объясняться с Мальцевым, почему не ему. Вот же ручки загребущие.

Когда утром ели горячий суп, приехал Фёдор и привёз колбы. Он уже перекинулся парой слов со слугами, тем более, многих знал.

— Ну, собирай свою лампу — Мальцев — посмотрим, что это.

Сборка прошла успешно, но пришлось закрыть ставни, чтобы посмотреть работу.

— Так, сколько ты говоришь, она будет гореть при одной заправке.

— Ну, надеюсь около двух суток — вырвалось у меня.

— Это равно 5–6 свечам — быстро посчитал Мальцев.

— Это, если керосин привозной покупать, но нефти много и болотной и в других местах, а значит, со временем лампы их вытеснят. Да и светят они лучше, а значит, в большом помещении будет экономия — говорю.

— Да знаю, я твою нефть. Её, ещё греки тысячи лет назад, разделяли на части, и греческий огонь с неё делали. А у нас, Лайтман в Москве в Берг-Коллегии в 1748. Что-то там вычитал в царской библиотеке, и её полностью разделил. И давай хвастаться, перед всеми. Вот, только, что с этим делать? Как денег заработать? Так и не придумал. А на свои "опыты", шельмец, потратил две тысячи золотом. Ох, тогда Елизавета Петровна и разгневалась. Шуму-у, было. Вот, и не хотят ей заниматься.

— Что, правда? — вырвалось у меня.

— Так, ты правильно посчитал, что мне не стоит этим заниматься самому — вернулся к теме ламп, Иван Акимович.

— Правильно. Лучше стеклом к ним и можно разных форм.

Да, сколько тут подводных камней? Причём где-то так густо, а где-то совсем пусто. Англичане просто первые додумались всё описать и под себя подгрести, пока другие клювом щёлкали.

— Ну что же, посылаем к Добрынину. Он, ещё обижается, что ты его так и не пригласил в гости, хотя обещал — Мальцев.

Твою ж, дивизию...и правда обещал...и забыл. Придётся исправлять.

Начали прибывать спутники Мальцева, а за ними Добрынин с адъютантом, который нёс небольшой самовар. Ну вот, похоже, не зря я не покупал самовар, есть мне подарок на новоселье. Сразу стало тесно и сутолочно и опять, стол пришлось накрывать. Но, на этот раз лёгкими закусками, можно сказать бутербродами. Надо им шведский стол ввести с канапушками, мелькнула мысль. Выставили водку и коньяк, после пары рюмок и здравниц, небольшого застолья, теперь уже Добрынин крутился возле печи.

— А, я то думал, зачем Вам уголь, когда мне докладывали. Это же, какая экономия? — Николай Николаевич. — А тепло во всём доме, я прямо упарился. А мне сделать можно? А сколько стоит? — посыпались от него вопросы через некоторое время.

— Для больших зданий, надо заказывать термометры, манометры и часы — вздыхаю я.

— Закажем, Вы только скажите какие? — Добрынин.

Я то, думал отделаться, а они тут оказываться во всю уже используются. Тьфу, ты. Опять туплю, паровые машины работают кругом, уже бог знает сколько лет, так что всё есть.

— Сначала в моём доме в Москве — поднимает, палец Мальцев. — Я Вам, подарок привёз — и отдаёт распоряжение, слуга притаскивает огромную коробку.

— Конечно, конечно, уважаемый Иван Акимович. Я думаю, Дмитрий Иванович, быстро справится, это же не дом строить, правда? — наступает Добрынин, а сам рассматривает красивую стеклянную вазу, переливающуюся гранёными сторонами.

Может мне тут всю Русь перестраивать. Я им, что Пётр Первый. Да ещё на халяву... А куда я денусь, с подводной лодки, но этим двоим мне привидеться на халяву и строить.

— А вот Вы, посмотрите на этот чудесный прибор. Уважаемый Николай Николаевич — указывает на лампу, где корпус спрятан в коробке, Мальцев.

— Новая Аргандова лампа — градоначальник, подходит и принимает — а чем вы её заправили, что не так смердит?

— Нет, это совсем другой прибор и мы хотим наладить производство в Туле. Как вы на это смотрите?

— Очень хорошо, но что Вы предлагаете? — Добрынин.

Вот жук, это типа вам надо, а раз надо платите. Но Мальцев это не я, тут его на мякине не проведёшь.

— Мы пришли к мнению, что ваши мастера по самоваром, с этим лучше справиться. А стекло будут выпускать у меня в Дятьково — Иван Акимович.

— Так, какую помощь Вам, от меня надо? — Николай Николаевич.

— Мы хотим продать привилегию на торгах, а Вам, уважаемый Николай Николаевич, 10 процентов за помощь в проведение — Мальцев.

Все нюансы, обворачивая в словесную шелуху, обговаривали ещё долго. Причём Добрынин настаивал на увеличении своей доли. Но тут Мальцев в мягкой форме, вот же умеет, учиться мне и учиться, напомнил, что и счёт за печь может вырасти до...дофига в общем. Договорились через день, во второй половине дня, провести аукцион и сразу закрепить договором. Дальше, просто сидели за столом, опробовали самовар, поговорили обо всём, но я отмалчивался. Отвечал односложно, под тем предлогом, что "молодому человеку с уважаемыми мужами, и так большая честь сидеть за одним столом, и мудрость внимать надо, а не говорить".

Через день, собрались у Добрынина некоторые именитые купцы, все в огромных шубах и шапка, развалились на диване и стульях. Как, их только Добрынин сумел в такой короткий

срок собрать? А скорее, они пришли посмотреть и познакомиться с Мальцевым. Узнать, зачем знаменитый олигарх, пожаловал к ним и не угрожает ли это, их торговым делам.

После многочисленных раскланиваний, и приветствий, которые, так любят здесь и которые, так бесят меня. Перезнакомившись со всеми, среди них Лисицын, Морозов, Попов, Медведев, Ломов, братья Баташевы и другие. Приступили к обсуждению лампы. Сначала всё думали, что это Аргандова лампа, она стояла в углу в окружении других, я так попросил.

Я, перенёс и поставил её на стол перед собой. Просунул руку под коробку и увеличил пламя, а значит и освещённость. Шепотки смолкли и все бородатики и усастики, устали на меня. Самое интересное, что полностью бритыми были только мы с Мальцевым. Увидев такой контраст, когда 15 бородатых и усатых мужиков, окружили двух безбородых, перед которыми ярко светит керосиновая лампа, а по углам полумрак, я чуть в истерики от смеха не зашёл. Тоже мне Данко Горького нашелся. Неимоверным усилием заставил себя настроиться на серьёзный лад.

— Я хочу, продать привилегию на выпуск, вот такого осветительного прибора — начал я. — Он работает, совсем на другом принципе, чем Аргандова лампа, и как видите, светит лучше и почти не воняет. Одна заправка ёмкости полуштоф, даёт возможность светить 40 часов. Начальная цена три тысячи рублей ассигнациями — произнес я. Цену на первый раз решил не задира́ть, но и дарить не собирался. Чёрт его знает, как тут у них это делается? А я, даже не поинтересовался заранее, олух. Делать нечего, решил сделать так, пусть привыкают. Одним слухом обо мне больше или меньше, мою репутацию уже не спасут. Да и спасать не надо. Тем более с таким "тяжеловесом" рядом.

— А почему господин Мальцев, не хочет это сам выпускать? — через некоторое время, проведённого в тишине, спросил Ломов.

— Буду, но только стекла — отвечает.

— Ну, а почему не полностью? — один из братьев Баташевых.

— Как Вы, знаете, я недавно наладил выпуск оконного стекла — спокойно начал Мальцев и замолчал.

Знаем, видели, почём, знатное, слышались и другие реплики купцов.

— Но Вы, не знаете, что царь повелел наладить ещё один завод. Денег в казне нет. Всё то, что мы можем немного выпустить, идёт за границу. Процесс очень сложный, и требует много хороших мастеров (Вот же красиво лапшу на уши вешает, не знал бы, сам копился бы). От холеры за два года, я многих хороших мастеров лишился и других взять, мне пока неоткуда. Может Вы, дадите?

Купцы от этих слов, сердито зашипели. У кого мастера тоже умерли, а некоторые испугались такой действительности. Он сделал соответствующую паузу.

— Теперь, мне надо налаживать, ещё и производства стекла для ламп. Опять мастера нужны...и деньги. Но там часть медная, поэтому подумав, решили продать привилегию Вам. Но, с условием, что стекло будите брать только у меня.

— Так может, цена...будет большая — Морозов.

— Нет, иначе вы с заграницы или ещё, откуда покупать будите — Мальцев. Вот этот пункт, мы с ним долго обсуждали. Я убеждал его, не жадничать. Братъ, массовостью, а делать разного качества. Покупать паровые машины, для производства.

Купцы задумались, потом начался торг, но больше трёх тысяч пятьсот давать не хотели, что не устраивало уже меня.

— Предлагаю полсуммы, чтобы заплатили сейчас. Потом по пятьсот в месяц, до

окончания — вношу предложения.

Цена достигла 4000 за Ломовым.

— Купцы, а давайте так. Вас 12 купцов, вскидывайтесь по 500 рублей и выпускаете все — опять вношу предложение.

Спорили, мы спорили. Я их убедил только тем, что вот, мол, самовары они выпускают все и всё продают. Пусть и с лампами также, а иначе иностранцы перехватят, станут много и дешево выпускать и что им тогда останется? Опять заспорили о минимальной цене.

— Да, поймите. Такой продукции, надо выпускать много и по разной цене. Она должна быть доступная, не только дворянам и купцам — убеждал я. — А то получится, как с самоварами, что и деревенские кустари Вас обставят.

С меня семь потом сошло, хотя у Добрынина в особинке было и холодно, все в шубах. А вот ноги у меня замерзли, опять что-то придумывать надо. Но договор подписали. Договорились, что первые лампы будут по 20 рублей, без украшений, а потом чуть дешевле. Другие, на свой вкус и цену. Потом, я рассказывал и демонстрировал устройство и заодно рассказал про "летучую мышь". Удивительно, поняли почти сразу, и удивились, что сами не смогли додуматься до такой простой вещи. Потом своеобразный банкет, где каждый напрашивался в гости, под тем или иным предлогом.

— Я думал, заработаю больше — немного разочарованно садясь в его возок, говорю.

— А я думал, намного меньше — передразнил меня Мальцев. — Ты, когда деньги считать научишься? Или ты думаешь, сейчас купцы миллионами наличных ворочают? Тут с деньгами плохо, сплошной обмен.

Ещё через день прибыли сани с Сукремле и я быстро, поменял печки в возках. Мальцев и так ходил недовольный, что тут так долго находиться.

— А эти решётки для чего? — рассматривая установленную чуть выше печь, чем он привык.

— Эти... чтобы не обожглись ненароком, а вот сюда можно чайник повесить металлический.

— Хотел тихо, тихо заехать посмотреть, что у тебя и ехать по своим делам. А застрял надолго, да и ещё приходится, по этим визитам ездить. А у многих холодно — жаловался он мне.

Перед расставанием я набрался смелости и спросил у него — а почему Вы, мне поверили и дали возможность заработать себе, а потом уже Вам.

— Молодой, наглый, с горящими глазами, но чётко отвечающий на мои вопросы. Почему не попробовать? — засмеялся Мальцев.

— А имение зачем? — я.

— А кто, ты раньше был — видя мое смущение — правильно, никто. А сейчас ты среднепоместный дворянин со своим имением. И это, ещё не раз тебе пригодиться, поверь.

— Ну, а сейчас почему помогаете? Я же понимаю, что без Вашей помощи, хорошо, если бы половину добился? — пытаюсь понять мотивы олигарха и не могу.

— Понимаешь...это хорошо... Почему...да сам не знаю... Интересно с тобой... всё у тебя не так — с последними словами сел в теплую карету на полозьях и покатыл в Дятьково, налаживать выпуск стекла для ламп и ёлочных игрушек.

Наконец гости уехали, а я начал разбираться с кучей подарков оставленных мне Мальцевым. В основном из вещей было стекло, но было и несколько рулончиков качественной ткани, метров по восемь. Был мех на шубы и пару целых телячьих, хорошей

выделки кусков кожи, ковёр и другой разной мелочи. С продуктов осталось 8 бутылок водки, пару бутылок коньяка (остальное выпили), много сало, масло, мука, крупы, по коробке чая и кофе. Мешок сахара и бочонок селедки и солёной икры. Мешочек сухарей, развеселивший меня. Соль и другое, что нужно в хозяйстве. В общем изрядно. Остались ещё у меня и три печи "недоделки" с трубами. Но зато с завитушками и украшениями и две новых, но их продавать я не буду. Старые печи можно, пока зима куда-то и пристроить, пока в цене.

Сейчас я лежу, наконец-то, на своей кровати и пытаюсь распланировать почти шесть тысяч рублей. Злюсь на Добрынина, которому, на мой взгляд, не за что, перепало 600 рублей. Но тут это почти официальная такса — десять процентов, больше может быть, но не меньше. Злюсь на... весь 19 век, в котором большую часть времени, мне приходится решать чисто бытовые проблемы. Тут нет "Метро" или "Ашана", где можно пойти и купить почти что всё, что тебе необходимо. Приходится проявлять всю свою смекалку и вспоминать, где-что-когда видел или слышал. При этом приходится платить огромные деньги за их эксклюзивное изготовление. Злюсь на дворян, которые тратят безумно деньги в балах, даже сюда в Тулу везут французское вино и коньяки. Большинство из них, не желает ничего делать. От их расхлябанности и неточности, их воровства и хамства, зато умудряются третировать мастеров и население. От того какой пример, они подают другим. Они в своей спеси обнаглели до крайности, особенно военные дворяне, в средних чинах. С генералами, я пока не сталкивался, и желания не какого не имею. У меня уже было пара недоразумений, но моя фамилия и имя, защищали меня, пока лучше бронежилета. Ох, не прост Иван Акимович, ох, не прост. Но это пока, я не нарвался, на более родовитого или отморозка, хотя, я и стараюсь быть предельно осторожным. Достали попы, тянущие всё и вся на себя и лезущие везде, со своими "советами". Зачастую сбивающие с нормального развития горожан и города. Нужны, конечно, но зачем их тут столько, я так и не понял. Мне тоже пришлось повесить пару икон у себя, но я схитрил, купил старые 16 века и лампадку. Может, когда пригодиться, антиквариат. Сам к ней подходил при необходимости, но в церковь по воскресеньям иногда ходил. Как же тут без этого, и так я как белая ворона.

Глава -9.

Злись не злись, пришлось на следующий день ехать к Добрынину. Пока нет людей от Мальцева, время терять не стану. Начинаю лазить по его особняку, пугая жителей, составлять план. Да, внутри ещё работы и работы Николаю Николаевичу. И денег на отделку мешок и маленькую тележку, в придачу. Руки отогревал над Аргандовой лампой, после разметки расстояния метром, которую за мной таскал слуга. Раза четыре падал, сломал пару перьев. Были уже и железные из-за границы, но стоили дорого. Пролил чернила, матюгнулся, сразу вспомнил про чернильные ручки и чернильницы-непроливайки, которыми довелось пользоваться в далёком детстве. Плохо, что не вспоминал раньше, а не когда у меня был Мальцев. А, только сейчас падая и спотыкаясь в тёмных помещениях домищи. Последнее время донимал кашель, надо с этим что-то делать. Дома составлял уже общий чертёж, переделка выходила капитальная.

— Николай Николаевич предлагаю сделать временную печь из железа, потом обложить ее кирпичом. Выведем трубы в несколько комнат, где будет тепло. Остальное, уже только летом и лучше договоритесь сразу с Иваном Акимовичем о покупке у него стекла. С такой

масштабной переделкой, лучше делать всё сразу.

— А вы, что скажите Василий Федосеевич? — вздыхая, обратился к архитектору Федосееву Добрынин.

— Я с этим... совсем не знаком, поэтому...сказать, что-либо не могу — Федосеев.

— Жаль — Добрынин. — Пусть будет так. Заказывайте, что Вам, надо и мне бумаги, я оплачу.

Надо решать с оплатой сейчас, потом поздно будет. Знаю, я этих чинуш.

— А нельзя ли, мне получить земли в городе. За хлебным рынком, в конце района Подъяческой улицы, около реки Упы. Тем более, место там есть.

— А что Вы, хотите там строить? — глава.

— Чтобы строить свой дом по-новому, хочу попробовать построить гостинный двор.

— Гостинный двор?...Необычно...Почему, такой странный выбор?

— Иначе, эти попытки бесцельных визитов ко мне любопытных, никогда не кончатся. А мне право, некогда их принимать. Хотят смотреть, пусть снимают номер в гостиницы и смотрят — добавляю.

— Да, Дмитрий Иванович, ну и характер же у Вас... Я подумаю, что и как можно сделать. Но, Вы, мне общий план и вид предоставьте, уж будьте любезны — Добрынин.

Зашёл на почту и отправил родителям Мальцева Дмитрия Ивановича сто рублей. Думаю им сейчас, очень пригодиться в такой трудный год. Дальше, я ходил по знакомым мастерским. Заказывал медные трубы и отопительные батареи, их решил попробовать сделать в мастерской у мастеров и купцов Гольтяковых. Мой выбор пал и потому, что они делали и неплохое оружие. Плюс у братьев было очень современное оборудование. Так, как платить не мне, то я одного из братьев, сразу настроил на выпуск передовой технологии с гайками, резьбой лерками и метчиками и ключами. Потом, мне всё останется.

— Что Вы, опять такое придумали, Дмитрий Иванович и когда Вы, пригласите в гости? Вы обещали? — стал меня "пытать" Николай Иванович.

— Хорошо, Николай Иванович, приезжайте в воскресенье после церкви. У меня, уже полуштоф припасён — и отправился домой. Прихватил и чеканную бронзовую джезву, заказанную ранее у него.

Заходя домой перекинулся парой слов с дедом Иваном, который был на стражи, и потрепал Рема. Снимая куртку, бросил взгляд на часы, которые только недавно купил. С ними была интересная история, я заказывал одни, а привезли другие. Эти были больше, красивее и... дороже. Пришлось попросить купца об одолжении. Сошлись, что часы повесят у купца в лавки две недели, в рекламных целях, так сказать. За это время, я найду денег. Приличный резной "скворечник", внутри часы-тарелка с маятником и небольшой стеклянной дверкой. Сделано в Швейцарии, Г. Мозер между прочим. Заплатил 68 рублей, хотя я просил изначально рублей в 50. Буду в Москве, обязательно посету салон, надо прикупить и простых, качественных карманных часов. А себе, часы "нормальные", а то, мои доставать в компании купцов, уже стыдно.

— Ну, наконец-то — воскликнул я. Сейчас сделаем бюзе и с нормальным кофе. Да, же я о таком давно мечтал!

Когда я, еле дождался приготовленного бюзе и только принялся за приготовление кофе, пожаловал гость. А вернее гостя, Анна Ильинична. Вот нюх на...сладкое.

— Я вот ехала мимо, дай думаю, проведу Дмитрия Ивановича. Согреюсь — прищуриваясь и опять дразня меня, купчиха. Величественно выступая у меня в зале.

— Правильно сделали, Анна Ильинична, заодно и сладенького... попробуете — раз ты со мной, и я с тобой так. Да и на улице температура, я так думаю градусов -7-10 будет, а ночью еще холоднее. Как тут народ зимует, нормальный человек в 21 веке вообразить не может. Богатым, намного легче. Камин, очаг с трубами и жаровня у них есть. А простые, набиваются как селедки в бочку. Все в одну комнату, где располагаются возле очага. Да у меня кони в конюшне с печкой лучше себя чувствуют, за которыми смотрят Ванюша с Фёдором.

— Вы знаете, так холодно, так холодно и это только ноябрь — заворковала Антонова.

— Кофе будите. С сахаром и французскими сладостями — и поперхиваюсь кашлем.

— Беденький, заболели. Некому, за вами и поухаживать — гостя.

— Особенно вечером. Придешь, намерзнешься...и некому согреть — и закрываюсь чашкой, пью кофе.

— И не говорите, Дмитрий Иванович — как ни в чём не бывало Антонова.

Продолжалась пикировка долго, но я вынужден признаться, что победа мне не досталась, а жаль. Надо подумать. Антонова уехала, с моими двусмысленными словами.

— Вы уж не мёрзните там у себя, Анна Ильинична, приезжайте. Согрею.

А на утро, я свалился окончательно. Температура, кашель и вся прелесть простуды. Мария поила меня горячим молоком с мёдом, а Фёдор давал и растирал барсучьим жиром. Я его, ели плотал и у меня он "лез назад". Но я, мужественно старался себя пересилить, понимая, что это лучшее, что тут есть. Его то и всего, по чайной ложечки, но проглотить его, у меня почему-то получалось плохо. Две недели, я мучился и боролся с простудой, и только новый молодой организм, помог справиться с болезнью.

Из этого, я сделал вывод, что надо утепляться в одежде. Дома нормально, но мне часто приходится бывать в нетопленных помещениях. Стояние в церкви, воскресеньем, в обычных сапогах, это вообще смерти подобно. Куртку сменить на шубу или утеплить капитально, пошить тёплые брюки с утеплением, скопировав их с зимней лётной формы и разобраться с валенками. Их везли из Ярославской губернии, как и войлок. Были они достаточно дороги, в районе 2 рублей.

Наконец, приехали люди от Мальцева, два мужика и парень, лет 14 сын одного из присланных. Знакомлюсь Степан, хмурый мужик лет 30 с огромным шрамом на всё лицо. Начинающийся со лба, через левый глаз, и потом по всей щеке уродливый шрам. Видит, ли он левым глазом, в первый день знакомства я спросить постеснялся. Второй, Леонид, с таким выражением на лице, что напоминает оскал у волка, который, сейчас броситься на тебя. Его сын Гриша, с удивительно синими глазами. Я, даже не видел, кто их привёз. Когда, наконец, я вышел из своей комнаты, они предстали передо мной. Мужики поклонились без особого почтения, с каким-то угрюмым выражением лиц. При их "украшениях" это создавало, совсем уж жуткую картину. Прочитав послание, от Зотова, который по распоряжению Мальцева, отправил мне служивых людей. Потом, дарственная на людей от Мальцева. Хоть бы одели нормально, зима, как не как. Опять мне, эту проблему решать.

— Не курите? — спрашиваю. Я специально обговаривал с Мальцевым этот вопрос. Нет кивают головами.

— Так, а что такие угрюмые Кулик и Ремизовы — любопытно мне.

— Так это барин...жинки, там остались — Кулик.

— Как так, я же просил служивых и желательнее одиноких? — удивляюсь я.

— Так кто ж, нам разрешит? Мы и не венчаны, так жили. Но... — старший Ремезов.

— Понятно. Значит так, будите службу справно вести, к осени, возможно, и заберете — перебиваю я. Злюсь. Тут только с Фёдором и Марией разобрался, опять проблема. Мексиканский сериал какой-то. Может мне детей брать? Вон, таких, как Ванюша, хороший малый, в отличие от Насти.

— У нас тут порядок и чистота, кто не соблюдает, того дед Иван, имеет право бить розгами. Понятно. — Угрюмо кивают.

Дальше Фёдор, зачитал приглашение от дворян и желающих нанести визит, уже мне. В Туле в данный момент проживало около 300 дворянских семей и после визита Мальцева ко мне, треть из них, вдруг пожелала увидеться. Подумаем, совсем уж игнорировать их, тоже нельзя.

— Фёдор, давай их распределяй в среднюю комнату. Ванюши к деду, он пусть вытащит раскладушки из подвала. Настю...куда же её деть? Позовёшь плотников с Лукой, пусть в ближней комнате стенку поставят — после десяти минут перебора вариантов приказываю. Мне это не нравится, но деваться некуда.

— В одну половину Настю, в другую Марию. И пусть двух ярусную кровать делают с лестницей. А ты собирайся к Стрельникову, отдашь записку. Дождёшься, что тебе дадут, и принесёшь сюда. Возьми с собой Гришу, пусть привыкает ходить по поручениям, а потом в помощь Ванюши. Ванюша, старший.

Отдал ещё несколько распоряжений, потом поел бульона, почему-то очень устал и пошёл спать.

Потом, затишула самая обычная текучка. Пришлось нанести часть визитов. Пожаловаться на плохое самочувствие, а те уже сами разнесут. Заехать к Добрынину, он заверил, что печь с водяным котлом, уже делают на казённом заводе. Заехал к Гольтякову, извинился, пригласил ещё раз в гости. Проверил, как у него идут дела с производством батарей. Дела шли не очень, медленно.

— Надо паровые машины ставить и другие механические станки — попенял я ему.

— Так, та оно так, но они стоят денег. Да и не всегда, из Англии и Германии можно дожидаться — Николай Иванович.

— А вы не ждите, свои стройте. Чего на одних самоварах сидеть? А вот сделаете, и будут и у вас, наши купцы покупать — парировал ему. — Вот, что вы это за трубы делаете? — смотрю, как рабочие ловко изгибают медный лист в трубу диаметром сантиметров пятнадцать. Затем, загибают и заворачивают края.

— А Вы, не обратили разве внимание на улице. Сейчас и трубы и решетки и варочные плиты, самый ходовой товар. За ними уже приезжают и с соседних городов. Вы, случайно не знаете почему? — купец.

— Понятие не имею — "отморозился" я. А ведь точно, печные трубы начали расти как грибы. Это для меня, вроде так и должно быть, а для местных, это событие. Ну и хорошо, меньше леса сожгут. Меньше замерзать будут, а значить и болеть и умирать. Выходит, не зря у меня мастера, возле печи толкались.

Чтобы пошить одежду и обувь, мне и не только, пришлось разбираться и с сапожником и моей обворожительной портнихой. Вернее, с их рабочими местами. У сапожника Давыдова, пришлось переделывать печь, а медную трубу выставлять в стенку, при этом стамесками прорубать стену. Столкнулся с тем, что нет обычных и так мне привычных свёрл. Вот это дела. А я думал, что их ещё в Древнем Риме изобрели. Ручная дрель была, как не странно, коловорот. Но до современных, явно не дотягивал. А с их, перьями-свёрлами,

можно разве что небольшое отверстие в тонкой доске сделать. Качество металла, отвратительное. Пришлось садиться за написание целого сочинения, по производству свёрл и нормального коловорота. Добавить туда просьбу, сделать увеличенные печи с трубами. После этого уже отправлять Фёдора и Степана в Сукремле. С просьбой изготовить, но с наказом, сначала привезти пару печей. Печи им знакомы, чуть размер сделают больше и нормально. Попросил прислать и стоимость. Только потом, поеду в Москву.

— Анна Ильинична — попивая горячий чай — печь я вам поставлю, но это полумера. Надо Вам, новый дом строить и по-новому, как у меня.

— Я заметила. Какой он у Вас, тёплый и светлый, но он маленький — хозяйка.

— Пойдите большой.

— Что Вы, что Вы. А где я денег, на такой дом возьму. Он ведь, не одну тысячу стоит будет — замахала руками хозяйка.

— Этот продадите.

Потом, чёрт меня дёрнул, не знаю за какое место, рассказать о конвейерном производстве одежды. Вот что странно, но у Антоновой были уже две швейные машинки Томаса из Англии. Конечно, эти, уродцы не шли не в какое сравнение с современными изделиями 21 века и медленно, но шили. Я её убеждал, что надо увеличивать производство, и наладить выпуск ткани самой.

— Вот ещё, шить для крестьян — фыркнула Анна Ильинична — да ко мне, потом не один порядочный заказчик не придёт. А денег, это вообще не принесёт, они сами себе ткут и шьют.

— Вам-то, зачем шить самой? Наймёте людей, и будите только руководить — удивился я. — Вон, голландцы с англичанами выпускают и не говорят, что не выгодно.

— А денег, Вы, тоже дадите, а Дмитрий Иванович? — хитро улыбнулась хозяйка.

— Денег у меня нет — вздыхаю. — Но Вы подумайте, подумайте. Не Вы, так другой постройт.

Дома, возникла другая проблема. Сосед Трофим, через деда Ивана, уломал меня пристроить его корову с телёнком в нашу конюшню, на зиму. За молоко, конечно. Он будет следить, чистить за всей живностью, и через день отдавать надой молока. Корова, на которую я посмотрел, ростом чуть выше хорошей собаки дома. А молока давала, как коза. Но, этим дело не кончилось, прибежали ещё два соседа. Я разрешил, вроде выгодно, а больше места, уже не было. Там еще Звёздочка с Рыжим, мерин пятилетка, которого я прикупил. На нем Ванюша и воду возил, и Фёдор со мной ездил. Назвать его строевым конём, язык не повернётся, но и ладно. Кони, не очень обрадовались такому соседству, пришлось делать переборки. А потом я понял, какую сделал глупость. Пришлось покупать и ставить рядом сруб и с мастерами лепить туда печь. Заставлять соседей мыться и чистить хорошо коров. Под угрозой, если поймаю, выгоню сразу вместе со скотиной. Пошить фартуки с нарукавниками, сделать тачку и многое другое. Они искренне недоумевали, почему такие жёсткие требования.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— А потому, что так надо — рывкнул я. — Дед Иван, и спуска не давать.

И это, всё из-за моей бестолковости и глупой жадности. Понадеялся молока, на халяву получить. Выигрыш на пять копеек, траты на рубль. Привило это к ругани с соседями, жёсткому диктату и большим незапланированным финансовым тратам.

Наконец пришли печи с Мальцевского завода. Установил одну Антоновой, взял оплату,

причём только за печь.

— Вы же мне делаете скидки Анна Ильинична. А я, за свои услуги с Вас, тоже ничего не беру — забирая оплату, и смотрю ей прямо в глаза. Мы уже давно фланировали на грани фола. Ни как, не решаясь переступить опасную черту. Вернее, это я опасался сделать решительный шаг, боясь ошибиться.

Надо собираться в Москву, и выполнять обещание Мальцеву. А вот, на чём ехать, у меня нет. Что делать? Причем мерзнуть, я категорически не хочу, температура падает под -10- 15 днём и 15–18 ночью.

— Проходите, Николай Иванович, не стесняйтесь — большинство с кем я, постоянно общаюсь, уже привыкли. Я, говорю "рубленными" фразами, для этого времени, без всяких с и тому подобной ерунды, для меня. Купцы находили это экстравагантным, дворяне — плохим воспитанием и обзывали деревенщиной. Мало того, я ещё и не говорил по-французски, что в их понимание ставило меня на уровень, "полнейшей деревенщины". Но вслух мне в лицо, пока это говорить не желали. Я с ними и так избегал общаться, а наживать врагом, по пустякам клан Мальцевых, никто не желал. У многих поместья были заложены у ростовщиков, и я как то обмолвился, что дуэлей не будет, а будет выкуп поместий и полнейшее разорение. Официально дуэли не поощрялись и даже наказывались, а неофициально были. Но, как правило, больше в больших городах. Я, не был военным, и не стоял на государственной службе, и мне было плевать на эти условности...да и на всё остальное. За это спич, местные дворяне меня стали презирать, но угроза подействовала, а большего мне и не надо было. На их тусовки, балы и охоты, я не ездил, да меня практически и не приглашали. Слух, что я смог "раздеть" местных купцов на шесть тысяч рублей, разнесся по Туле, и оброс какими-то невероятными слухами.

Купец снял шубу и не зная куда её деть. Петельки у него не было, а моя куртка висела на специальной полке с крючками. Для гостей, была напольная вешалка.

— Сверху, бросайте на вешалку — и показываю руками.

— Не зря говорят, что стоит побывать у Вас в гостях — рассматривая всё в гостиной Гольтяков и ставя корзинку со съестным на лавку, с которой он приехал.

— Да полно Вам, Николай Иванович. Посмотрите, подумаете и весной сделаете себе нормальный дом — улыбаюсь я. Всё же похвала от такого человека дорого стоит.

— А может Вы, постройте мне дом? — усмехнулся купец, придирчиво рассмотрев всё вокруг.

— Вы это, в каком смысле?

— Ну как... архитектор — Гольтяков.

— Подождите, а чем Вас, Федосеев не устраивает?

— Я думаю у Вас.... лучше получиться.

Неожиданное предложение, хотя почему бы и нет. Заодно попробую, перед тем как свой дом строить. Попробую соорудить кое-что и за чужой счёт и с черепицей поэкспериментировать.

— Я подумаю, но предупреждаю, это может быть...э... неожиданным — развожу руками.

— Я согласен, но если мне не понравится, я его просто продам — Николай Иванович.

— Согласен. Но с условием, что мне летом придётся отлучиться. Но общий план я передам — подвожу итог.

Наконец-то единственный человек, который сразу согласился построить дом, без всяких

условий. Практически с ходу определив, на сколько, мой дом, отличается от остальных. Дальше, мы с ним приятно посидели, почти до ночи за столом, распив почти полуштоф, разговаривая обо всём. Купец поразил меня абсолютно прагматичными и передовыми взглядами на жизнь в целом. Мало того оказался и русофилом, и крайне не любил иностранцев, которые вытесняли его с рынка.

— Скажите Николай Иванович, а не одолжите мне свой возок, для поездки в Москву? — набрался я нахальности.

— Отчего нет. Говорят, Вы у Мальцева, в возках хорошие печи установили? — купец. — Может, и мне установите?

— Я подумаю, Николай Иванович — отвечаю осторожно.

Глава -10.

С утра выгулял Рема, которого долго отучали не гадить, во дворе. Смешно было наблюдать, как Ванюша гонялся за ним с лозинкой, по не маленькой такой территорией. Потом позанимался фехтованием на палках, причём касалось это всех, кроме Насти. В запале, получил ощутимый удар палкой по левой руке от Кулика, оказавшимся очень хорошим фехтовальщиком. Хорошо, хоть был в овчинном кожухе, иначе, скорее всего, перелом был бы обеспечен.

— И почему мы щиты и наручи не используем? — воскликнул я, прыгая от боли. Дальше я выражался уже "не в спортивной" лексике. Мария сразу убежала.

Обложив дома руку льдом, повторил свой вопрос.

— Да, кто сейчас со щитами воюет? Используют немецкие даги, но они дороги — Фёдор.

— Я про маленькие щиты говорю, про кулачковые баклеры — шиплю я от боли.

— Я такие... встречал....на Кавказе — Степан.

Я ещё пошипел, Фёдор растёр руку барсучьим жиром и успокоился. Потом прикинул, у кого из мастеров заказать пять железных щитов и пять пар наручей. Помечтал о таких, как в фильме "Хищник". Подумал, что в принципе, такие, можно и соорудить. Да, придётся изрядно помучиться. Но надо очень хорошую и лёгкую сталь, и пришёл к выводу, что пока это не реально. А...жаль.

Чтобы не заикливаться на боли, пошёл делать проверку в хозяйстве, где не всё оказалось в порядке. Пришлось раздавать "оплеухи и тыкать носом", досталось больше всех Насти. Признал, что толку с неё не будет, а Марии уже давно, надо нормальную помощницу. Проверил у неё учетные книги, где я обучал её вести хозяйство и делать записи ручкой с пером из томпака. Изготовил его сам, правда, не такое совершенное, как должно быть. Пока дальнейшее развитие, я держал при себе, намереваясь наладить производство чернильных ручек. Или продать, когда совсем, трудно с деньгами будет.

По поводу баклеров и металлических частей наручей, решил обратиться к Ивану Ивановичу Ливенцеву, тульскому металлозаводчику. С утра был туман, и я в сопровождении Фёдора направился на заводик. Температура из-за тумана, видать чуть повысилась. Выдыхая морозный воздух, стало немного легче. Рука ещё болела и опухла, отливая огромным синяком.

Разговор вышел трудным, купцу не нравились мои "завышенные требования к товару",

это, по словам купца.

— А Вы понимаете, что это оружие? От этого, будет зависеть моя жизнь — вспыхнул я.

— Купите пару хороших пистолетов и наймите хорошую охрану — Ливенцев. — И что у Вас, с рукой голубчик?

— Упал — хотел сказать, очнулся гипс и куча бриллиантов, но меня бы, он точно не понял. И так меня считают "очень странным" и это мягко сказано.

Разговор продолжался в том духе, я уже хотел уйти. Но, всё же купец сдался, но потребовал 50 процентную предоплату. Составили договор, на котором я настоял с описанием, отдал 250 рублями ассигнациями, так как серебра у меня не было. Цена вышла и ещё такой большой, что я заказал изделия из хорошего кованого железа, двойной закалки. И это простые небольшие конструкции столько стоят, ужас.

Деньги "просто улетают" в неизвестном направлении. Огромная сумма, полученная мной, тает, как снежный ком. Ещё немного и придётся опять какой-нибудь аукцион устраивать. Но вот, я сомневаюсь, что купцы выложат такую сумму. Лампы в продаже поступят перед новогодними гуляниями, когда все покупают подарки, так они решили на заседании. В принципе правильно, выставят сразу много и разных. Но, наличных денег у купцов, почти нет, год для них выдался очень и очень тяжелым, в финансовом плане. И так, вместо денег всякие суррогаты гуляют. Чуть ли не у каждого купца, свои деньги, кошмар и ужас.

На следующий день, наняв возок и загрузив туда одну из больших печей, отправились с Куликом в Москву. Я, подумав, решил отказаться от предложения Гольтякова, а то дороговато для меня получается. Укутались в шкуры и шубы, как капуста, только глаза торчат и помчали. Ничего интересного по дороге я не увидел, только бесчисленные повозки, сани и возки, снующие туда и обратно. Ими управляли бородатые и усатые мужики, заросшие по самые глаза. Одетые в овчинные тулупы и разнообразные шапки. Знакомые, перекликались между собой, и не обращая внимание на мороз. Пар, застывал у них на лице маленькими сосульками, превращал их в сказочных Дедов Морозов. Для экскурсантов моего времени это было бы самое-то, если можно бы попасть сюда, а потом обратно. Ну, разве, что вшей ради сувениров привезли бы.

Москва встретила нас "нахохлившись и нахмурившись". Почему-то улицы были плохо почищены и прохожие карабкались по сугробам. Наше движение совсем замедлилось, ещё и движение почему-то, не регулировалось. Каждый ехал, как хотел или как мог. В основном здания в два и три этажа, с кучей рекламы, что и кто продаёт, и окна напоминающие витражи. Многие закрыты ставнями, для экономии тепла. Вот Мальцев развернётся, и начнётся всеобщая перестройка. Изредка видны трубы каминов, голландок и очагов, со струйками копоти, идущие вертикально вверх, благо, что нет ветра. Видно, что Москва активно меняет облик и её скоро будет не узнать.

В доме Мальцева, нас не особо и ждали, их предупредили, что можем приехать и всё. Нормально так, да. Слуги постаскивали в одну половину дома всё имущество и жили в нескольких комнатах, все вместе. Там же рядом была кухня, откуда они таскали жаровницы, и недалеко комнаты хозяев с каминами, которые они тоже протапливали. В общем, красота. Лазить по тёмному и полузакрытому зданию посчитал делом бесперспективным. Поэтому мы, кое-как переночевав со всеми, отправились домой. Я написал большое письмо и передал деньги управляющему за печки, под расписку. Вторую, даже не сгружал. Тут она совсем и не нужна, и так пока всё нормально. Вносить хаос, когда всё уже отработано, не стоит.

Позавтракав кашей с салом, отправились домой. Возницу, я попросил прокатиться по Москве и заехать на Тверскую, которая считалась главной торговой улицей. Мне надо заехать в магазин Г. Мозера за часами, в магазин Швабе, за подзорной трубой, но лучше биноклем.

Огромное здание, по местным меркам, вернее комплекс зданий с колоннами английского клуба дворца графов Разумовских, вызвал у меня злобу. Скромнее надо быть, не у себя в стране. Я попросил извозчика остановить и подошёл к решетчатому забору, чтобы лучше рассмотреть. Смешные недольвы украшали ворота забора, перед зданием. Внимательно рассмотрев всё, я даже заулыбался. А не нанести ли нам визит, к джентльменам? Нет, конечно, не сейчас, а на следующую зиму. Надо очень хорошо подготовиться, а пожить, там явно есть чем.

Добротные здания на Тверской улице меня порадовали. Есть на что посмотреть. Будут деньги, надо художника нанять и запечатлеть. Кулик, до этого не бывавший в крупных городах, кроме Тулы, в Москве, на всё смотрел с каким-то детским восторгом. Вот бы его в Москву 21 века, на пару часов, посмеялся я про себя, хотя и сам с удовольствием pokrutil головой.

Нужные заведения отыскились быстро, но сначала я посетил книжный магазин, где купил три книги и не дёшево. Первая, про осадные машины и механизмы на греческом языке, но с кучей картинок. Вторая, про подъёмные механизмы, насосы и фонтаны на латинском языке, и тоже с чертежами и картинками. И третья, на французском языке, про фехтование с картинками и схемами. Очень полезная книга. Потом к часовщику, если у Мозера цены были высокие, то у Швабе просто фантастические. За какую-то далеко не самую хорошую трубу в три колена просить 200 рублей, это уже слишком! Я долго, пыхтел возле прилавка, как тульский самовар, но деваться некуда, пришлось брать. Продавец потупил глаза, ожидая моего решения. Всё больше такого кровопускания мой кошелек и моя психика не выдержит. Надутый, как мышь на крупу, я плюхнулся в возок и потребовал быстрее везти меня в Тулу. Пока я здесь, кого-либо не зашиб. Мне, тут скоро подушный налог платить, как вспомню, так вздрогну. Надо срочно ехать в имение и установить, сколько же у меня фактически крестьян мужского пола, а потом зарегистрировать в Венёвском уезде, а заплачу в Туле.

Долго в Туле задерживаться не стал, и с этим же извозчиком, захватив Кулика и Настю с вещами, отправился в имение. Чтобы не слушать всхлипы девчонки всю дорогу, я просто её обманул. Сказал, что едем проводить родителей. А Мария, сама загрузила все её вещи, мелочиться я не стал. Кроме, этого кинул в возок несколько овечьих шкур, плохого качества выделки, купленных мной случайно. И чугунок, который так раздражал меня на кухне, он почему-то постоянно падал. Посуды, тут тоже нормальной нет, опять придётся и этим заниматься и писать в Сукремле чтобы отлили. По приезду увидел, что большую часть моих распоряжений крестьяне не выполнили. На вопрос почему, последовал справедливый ответ, что копать-то нечем. Одна железная лопата на всю деревню, которую я дал. Как-то это я не подумал, что железные лопаты тут дефицит, а деревянной с обитой кромкой, много не накопишь. Потом галопом съездил в Венёва, туда и обратно, за местным чиновником. Венёва небольшой городок с тройкой каменных зданий, большим рынком, и оживлённым трактом. За выдачу бумаги и пересчёт, заплатил 5 рублей 12 копеек, в котором было сказано, что у меня проживает 123 человека мужского полу, женщины не в счёт. Причём всех, от грудничка, до стариков.

— Так Егор, что у вас с продуктами? До весны и на посадку хватит? Учти помещичьи земли, я сдам вам в аренду — спрашиваю старосту. Мы идём по тропинке, приминая свежавывалившийся снег. Я, ещё раз внимательно, рассматриваю все вокруг. Маленькая деревенька, по-другому это не назовёшь, и понимаю, что всё очень и очень хреново. Да, появились трубы, подправили дома, посадили часть деревьев и всё. Больше хороших новостей нет. Не дай бог не урожай, и мои крестьяне вымрут или ударятся в бега. Но это одно, и тоже. Они тут и так в среднем живут по 25 лет.

— Может и хватит — неопределённо отвечает он. — Вот, если бы разрешение...

— Я дал и написал, можете работать в Венёва, чиновник и полиция знают — перебиваю. — Ладно, подумаю. К весне приеду, проверю. — Девчонки готовы?

Этот раз я беру двоих, одну старшую, Лизу Лазареву, дочь старосты. Одну младшую, Катю Климову. Михайловы хотели дать другую свою родственницу, но я сразу сказал, нет. Сами Михайловы род крепкий и толковый, но тут у них, вышла промашка. Сама Настя, стояла у возка, резко выделяясь своей одеждой, на фоне крестьян. Она размазывала слёзы по щекам, когда до неё дошло, что её опять возвращают, откуда взяли. Подняла такой вой, просто кошмар. Как говорят, с неба на землю. Это послужит уроком другим, что надо стараться изо всех сил.

По дороге домой, я думал. Чтобы предпринять и так, чтобы постоянно, там не находиться. Нужно какое-то производство, и не слишком сложное. Постоянно нужное в деревне и желательно связанное с едой. Обратил внимание, что на холме, который спускается к речушки, довольно сильный ветер. Разве, что поставить ветряную мельницу? Сдать её в аренду Михайловым, другого на ум, ничего не приходило. Крестьяне живут в основном натуральным хозяйством и осуществляют обмен между собой, деньги у них почти и не ходят. Но вот мельница, которая и не каждому дворянину по карману в округе, плюс Венёвский хлебный и животноводческий хороший рынок под боком. Это может дать нормальный заработок им и мне. Собрать и заказать всё в Туле и перевезти на подводах и быстро поставить. И не сказать, что мельниц не было, их просто не хватало. Были даже водяные. Причём цена на зерно, и цена на муку, отличалась на порядок. А цена белой муки мелкого помола, ещё больше. Тут была в основном серая мука, слабо отделённая. Будем пробовать, иначе останусь без крестьян. Также сюда кожевника поселить с мясниками, коже мне, надо будет много. Напишем Мальцеву, пусть перепишет нескольких с семьями, а я ему за это секрет медных зеркал напишу. А как делать с серебряным покрытием, я не помню, а и так пойдёт. Зеркала и так в такой цене, что упасть можно и не раз, особенно большие. Проще в ведро с водой смотреть. Решено.

По возвращению, проверил готовность изготовления деталей для отопления у Добрынина. Оказалась главная задержка за железной печью с водяным котлом, которую не как не могут сделать у Самсона Германа Романовича на казённом заводе. Это крайне злило Николай Николаевича, и он попытался "надавить" на меня, чтобы я сходил туда и помог, но я отказался. Мотивируя, что там я ничего не знаю, кто меня там будет слушать, буду сразу вносить изменения и ещё что-нибудь. Зная мой характер Добрынин, был вынужден согласиться и признать, что он погорячился. Я же, чтобы его не растаивать окончательно и портить отношения, пригласил в гости.

Дальше я нашел Луку, хорошего мастера-бригадира по дереву, который работал у меня не один раз и повёл к себе.

— Так Лука, хочешь у меня поработать и долго? — спрашиваю стушевавшегося мастера.

— Да.

— Заключаем договор, письменный. Всё, что ты будешь делать у меня, ты можешь разглашать, только с моего согласия — навожу на него указательный палец.

Пристально смотрю на него. Ему и хочется и колотится. Он, не спешит отвечать.

— Ты не понял. Я скоро буду стоять ветряную мельницу. Хочу, чтобы без моего разрешения, ты никому не строил... Такие, ну и другое — добавляю.

— Почему? — хитро прищурился мастер.

— Во-первых, ты продешевишь или тебя просто обманут. Во-вторых, мы с тобой будем строить сначала модель и только потом мельницу. Платить за это буду я. Поэтому я и требую... по справедливости. У меня работы много и ты, и твоя бригада, без дела и денег, не останетесь.

— Хорошо — с неохотой согласился мастер.

— Потом, меня ещё не раз благодарить будешь — подвожу итог.

Дальше, мы обговорили условия, и составили документ. Он пошёл за инструментом и деревом. Строить модель я решил у себя, во избежание, так сказать. Мало того, я хотел совместить современный ветряк 21 века с мельницей, нынешнего времени. Потом, отправился на хлебный рынок к купцам заказывать жернова. С ними оказалось не всё так просто, их надо было везти с Малороссии из Украины с Чигирина, но лучше с Франции с Марселя. Вот в этом, тоже сказывается наша отсталость, не можем нормальные жернова сделать. Жернова стоили от 150 до 500 рублей серебром за пару. Вот так да. И что мне теперь делать? С учётом постройки, выйдет в два раза больше. По-моему куда-то, не туда я замахнулся, слишком широко. Пришлось идти домой, и крепко думать.

Как бы там не было, а от постройки модели, я не отказался. Да и чего, зимой делать? Смотришь и ещё, что умное вспомню.

Через несколько дней возни с Лукой, который приходил к 10 утра, утром у нас была всеобщая тренировка по фехтованию. Вспомнил я пословицу. — Не знала баба хлопот, купила порося. Вот, кто меня надоумил сделать действующую модель? Эх, знать бы, по голове надавал бы. Зато этим делом, увлеклись все остальные мои жильцы, да так, что мне бросать, не доделавши до конца, стало стыдно. Что мужики, что девчонки, толпились при первой возможности около модели и готовы выполнять любую прихоть, лишь бы продолжалось строительство. Сказывается их крестьянская натура. Оказалось, надо делать не только саму мельницу, а и сеялки. Причём, как для зерна, так и муки. Дробилка и многое другое, о чём, я даже не подозревал. Зато знали они, и постоянно "подкидывали мне идеи".

Не знаю, какой след, я оставлю в этой реальности. Но если, только построю это футуристическое сооружение, то меня уже запомнят. Оно было настолько не обычным от всех, что даже Лука, участвовавший во многих строительствах, был изумлён.

Я решил применить несколько передач неизвестных тут, которые я надеюсь, мне сделают на Мальцевских заводах. Так же надеюсь, что и цену с меня запросят не астрономическую. Первое, это решил сделать почти полностью каменную мельницу с домом для мельника, а вернее семей. На всякий случай, так сказать. Мне, тут не надо будет очень хороший кирпич, а заодно и используем дикий камень. Саму поворачивающуюся крышущапку, сделаю стоящей на большом металлическом подшипнике, на котором она будет вращаться. Дорожку наверху с парой ручек, для поворота вручную. Тут самое главное сделать одинаковые металлические шары, размером с небольшой мячик. А обода сделаем из составных частей. Шток с лопастями, тоже составной и выходящий с другой стороны с

хвостом. Потом придумаем почуднее. На сам шток, тоже придётся ставить подшипники. Я помню, что в Голландии размах лопастей достигал 9 метров. Или нет? Сделал такие же, но больше количество. Не уверен в силе ветра у нас, а там посмотрим. Но сделаем универсальные на увеличение и уменьшение площади. Поменял и саму насадку, и крепление лопастей, где их можно менять. Почему стал делать составные части, потому что длинные и прямые крепкого хорошего дерева, стоят очень дорого. В основном их надо заказывать заранее, а в случае поломки...об этом лучше и не думать. Угловую передачу на королевский вал, Лука заверил, что сделает без проблем. Как и от него, передачу на две пары жерновов. Будут подсоединяться, по мере необходимости, дробилка и вибросеялка, для зерна. Сеялка для муки с тремя величинами отверстий и вентилятором, тоже от королевского вала. В общем, трудились мы плодотворно, постоянно внося какие-то изменения, как до Нового Года, так и после. Как дети, с вращающейся и бегущей игрушкой. А что, телевизора нет, интернета нет, кина и того нет и делать особо нечего. Тренировки, прогулки, изредка гости или в гости, вот и все мои дела. Вот только, как бы цена моей затеи меня не разорила, придётся товарный кредит просить у Мальцева.

Перед новым годом заплатил подушный налог, от которого долго плевался. И это хорошо, что я дворянин и не плачу других.

А перед самым Новым Годом, случилось две приятные и неожиданные новости. Первая это купцы, наконец, выставили керосиновые лампы на продажу и...тут же продали всё. Возник ажиотаж, даже для меня, нехватка стекла и керосина у них, была неожиданной. Прибегали за советом ко мне.

— А что я могу? Стекло, я не варю, это пишите Ивану Акимовичу. А привоз и производство керосина налаживайте сами — заявил я. Я могу подсказать, только как возить большие объёмы.

Это мы и сами знаем, заявили мне раздосадованные купцы. Наверно, клянут меня, что я уговорил их не задирать цену.

— Я, тут экспериментировал. Если Вы, достанете мне лист резины, то я могу через некоторое время, Вам предоставить еще одну разработку. Но такой лёгкой ценой вы не отделаетесь — предупреждаю их. Почему бы, не втухнуть, им примус, пока они готовы взять. — Там никакого стекла нет, все делать будите сами, кроме резины.

— А для чего она и много её надо — Алексеев.

— Уплотнитель для воздуха, совсем мало.

— Будет тебе резина, делай. Как только будет готовый образец, так и поговорим — ответили они.

Вторая, я получил поздравление с наилучшими пожеланиями и подарки. Коробку с пятью ёлочными игрушками и сундук с разнообразным спиртным, чаем, кофе и шоколадными конфетами. Игрушки оказались целым произведениями искусства, сказочная лошадка, разноцветный заяц, цветной шар, молочная сосулька и красно-синяя звездочка. Даже надписи, кто и дата изготовления есть, первые ёлочные игрушки в России! Будущий антиквариат. Всё, ставим ёлку. А вот подарки своим людям я забыл, вот балбес. Пришлось срочно придумывать и часть покупать, а заодно и некоторой "особо хитрой особе".

Перед самым Новым годом, я раздал подарки своим "подчинённым". Тут так принято, правила хорошего тона. Не у всех конечно. Девчонкам, на которых пример, Насти подействовал очень эффективно, и не только на них, ни жалоб и ни слёз, ни лени от них не было. Они старались изо всех сил, им крохотные серебряные серёжки. У них даже уши, не были проколоты. Марии, отрез дорогой английской красной ткани, из моих подарков, но тут так делается. Мужикам по широкому кожаному поясу, с двумя медными пряжками-застежками и медными бляшками по нему. Специально, заказанные мной у кожевника, на подобие как, для поднятия штанги. Парням, по маленькому ножечку, а деду Ивану вышитую меховую жилетку. Раздал немножко денег, даже Луку одарил и дал немного чая.

В гостиной поставили ёлку и украсили подаренными игрушками, яблоками, орехами, изюмом. Поставили тарелку с вареными яйцами, вешать их я запретил. Вот такая примета. Наготовили разных блюд и напекли пирогов. Я, тоже там поучаствовал. Подготовка прошла весело и шумно, а для моих людей так вообще "сказочно". Так у них, наверное, никогда такого и не было, слишком лица счастливые. Ёлку, они вообще никогда не ставили, обычно фруктовые деревья, отпад. Узелок на память, на следующий год, для города сделаем. Значит и тут, я первый? Или я себя тещу несбыточным или лавры первопроходца мне спать не дают?

У простых крестьян светло, тепло, сытно и с подарками, в это время, так не бывает. На приглашение на дворянский бал в сарае, по-другому это деревянное здание не назовешь, я откровенно забил. Причём не я один. Самые богатые уехали в столицу, некоторые пригласили себе в усадьбы соседей и друзей, и только часть на бал. Так, у меня с местными дворянами отношения и не сложились. Вражды не было, но и отношения мы почти и не поддерживали, так мимолетные встречи не в счёт.

На Новый Год в гости, по-моему настойчивому приглашению, пожаловала Антонова. Ей я подарил кулон, серебряного ангелочка с трубой и беленьким камешком на крыльях. Ювелир, долго пытался понять, что я такого хочу, а я оказался, плохим художником, но разобрались. За использование такого кулона в дальнейшем, я ничего не заплатил ювелиру. Думаю, он в накладе не останется. Единственное мое условие, не продавать в Туле три месяца после Нового Года и а мне, нарисовать еще пару кулонов.

Ко мне в дом всплыла принцесса, из сказки фильмов Александра Роу. На голове расшитая корона, не знаю, как называется этот головной убор. С неё на лоб спадают нитки мелких жемчужин, тщательно подобранных. Красного английского сукна шубка с узорами, внутри и снаружи отделанная мехом норки. Под ней тёмно-розовое платье, и плюс, что-то в виде жилетки песочного цвета с вышивками.

Стол, уставил в своём кабинете, для которого прикупил продуктов с фруктами. Ещё на стол выставил подаренное шампанское, коньяк и шоколадные конфеты. Приятный разговор, красивая девушка и пахнущая ель, которую я подтащил к двери, что ещё надо? У неё она тоже вызвала восторг, а стеклянные игрушки в особенности.

Мой подарок произвёл ошеломляющий эффект, сам не ожидал. Ахов, счастливого визга было много. Потихоньку, помаленьку, но мы "наклюкались" смешав коньяк с шампанским. Скорее раньше, она так не делала. Шампанское с шоколадными конфетами, далеко не каждый мог себе позволить, в это время. А коньяк, вообще 100 рублей бутылка. Не помню, как точно, но мы отправились смотреть душ. Закончилось это, естественно мокрой одеждой Анны, потом уже раздеванием, целованием и душем уже настоящим. Ох и намучился я, с кучей нижних юбок, нелепых рубашек и панталон, от которых еле сдержал смех. После этого плавным движением переместились на кровать.

— Дмитрий, ты очень хитрый...и скрытный — улёгшись у меня на груди Анна.

— Э... Почему ты так решила? — осторожно спрашиваю я.

— А правда, что ты внебрачный сын Мальцева? — спросила "лисичка".

— Ты знаешь, как говорят англичане — без комментариев — улыбаясь, отвечаю ей.

— Никогда не слышала. А что это значит? — удивилась она.

Вот чёрт, опять ляпнул, не подумавши. И как мне объяснить, что это такое, без комментариев? Да его даже и ещё и не придумали. Вот смеху будет, когда кто-нибудь у англичан спросит. Думай голова, прежде чем язык распускать. И так, все твои домочадцы стали выражаться, что другие туляки в а.... особенно на рынке, когда торгуются за покупки. По-моему, некоторые купцы и продавцы, с некоторых пор делают это специально.

— Ну, это... когда... ничего говорить не будут — выкрутился я.

— Да-а. — Удивление на прекрасном лице было столь велико, что я засмеялся.

— Ты чего, смеёшься? — начала сердиться Анна, стукнув меня кулачком.

Пришлось срочно закрывать ротик поцелуем, а руками усиленно гладить прекрасное тело и "вкусные" выпуклости. Удивительно, как в таких условиях, она сумела его удержать. Скорее природа и наследственность предков. По меркам красоты 19 века она была не очень. Слишком высокая и худая, а вот для меня....само то.

— И откуда, ты это всё знаешь? — немного отдышавшись и успокоившись, опять полезла ко мне с вопросами.

— А ты Камасутру индийцев, не читала? — но, а что. Надо же мне как-то выкручиваться. — Вот, прочтешь, потом и вопросы задавать будешь....или пробивать — усмехнулся я.

— А ты и с индийцей был? Ты внебрачный сын — сначала спросила, а потом подвела точку.

И где логика, я вас спрашиваю. И что ей ответить? А лучше, я ей про женское бельё расскажу, а то от нижнего белья Анны плакать хочется, а не любви. И это модная портниха, выписывающая наряды из Парижа и Лондона.

— Вот видел я, на индийских женщинах... — и пошел рассказывать про современное бельё.

— А корсеты? — последовал вопрос, чуть только я остановился.

— А корсеты, вот такие....

— Все-таки ты, бесстыдник — проговорила она, и нахмурилась.

— Не понял? Почему, ты, сделала такой вывод? — изумился я и сел в кровати, подложив подушку. Вот и стоило стараться и рассказывать?

— Ты копался в женской одежде — последовал ответ.

— Да копался. Но вывод, ты, сделала неправильный. Сколько вещей Анна ты ведешь у меня, которых не у кого, нет?

Дальше стала хмурить и морщить прекрасный лобик и сопение, оглядывание по сторонам.

— Предлагаю ещё раз, сходить в душ? — улыбаюсь я.

— Много.

— Что много? — не понял я.

— Много у тебя вещей, которых я, не у кого не видела — вынуждена была признать голая "принцесса".

— А это значит...что?

— Ты хочешь сказать, что...

— Всё везде смотрю, учусь, беру лучшее и стараюсь создать сам... и что-то новое тоже.

Или очень, очень забытое старое — заканчиваю за неё.

— Но женскую одежду — не унималась Анна.

— Надо создавать и женское нижнее бельё и мужское. И лучше тебя, никто не справится — потом немного помолчал — сделаешь и продемонстрируешь мне.

Дальше, нам было не до разговоров, я опять потащил её в душ, потом кровать, а потом мы уснули. Проснувшись, и кое-как привела себя в порядок, служанок у меня нет. Попили чаю с пирогами, дождалась возка и отправилась домой.

— И всё же ты бесстыдник — проворковала она на прощанья.

— А я, буду рад тебя видеть в любое время, но лучше к вечеру — добавил я, на изящное ушко.

Пошёл в спальню и обратил внимание, что на ёлки, остались только игрушки и яблоки. Остальные вкусности все съели, ночью. Я предупредил, что могут брать после часу ночи, молодцы, дождались, и...съели всё. Особо на питании я не экономил, но и не баловал. Силился вспомнить, когда же я закрыл дверь в кабинет и не мог. А и ладно, махнув на это дело рукой. Сейчас два дня выходных и кроме крайне необходимых работ никто, ничего не делает.

На столе, лежали подаренные мне меховые перчатки из великолепной кожи. Я плюхнулся на постель, которая сохранила запах духов Анни, и уснул со счастливой улыбкой.

Наконец, к концу января у Самсона склепали печь для Добрынина, а я закончил макет мельницы. В общем, это называется, "слепили, как смогли".

— Руки бы им поотбивать...и головы — увидев это "чудо", воскликнул я.

— Как-то Вы, уж очень... несдержанный, Дмитрий Иванович — опешил Добрынин от моей реакции.

— Да какой несдержанный! Да как, такое вообще, сделать можно было. Нет, ответственности за это я нести не хочу и то, что это будет работать.... я не уверен — на одном дыхании вырвалось у меня.

— Да...как с Вами тяжело, Дмитрий Иванович — вздохнул глава.

Гольяков в отличие от Самсона, всё сделал хорошо. Надо будет у себя поменять баки, на его медные нормальные батареи. Провозился я с Куликом, у которого открылась тяга к технике, неделю. Ругая, начальство и рабочих казённого завода. Угля, это чудовище, жрало намного больше, чем должно было бы быть, а тепла давала меньше. Но Николай Николаевич остался доволен, что у него в семи комнатах стало тепло. Я же, на прощание плюнул на неё, перекрестил и пожелал проработать, хотя бы три месяца.

Дома, занялся изготовлением многозарядного пистолетного арбалета и обычного. Хотел добиться, уверенного поражение цели на 10–12 метров пистолетного и 40–50 обычного. Проблема, возникла с тетивой, местная меня совсем не устроила, надо стальную. Стальную проволоку, катали только у немцев, пришлось заказывать. Потом ещё надо будет и из неё сплести тросик. Наконец, через две недели, наши усилия с Фёдором дали результат. Отстреляв и набаловавшись с каждой парой арбалетов на местной тетиве, я их разобрал и спрятал в большой кувшин в подвале. Запретил какое-либо упоминание о них. Будем ждать проволоку, потом ещё попробуем. Я заказал на всякий случай разного размера.

— Дмитрий Иванович, это Вы, придумали такой арбалет? — разбирая так понравившийся ему пистолетный Фёдор.

— Да нет, их еще китайцы тысячу лет назад придумали. Но вот, как точно называется, я тебе не скажу. Какой-то чинг-бонг или чон-ча-бонг, не помню точно — усмехнулся я.

— Понравился — вздыхает Фёдор.

— Ничего, вот поставим нормальную тетиву, вот тогда и будет — сила. Но, а летом может, и попробуем...на практике — подвожу итог.

После обеда в гости пожаловала Анна. Попивая отвар, я прищурился и спросил — Ты случайно не бельё, мне приехала демонстрировать?

— Как, как — уставилась она на меня и часто заморгала своими длинными ресницами.

— Давай посмотрим, что у тебя получилось? — подхожу к ней и беру ее за руку.

— Нет, всё же ты бесстыдник — сжав губы и смешно сморщив носик Антонова.

— Ты не права, я помогаю тебе зарабатывать деньги — и тяну её в спальню.

Опять копаюсь в этих юбках, та чтоб их. Да не один раз.

— Аннь, а нельзя юбок меньше? Вот зачем их столько? — вздыхаю я.

— А как же без этого? — слышу не поддельное удивление.

Наконец она осталась наподобие лифчика и трусов, и я начинаю крутить её.

— Ты, себя в зеркало видела? — спрашиваю её.

— Да, а что?

— Красивая — чмокаю её в носик — но плохо слушала меня. Начинаю заворачивать лишние куски.

— Я чувствую себя, как гулящая и продажная женщина — слышу комментарий, который, мне совсем не нравится.

— Я ты почувствуй себя, как любящая и любимая — обнимаю и целую.

И тут стук в дверь и слышу.

— Дмитрий Иванович, к нам гости — голос Фёдора — и по-моему от Ивана Акимовича.

— Вот это...облом — резко вдыхаю и выдыхаю воздух. Как в анекдоте, на самом интересном месте. Девушка готова, а я...

— Фёдор, Марию сюда быстро. А сам, удержи хоть немного гостей — и помогаю, одеть ей юбки.

Мария влетает в мою комнату и смущается, а как ещё. Я почти одет, Анна почти раздета, но я не даю ей время: — Так быстро помогай одеваться, а я пойду встречать гостей.

Фёдор не ошибся, приехали Мальцев с Торопиным в одном возке. С ними одни сани, верховые и пять слуг, общим числом. Да куда же, я их селить буду? Надо соображать быстро. Раскланиваюсь и обнимаюсь с приезжими.

— Какими судьбами, Иван Акимович, Андрей Дмитриевич?

— Да вот, по слёзным письмам твоих купцов, Андрей Дмитриевич пожаловал. А я так, с ним за компанию — ответил Мальцев.

Сейчас в возке у них тепло и не дымит, поэтому и шубы не такие огромные. Опа, даже петельки есть. Ну, Зоркие Соколы, всё заметили, оценили, и...внедрить успели. А я, на следующий раз плечики сделаю, усмехнулся я.

— Проходите, сейчас распорядюсь чай поставить и закусить, что-нибудь с дороги — говорю им.

— Лучше отвара с ягодами — улыбается Мальцев.

— Дед Иван, Кулика с Ремезами в предбанник вашей душевой, на их место служивых. Фёдора к вам, Мария дома переночует, туда Андрея Дмитриевича. Достаньте раскладушки с

подвала. Кулик, пусть пристроит лошадей в...мастерской. Ставьте самовар, Мария выйдет, пусть суп с лапшой доделывает и кашу гречневую ставит — быстро отдаю распоряжение. Нет, с этим надо срочно что-то решать. Такие "набеги" будут продолжаться, а когда я дом построю, кто его знает. В это время, мимо меня слуги опять таскают знакомые сундуки.

Тут выпархивает Мария из моего кабинета и идёт на кухню. У гостей появляться изумлённые ухмыляющиеся улыбки....но, не долго. Потом во всей красе, появляется Анна Ильинична, и я наблюдаю уже восхищённые взгляды.

— Господа, позвольте Вам представить, лучшую владелицу модного места (это тут ателье, так зовётся) Тулы, Антонову Анну Ильиничну.

— А это, Мальцев Иван Акимович, Торопин Андрей Дмитриевич.

Дальше последовал великосветский трёп, появился коньяк, бутерброды и некоторые закуски. Потом подали лапшу в керамических расписанных мисочках с ручками. Каюсь мой дизайн, то-то подозрительно смотрит Мальцев на миску, а потом на меня. С моим тёской, купцом Дмитрием Семеновичем Грязевым, у нас сложились не плохие отношения. Большая семья Грязевых, была довольно известной в Туле, и занимались многими видами деятельности. Мы с ним, пару раз даже выпили по 100 грамм...ну может чуть и больше, но после этого, мои "мелкие заказы" Дмитрий выполнял бесплатно. Я попросил его найти мастеров по черепице, как и по выпуску, так и по установке. Пообещал. Только поинтересовался зачем, я сказал, что для строительства зданий. Он тут же пожелал поставлять мне кирпич, и получил согласие. Дмитрий, шёл на многие уступки мне не просто так, а потому что, потом просто копировал и успешно продавал. Сам видел. О претензиях, я даже не заикался, мне что жалко.

Хорошо посидели, но Анна была на стороже и коньяк не пила, и от шампанского отказалась, что меня немного развеселило. Мне её самому мало, а уж не знаю, что она себе там надумала. Да и не всё, в наших отношениях ясно.

— Ну, вот и познакомилась ты, с Иваном Акимовичем — провожая её в возок, который она не отправляла, сказал ей на ушко и тут же чмокнул.

— Всё же ты бесстыдник — усмехнулась Антонова.

Утром Торопин уехал разбираться с купцами, которые жаловались на малое поступление стеклянных колб и требовали увеличить поставки. Иначе, грозились искать на стороне. Мальцев предупредил, что сюда он приехал инкогнито, визиты наносить не будет, а тут же уедет с Торопиным.

Мы же засели с Иваном Акимовичем в моем кабинете, я заварил кофе в джезве, поставил коньяк с виноградом. Удивительно, но многие свежие фрукты можно купить, а вот цена.... не каждому по карману.

— Надеюсь у тебя с такой милой...

— Ничего серьезного, только дела — иставляю ладони.

— Да... дела и в твоей спальни? — улыбается Мальцев.

Развожу руками, а что тут скажешь. Дальше объяснять, только хуже получится.

— Я очень надеюсь, что ты не потеряешь... голову и не станешь делать...

— Всё будет нормально, жениться, и заводить детей я не планирую, ни в коем рази — вставляю свои пять копеек. Интересно, и с какой целью и почему, он беспокоиться?

Он очень внимательно посмотрел на меня, пригубил коньяк, заел виноградом и вздохнул. Потом мы, начали разговор, ради которого он и приехал, про зеркала.

— Если сразу после флоат-камеры на медную пластину, то должно получиться медное

зеркало, если температуры хватит или попробовать на порошок — говорю я.

— А если нет? — Мальцев.

— Тогда надо придумать способ жидкой меди, а лучше серебра, а потом закрасить краской — отвечаю.

— А как наносить?

— Пока не знаю, но идея есть. Давайте так, Вы, придумаете, как сделать жидкими медь и серебро, а я постараюсь придумать, как наносить — предлагаю.

— Отлично — довольный Мальцев.

— У меня к Вам, просьба, Иван Акимович. Мне нужен товарный кредит на ваши сталитейных заводах. А к лету, надёжный вооружённый отряд, человек на двадцать на конях и трёх хороших подводах — говорю ему.

— И я даже примерно догадываюсь, что ты задумал — усмехнулся Мальцев. — И это, мне очень не нравится.

— Ангел сказал, что близятся войны — выдаю я, казалось мне убийственный аргумент.

— М... Я подумую-ю. А что ты собираешься заказывать, на моих заводах?

— Сейчас.

Потом иду за Фёдором, и мы с ним затаскиваем макет мельницы, который спрятан в чулане.

— Очень интересно — рассматривая макет и обходя вокруг него Мальцев. Потом случайно задевает за хвост башни с лопастями, и она поворачивается. — Как в Голландии? — изумляется он.

Я тем временем крутанул лопасть и макет "заработал".

— Лучше — потом снял крышу и показал деревянные шарики, потом поставил аккуратно на место, зацепив шестерни.

— Очень интересно...и я...так понимаю, что ты хочешь это, построить у себя в имении?

— Хотелось бы, да вот денег не хватит. Вот и прошу металлические части сделать у Вас. Я потом сразу рассчитаюсь — тьфу, аж в горле пересохло от волнения.

— А это, что за передача? — Иван Акимович ткнул пальцем в нижнюю передачу, которая вела от королевского вала к стене.

— А тут, с обратной стороны, крестьяне могут подключать всякие сеялки-веялки, плющилки и другие механизмы — объясняю я.

— И вот такую, сложную технику, ты хочешь доверить безграмотным крестьянам? — удивляется он.

— У меня работали братья Михайловы, они очень сообразительны. Вот их и хочу поставить — а что мне остаётся, нет у меня людей.

Повисло тягостное молчание, а Мальцев всё разглядывает макет.

— Я думаю...Когда ты, планировал начинать строительство? — резко меняет тему разговора.

— Через два-три месяца, тогда снег сойдет и чуть земля просохнет.

— Ты знаешь, сколько у меня народу... и всё кушать хотят. Вот — поднимает палец. — Значит так. Пришлю я тебе своего инженера Рыбкина Андрея Сергеевича со служивым будет он с тобой, от самого начала и до конца строительства. Потом ещё три месяца, посмотрит, как работает и крестьян твоих подучит — сделал глоток кофе и посмаковав его, продолжил.

— Всё-таки ты, очень наивный... такую технику без обучения давать безграмотным

крестьянам. Сломают и сами не поймут почему. После окончания строительства, пришлю пару мельников на обучения...их и твоих крестьян. Как думаешь, так лучше будет? — теперь уже сделал глоток коньяка и уставился на меня.

Ну.... мне остаётся только поблагодарить судьбу, что связала с Иваном Акимовичем Мальцевым. Он куда как лучше меня, разбирается во всех реалиях. Будь я хоть семь пядей во лбу, без его помощи, я бы барахтался долго и не факт, что успешно.

— Я думаю, так будет намного лучше — отвечаю и улыбаюсь.

— Хорошо-о. За это, сможешь бесплатно изготовить нужные тебе части на заводах. Жернова я тебе пришлю. Кожевников и мясников, тоже к осени получишь. Но — и поднимает опять указательный палец вверх — я жду от тебя подробное описание всего, что ты делаешь и как. Возможно, придётся оформлять привилегии.... надеюсь, ты не против.

Потом мы ещё утрясали некоторые моменты, и я спрятал макет на место.

— А что, это у тебя за разборные кровати? — и хитро так улыбнулся. Блин, Броневой в фильме, про Штирлица. Живу вторую жизнь, а проигрываю человеку из 19 века, почти подчистую.

— А это, у нас Стрельников Осип Федорович делает — отвечаю и смотрю "честными" глазами.

— И опять, ты не причём — кивает головой Мальцев.

— Я Вам, подарю пару штук — кручу головой, и пытаюсь создать впечатление, что я тут действительно, не причём. И вообще, купил случайно.

— А за одно и пару мисок с ручками — добавил Иван Акимович.

Вечером приехал поддатый и весёлый Торопин, мы ещё немного посидели, а утром позавтракав гречневой кашей с маслом, они уехали, оставив мне кучу подарков, но забрав сундуки.

Глава — 12.

В подарок, я так же получил много стеклянных изделий. Выбрал вазу по интересней, и поехал к Антоновой, надо как-то закончить наш разговор, в более приятной для меня форме.

Застал у неё Стрельникова и чуть не вспылil. Вот же "накрутил" себя, на ровном месте. Оказывается, Осип Фёдорович, приехал заказывать штаны, такие как у меня. Когда же он их успел, подсмотрел? Наверное, когда у него в цеху расстёгивался или слышал? Хотя чего думать, многие купцы просили показать их, слишком они выделялись карманами на ногах. А потом, оказывается, есть удобный карман и впереди, ляжки, высокий пояс, для зимы и в плохо отапливаемых помещениях, само то. Английские штаны или брюки, в общем не важно, в которые надо было залазить при помощи слуг, им тоже не нравились. Их носили военные и чиновники и были ещё шаровары и строгие узкие костюмные брюки. Других более приличных мужских штанов, для не стандартных фигур, практически и не было. А тут появилась отличная альтернатива.

Кручусь как манекен, подумал я, когда меня в который раз осматривал Осип Фёдорович. Манекен...манекен. Да-а, где их тут ставить у неё? А зачем большие, поставить маленькие... куклы. Куклы уже есть, сам видел в Москве, но цена...застрелиться дешевле. А тут Лука сделает деревянных, сколько хочешь и матрешек заодно, а вот их я ещё и не видел.

Стрельников ушёл, но просил пожаловать к нему на обед. Я пообещал через пару дней,

но не раньше.

— Анна Ильинична, у меня есть для вас подарок — и пытаюсь соорудить утомительную рожицу и передаю вазу. Кстати, очень не дешёвую, по нынешним временам.

— Да уж...подарки у вас...Дмитрий Иванович — серьёзным тоном Антонова.

— Аннь, ну кто знал? Ну, случайно вышло. Откуда я знал, что они приедут? — перебиваю её.

— Зато сейчас, будет знать вся Тула — возразила она.

— Ну, это вряд ли. А если будут спрашивать, ты ответь вопросом на вопрос. С какой целью, они интересуются?

— И что? — вздохнула она.

— А то, что у нас деловые отношения.

— Какие? — удивилась она.

— А вот завтра попрошу в 12 часов ко мне в гости, там и узнаешь — отвечаю и ухожу, пока она думает, что это я такое опять придумал. Будем надеяться на пословицу, что любопытство сгубило кошку. Нет не кошку, а кошечку.

На следующий день, с утра Фёдора с Саввой, местным извозчиком, который уже практически постоянно работал у меня. Чему был очень рад, отправил в Гусь-Мальцевский за нанкой и другими нужными мне вещами. Сам с Лукой засел за обсуждение постройку навеса и балка с печкой внутри и двухъярусными кроватями. Балок на полозьях и его смогут везти две лошади. Сейчас он будет стоять внутри навеса, по бокам вместо стен свисать будет пропитанная нанка. Как временная мера пристроить лошадей и людей пройдёт, а то ещё один наезд гостей, я морально просто не выдержу.

Попили с ним отвар с пирогами с творогом и дождались приезда Антоновой.

— Знакомься, Анна Ильинична Антонова, самая лучшая владелица модного места.

Дальше я изложил свою идею с деревянными куклами. С Анной разобрались быстро, моя идея использовать оставшиеся лоскутки для пошива одежды куклам её вдохновила. А вот с Лукой возникли проблемы, как в изготовлении, так и с ценой.

— Лука, не тупи — рассердился я. — Отдашь, например левую и правую руку в село Дубки, их там, тебе будут делать. А ноги в селе Пеньки, а голову в Чулково. Твои мастера, будут резать только половинки корпуса — сам рисую на бумаге — потом вставляешь, закрепляешь вот так и склеиваешь половинки. Хорошо шлифуешь и лакируешь. Голову, раскрашивать найми художника или несколько. Волосы, ну не знаю, попробуй на лак прикреплять или ещё как.

— Чудно — почесал он бороду.

— Прибыльно. Ты знаешь, сколько стоит кукла, не такая правда, а механическая?

— ?

— 100 рублей серебром и выше, сам видел в Москве. Но нам такие дорогие делать не надо. А то брать, будут очень мало.

— Вот, ты сделаешь несколько штук и скажешь, сколько вышло и без обмана. Ты меня знаешь, а то это будет последнее дело у нас с тобой — сразу настраиваю его на нормальное сотрудничество. — Анна Ильинична сошьёт наряд, тоже посчитает. Потом соберёмся ещё раз и все решим.

— А Вам? — Лука.

— А мне не надо, потом подарите несколько штук, и хватит — подвожу итог. — Всё иди Лука, думай и делай.

— Зачем ты, всё это затеваешь? — Анна, когда Лука ушёл.

— Это хороший заработок и возможность показывать новые виды одежды.

— Но это явно не всё, так зачем? — прищуривает глаза и сжимает губы.

— А затем, что мы не закончили ещё прошлое дело — потом подхватываю её на руки, целую и тащу в душ.

— Хорошее это дело душ — произнесла Анна, стоя под струями теплой воды. А я в это время намыливал мочалку.

— Сейчас будет ещё лучше — полез к ней.

Потом мы ещё пару раз это повторили. И перешли к делам, начали обсуждать нижнее бельё.

— А вот тут, лучше вообще кружева использовать — показываю на ней, а за одно и поглаживаю, красивую грудь и тут же получаю по рукам.

— Хватит, ты уже совсем всякий стыд потерял — сердиться она.

— Ну, хватит, так хватит — перебарщивать явно не стоит, очень надеюсь, что потом наверстаю и не раз — давай по-деловому. — Начинаю ей объяснять на примерах.

— И где я, тебе кружевниц столько возьму? — задаёт вопрос.

— В Белеве, выкупишь или возьмёшь на долгий срок — это лучше, хуже — будешь заказывать там — отвечаю.

— А как показывать покупательницам, чтобы продать?

— На своих белешвейках, а потом на куклах или наоборот. На показ, меня пригласишь? — улыбаюсь.

— Кабель ненасытный — тут же последовал ответ.

— Я в интересах дела — отвечаю серьезно. Утрясли ещё некоторые детали.

Напились чаю с пряниками и мёдом и она, получив от меня ещё одну стеклянную вазу-сахарницу в подарок, довольная отправилась домой. Мир был восстановлен.

— Вы уж не забывайте меня, Анна Ильинична — сказал я на прощанье.

— Тебя забудешь, горе ты мое.

Вторая половина февраля, мороз усилился градусов до 20, а ночью ещё намного холоднее. Я в гостях у Стрельникова, мы сидим у горящего камина и пьем хороший коньяк, закусывая бутербродами с мясом, рыбой и икрой.

— Ох и хорошие штаны мне пошила, Анна Ильинична — расхваливает он портниху, и явно отдает дань и её красоте.

Поздно, я уже забрал эту жемчужину и не кому, отдавать не собираюсь. Да я думаю, и она не захочет, пока во всяком случае.

Потом, мы обсудили раскладушки, и купец попросил поделиться ещё, чем-нибудь. Не сказать, что сами купцы почивали на лаврах, но "мои придумки" всегда приносили им успех и прибыль. Я стараюсь дать им простые вещи в изготовлении, но очень популярные в моё время. Беру я, за это не дорого, а иногда и вообще не беру. Война приближается, осталось четыре года и надо, как можно быстрее нарастить финансовый и производственный капитал наших купцов. Постоянно их настраиваю, на автоматизации производства. Другого способа, я просто не придумал, как разнообразного выпуска товара большим количеством купцов. Поэтому и приходят и в гости, а больше сами зовут и купцы и мастера, чтобы я что-нибудь подсказал. Подделок и в это время хватает, любой, не сложный ходовой товар, сразу подделывают. Да и не большое, его разнообразие. Скорее, мизерное. Купцы и мастера, надо сказать, это оценили и часто дарят, недорогие подарки и продукты или стараются, чем-

нибудь угостить.

Сходимся на почти тех же условиях, 500 рублей ассигнациями и 20 комплектов. Я рассказываю про разборно-складной столик со складывающейся пополам столешницей и выдвигающимися ножками и стульчиками.

— А зачем с одной стороны тонкой медью, а с другой деревом? — спрашивает Стрельников про столешницу.

— Вы делаете, Осип Фёдорович и ободок не забудьте — отвечаю я.

— Вот скажите Дмитрий Иванович, зачем Вам, 20 комплектов?

— У меня много друзей и знакомых, которым тоже нужны подарки. А вот коньяк у вас хороший.

— Ну, если и эти ваши вещи будут так же, хорошо покупать, я вам ящик презентую.

— Ловлю на слове, уважаемый Осип Фёдорович — ну а что, 6 бутылок хорошего коньяка мне не помешают. 600 рублей на дороге, не валяются.

Еду домой и опять чувствую, что тону в бытовухе. Кроме четырех арбалетов, щитов и поручней, ничего путного не сделал. С Ливенцовым Иваном Ивановичем мне пришлось спорить и не раз, но все-таки добился своего. Расстались мы, не довольные друг, другом. Я сказал себе, что больше с ним никаких дел иметь не хочу, слишком жуликоватый тип. А денег с меня содрал, ужас. Нет, надо срочно своих кузнецов.

Щиты, с усиленной по краям кромкой и небольшим умброном, были хороши. Доработанные наручи и нашитые на толстую кожу, тоже. Тренировки стали более насыщенными и интересными. Придумали, как носить его по всей левой руке, при помощи крючков. В походе будем подвязывать бечёвкой с быстро распускающимся узлом. Тут дела у меня с фехтованием, пошли явно лучше. Сделал и ещё один вывод, прямая сабля или шашка, тут не "катят". Лучше польскую корабелу, а ещё лучше индийский тальвар, из-за его рукоятки и гарды. Их закруглённые и изогнутые лезвия, позволяли достать противника за щитом или препятствием. А так же и на обратном движении. А если считать, что я планирую надевать кирасы и шлёмы, то они лучшие. Так, что знаменитые прямые катаны, тут и близко не котируются. Надо попробовать с топорами, томагавками и шестопёрами.

Появились у меня ещё два служивых, хотя приходило уже много, благодаря деду Ивану. Но взял я, пока только этих двоих, на удивления многим. Первое, они были крепкие хорошие ветераны, хоть и покалеченные во время разных постоянных польских мятежей. Второе, очень хорошо понимали дисциплину, в отличие от многих. Вообще с этим тут беда, надо признаться, и виноваты, прежде всего, отцы-командиры. Третье, они не курили. У меня на это, был строжайший запрет. Что многим пришедшим наниматься, не нравилось, и они уходили. Ради эксперимента, только "для своих", я поставил их за забор, чтобы не видели, кто идёт, но зато, это они сразу чувствовали обонянием.

— Поняли. А если в лесу, или ночью, или в доме? — задал я риторический вопрос.

Семён, которого я прозвал Сильвером, с протезом на левой ноге, получил травму во время конной сшибки с поляком, был отставной унтер. Отличный всадник и рубака, но списанный подчистую. А я возьму, мне такие парни очень нужны, а помочь в быту, ему будет кому. В "правильную" войну я ввязываться не собираюсь, только из-за угла, ночью или засад. Я не полководец и большим отрядом командовать не смогу. Не умею. А вот человек пятьдесят для меня самое-то. Но на войне всякое бывает, вот на это он мне и нужен. С Куликом, они составляли отличную пару и в фехтовании на конях, разделявали всех остальных вместе взятых, под орех. Правда, сначала я их ставил в тупик, с шестом с

бунчуком или султаном, но они быстро приноровились. А вот тут их щит-баклер сыграл против меня, зараза. Вот и хорошо, пусть так и будет. Друг Семёна, Фатей с обрубленной кистью левой руки, плохой фехтовальщик, но отличный следопыт и охотник. Нормальный наездник, лучше меня во всяком случае. Вот, только заряжает одной рукой очень медленно, как и делает всё остальное. Но, мне это неважно. Потом ему пистолеты дадим, а сейчас Лука, делает ему протез, по моему указанию. И уже пару раз переделывал, мне не нравилось, и начал жаловаться.

— Так Лука, хватит плакаться. Потом ещё, будешь Семёну другой протез делать, чтобы гнулся. Учись, пока время есть, будешь протезным мастером. Сам знаешь, сколько увеченных военных. А не дай бог война.

— Так, та оно так, но где делать? Все заняты. (Эта местная пословица — так, та оно так — её "лепят" где нужно и не нужно.)

— Нанимай мастеров и желательно пришлых, но на долгий срок.

— А где им жить?

— Так сделай такой же балок, как у меня, так и быть, печку я тебе продам — хлопаю его по спине — В долг, не бойся.

Мне, важно увидеть и услышать противника раньше, чем он меня, а вот тут Фатей и нужен. Причем одного его мало, надо ещё как минимум человек пять. Жили они пока в срубке, около конюшни-коровника. Заодно гоняя соседей, чтобы правильно коров обслуживали. А в остальном, не каких ограничений.

— Семён, Фатей подберите себе мальчишку-сироту в услужение и учите всему, что знаете, распорядился я. Дам взятку, как тут делается и оформлю в услужение на 20 лет, мне купцы уже подсказали, как это делается.

С моей подачи, Мария тоже машет палкой. Фёдор был, конечно, против, но она наоборот, убедила его. Что ей это надо. С моей подачи разумеется, пока Фёдор не слышал, а она мне верила. Даже Лиза, чего-то пыталась изобразить, и только Катя, ещё пугалась и больше визжала в стороне.

— Фёдор, умение постоять за себя, ещё никому и никогда не повредило, а спорт приносит здоровье — поставил я, точку в этом споре. Надо переходить на более интенсивные тренировки и с огнестрельным оружием, да не как я не решусь. С тех "пиратских" пистолетов, я точно стрелять не буду. У оружейников тоже пока ничего интересного. Но я, правда, давно и далеко не у всех был, большой мой оружейный заказ из-за границы тоже не привезли, а время уходит. Пока, я улучшил только фехтование и езду на лошади, уже не как мешок...и собственно всё. Надо срочно вспоминать, всё что знаю и как-то готовиться. Сильно помогала книга, про фехтование, даже многие нюансы для Кулика и Семёна в диковинку.

Как-то готовиться, не получилось, привезли резину, и купцы принялись теребить меня на счёт обещанного. Лампы неизменно пользовались большим спросом, и они желали повторить коммерческий успех. Сначала я, хотел сделать примус типа "Шмеля", но потом вспомнил, что чистого бензина я пока не видел. Есть бензино-керосиновая смесь в основном. А это плохо, он мне нужен, надо поговорить с купцами и в аптеке поспрашивать.

Потом вспомнил про керогаз, большая лампа с тремя большими фитилями, нарисовал. Делать его нет никакого смысла. Потом вспомнил, про самый обычный старинный керосиновый примус, той же тульской постройки. Вот это подойдет.

Начал делать и понял, что на самом деле, это не так и просто. Я явно переоценил свои

силы. Посидел, подумал, посмотрел на кучу инструментов, на которые я, уже потратил довольно большую сумму денег. Осёл, какой же я осёл, обругал себя мысленно. Мой главный инструмент, это моя голова и знания, сам же Луку учил. Зачем мне самому делать даже простые вещи, когда можно раздать по мастерским. Пусть изготавливают части, а я, потом сам соберу. Если в разных мастерских, особенно мелких, но никто ничего не поймет, что я строю. Отлично. Потом взял воск и с его помощью и медной фольги слепил части и нарисовал чертежи с размерами. Дальше бегал по мастерским с заказами. Заскочил к Гольтякову Николаю Ивановичу, у него заказал две медные канистры на 2 и 5 литров. Гольтяковых в Туле было очень много, и разобраться постороннему человеку, кто там кому, приходится родственником и каким боком, было не реально. Пожаловался на оружие и получил удивительный ответ, что два разных двоюродных брата Пётр Корнеевич и Иван Михайлович делают экспериментальные нарезные пистолеты и ружья. Я тут же, попросил устроить мне встречу со знаменитыми мастерами. Может тут повезёт.

В гости мы отправились вместе с Николаем Ивановичем, попасть к знаменитому оружейнику было не просто. Пётр Корнеевич, почти лысый мужчина пятидесяти лет с широкой бородой жил в довольно неплохом и большом двух этажном доме. Первый этаж и фундамент были каменными, а второй уже деревянный. У него даже были заграничные стёкла, не везде правда. В комнате, куда нас провели, большой очаг с кучей металлических труб. Орган какой-то, почему-то пришло мне на ум. Много икон, даже очень и это для человека, делающего оружие. Причём пару и очень дорогих. В довольно большой комнате были и диваны, и венские стулья. Неизменные напольные часы, признак успешности сейчас. Полки с книгами, картины, вазы на подставках, большие подсвечники и новомодная керосиновая лампа. В общем, всё что надо, чтобы показать успешность и богатство хозяина. Хорошо живет оружейник, почти как городской глава. Мне даже стало неудобно, как убого у меня в доме, ни диванов, ни венских полосатых стульев нет. Даже штор нет, стол застилаем скатертью, при гостях, чтобы не было стыдно. Из всей мебели, только моя кровать более или менее и пару полу кресел в кабинете.

Попили чайку с мёдом за большим столом, ведя разговор не о чём. Я начал, наконец, осторожный разговор про оружие и выяснил очень неприятную для меня вещь. Да делает, но всё его изделия начинаться от цены в 200 рублей серебром.

— Сколько, сколько? — переспросил я, думая, что не правильно понял.

— А что тут не понятного молодой человек. Мое оружие Сам Императорское Величество хвалит и покупает — поднял руку с пальцем мастер, придавая значимость своих слов.

— А если мне надо добротное боевое оружие, без украшений?

— Идите на тульский завод — закончил за меня мастер.

— Да.... дела-а — выйдя на улицу, протянул я.

— Не расстраивайся Дмитрий Иванович. Я думаю, ты сумеешь договориться с Иваном Михайловичем — утешил меня Николай Иванович.

Визит до следующего Гольтякова, пришлось отложить по неотложным делам, навалившимся на меня.

Дома меня ждал Захар Михайлов с моего имения. Пришёл ко мне искать защиту от венёвского купца Хлюбщина, у которого они работали. Он торговал пшеницей, мёдом, кожей и всем подряд, как я понял. И моим крестьянам за работу подсунул гнилое зерно. Хочешь, не хочешь, а разбираться надо. Спускать давать нельзя, иначе вообще, никто

считаться со мной не будет.

— А вы сказали, что у вас теперь другой барин? — спрашиваю его.

Вижу опущенную косматую голову, и руки, нервно мнущие шапку-треух.

— Понятно — констатирую безрадостное событие. — "Молодцы", опять на русский авось понадеялись — придётся старосте, хороший "пистон" вставить. Ох, прав был Иван Акимович, ох, прав.

Глава — 13.

Легко сказать, не надавать спуска, а как сделать практически? Чтобы ехать в имение, надо собирать отряд. В стране из-за плохого урожая, ужасной жары и гибели животных, начался голод у крестьян и малообеспеченных жителей. На дорогах, стало совсем не спокойно, да и не только крестьяне грабежом стали промышлять. Некоторые "благородные" под это дело, тоже маскируются, и не прочь "пощипать" раззяв на дорогах.

Оружия, как такового у меня тоже нет. Всё хотел нормального и дешёвого, и вот дождался. Пара пистолетов и сабля Фёдора, да мой тесак-мечете, пять баклеров и пять пар наручей, вот и всё оружие в доме. Вздыхаю, достаю потощавшую кубышку и отправляюсь по оружейным лавкам с Куликом.

В результате долгих поисков и компромиссов, мы купили две четыре ствольные гладкоствольные мариэтты по 100 рублей, за каждую и на 20 рублей капсюлей и пороха к ним. Не наши капсюля, не разнокалиберный порох энтузиазм и доверия, у меня не вызвали. Тут мариэтты особым успехом не пользуются, из-за сложности заряжания и цены. Так же цены и на боеприпасы и хозяин отдал, за что купил, лишь бы от них избавиться. Заказал я и форму для отливки четырёх пуль сразу. В другой маленькой мастерской, где я обычно заказывал мелкие части, чтобы не поняли, что это. Свинец легко режется и ножом, лишние соединенияотрежем.

Купил турецкий гаддарэ, явно трофей с Кавказа, за 65 рублей. В простых деревянных ножнах, но с очень неплохого железа. Длинной клинка 65 сантиметров и толстым обухом. Для русских не стандарт, и не кинжал и не сабля. Вот и цена не сильно высокая. Для Фатея, моего следопыта, лучше не придумаешь.

Заказал два обычных наконечника для копья, с не очень хорошего железа. А потом долго ходили, нечего подобрать не могли. Какого только оружия не было в лавках, любой музей 21 века мог позавидовать. Самое дорогое почему-то европейское и ирано-индийское, самое дешёвое азиатское. Были и катаны, или очень похожие на них мечи. По словам мастеров, спросом не пользовались. А я думал, о них только в 20 веке будет известно. Трофеи от постоянных стычек на Амуре, Казахстане и в Монголии с манжурами, где их довольно много.

Многие оружейные мастера в Туле с удовольствием меняют трофеи, особенно красиво и необычно украшены, а потом сами и копируют и используют элементы оттуда.

В конце нашего похода, я всё же купил какой-то странный меч — копье, где только лезвие было полтора метра, рукоятка сантиметров 70 с большим кольцом на конце. Зачем я его купил? Ответить не могу, но он мне просто понравился. Меч-кладенец какой-то. Как им управлять, даже не представляю? Отдам Сильверу, пусть меня удивит.

Но, надо кого-то и дома оставить. Что делать?... А схожу-ка я завтра к становому

приставу Титову, может, что он дельное посоветует?

На это раз разговор сложился легко, он даёт мне на два, три дня ефрейтора Воробьёва и двух солдат с ружьями. Я, за это плачу служивым командировочные и кормлю двух тягловых лошадей. Ну и соответственно Владимиру Павловичу, пятерик надо сунуть.

— А почему Вы, так быстро согласились? — не сдержал я свое любопытство.

— Да деньги ещё с Нового Года на содержания не пришли, и губернатор приказал "временно обойтись своими силами" — скривился Титов — а где я возьму, эти свои силы? Вот и приходится идти на мелкие хитрости.

Ну и отлично, надо чаще этим пользоваться.

До имения километров пятьдесят, как говорят, сегодня туда, завтра обратно. Через четыре дня, после прихода Захара, мой караван выдвинулся в сторону Венёва. За это время, мы отстреляли и приноровились к мариэттам, и правда, ещё та морока с заряданием, но на 20 шагов вполне убойная штука. Я изменил форму пули на коническую впереди, сузил посередине, потом опять расширенная чуть сзади и с выемкой. Немного напоминающие пули Минье, совмещённые с пневмоническими моего бывшего времени. Сделал канавки, и туда намотали пакли изо льна, получилось намного лучшее оружие и более точное. Сделали к ним подмышечные кобуры, петли для рук, мне и Фатею. Заряжать обоим мариэтты, я взял труд на себя.

Так же с нами на Рыжем, едет Семён-Сильвер с саблей Фёдора и щитом. Мои надежды на огромный меч не оправдались, и вообще он был для пешеходных воинов и с определёнными навыками. Я сам его покрутил и вынужден был признать, что будет он, сейчас украшением в гостиной. Пока не появится у меня такой мастер, если вообще появится.

Я с Воробьёвым, еду в возке управляемый Саввой, рядом бежит Рем. Сзади едет балок с печкой, в котором по переменеке бывают все. Холодно, температура под двадцать, поэтому я и не спешу. Дорога трудная, практически не разъезженная, после последнего снегопада. Ни попутчиков, ни встречных нет. Основная масса грузопотока идёт по другой дороге, севернее. Но там надо ехать сначала в Венёва, а уже потом в имение, а мне надо наоборот. Я часто останавливаю караван, чтобы никто не обморозился, даже лошади накрыты попонами, ну его нафиг эти приключения, мы их не ищем. Боюсь, как-бы не пришлось ночевать в поле, чёрт возьми, 50 километров и не рассчитал.

Проехали уже половину пути, и время перевалило за два часа. Зато приключения ищут нас. Подскакал Фатей на Звёздочке и предупредил, что впереди опасный участок, заросший молодым густым ельником, и он ему совсем не нравится. Видимости совсем нет, дорога узкая и лес почти рядом с дорогой, тем более я всех предупредил заранее.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть — ясно, посмотрел в их нахмурившиеся лица.

Потом, ещё минут пятнадцать пришлось объяснять, что я имел в виду. Если мои люди привыкли к такому, то полицейские явно были впечатлены. Ну и пусть.

— Всем приготовиться, чуть увеличить расстояние и скорость. Проверить оружие, но на показ не выставлять — команду всем. — Стреляем без команды, но тщательно. А вы Василий, выньте свою саблю и положите рядом. Его же самого, с самого начала очень веселило моё небольшое копье с бунчуком.

Нет не зря, я взял Фатея, не зря. Приеду домой рюмку коньяку ему налью, он такого точно не пробовал, заслужил.

Сначала прозвучал выстрел и Сильвер завалился на Рыжего. Потом падает дерево впереди, заслоняя нам дорогу. Разбрасывая подрубленные и специально установленные ёлки,

выскочили четыре или пять всадников, а за ними пешие с топорами и кольями в руках. Я тут же вытаскиваю пистолет и стреляю в лошадь, несущую на меня всадника с рогатиной в руке. Стрелять во всадника, я даже не пытался. Лошадь кувыркается вместе с всадником, слышу частые выстрелы Фатея. Рядом бабахает выстрел служивого на козлах балка. Вываливаемся с Воробьёвым с разных сторон с возка. Впереди уже вертеться Фатей с одним из нападавших, у него на руке болтается разряженный пистолет, а в руке турецкий кривой клинок. И в кого он успел расстрелять столько патронов? Сзади крики, долго не заморачиваюсь, опять стреляю в бок лошади противника Фатея и поворачиваюсь назад. Там, взобравшись на крышу балка, орет служивый, махая разряженным оружием. Орут нападающие. Далеко в кювете лежит Воробьёв, завалившись набок. Сзади ещё топчутся два конных и подбегают пешие. Слышатся выстрел из дверей балка, и первый из бежавших пеших к нему нападающих, падает.

Я стреляю в ближайшего конного и промахиваюсь. Он чуть приподнимает лошадь на дыбы, опуская её на задние ноги, намереваясь прыгнуть на меня. При этом защищается ей сам. Мне ничего не остаётся сделать, как прыгнуть в возок обратно, бросив копье. Успеваю на карачках оттолкнуться, как тут же опускается клинок, где я только что был. А потом падает и тело нападавшего, в длинной, серой, окровавленной шинели. За ним Фатей с клинком в руке. Я выскакиваю с другой стороны. Слышу крик, айда, и последний коник и пешие нападавшие мужики, удирают в лес. Стреляю, последним оставшимся зарядом, удирающим вдогонку, но руки трясутся от возбуждения, и я, скорее всего опять промахиваюсь.

— Семёна и Воробьёва в балок с печкой, служивым зарядить оружие. Фатей на страже — отдаю команды, Захару и Савве, который просидел под козлами своего возка в обнимку с Ремом.

— Осторожно — сам помогаю им и зажигаю лампу от лучины печки.

Надо бы зарядить пистолеты, но не могу себя пересилить и надеюсь, что нападавшие не сунуться.

С Воробьёвым, вообще ничего непонятно. Вроде живой, но "в отключки" полной. У Семёна, слава богу, пуля величиной с хорошую косточку, пробила тулуп только с одной стороны и прошла по широкому ремню с медными бляшками. Пуля прошла по касательной, вспоров мышцу на боку спины, не достала до позвоночника, похоже больше урона и не нанесла. Выручила медная бляшка, она и срикошетила. Крови много, но очень надеюсь, отделается только большим шрамом, а не отбитыми внутренностями. Он тоже, без сознания. Выстрел в упор и удар пули, был всё же очень сильный. Я очень надеюсь, что заряжали некачественным русским порохом, да ещё и в мороз. Достал походную аптечку, в большом саквояже, которую лишь недавно начал собирать. И как я мог об этом раньше забыть? Сейчас я стал часто заходил в Старую Тульскую аптеку к Фридриху Адерману и о чудо, увидел там бензин, как средство против вшей. Заказал себе сразу 5 литров. А в этой аптеке, чем только не торговали, от косметики до сейфов, что меня крайне удивило. Большинство товара было из-за границы и стоило не мало, но жизнь дороже посчитал я. Проблема возникала и в незнание старых названий. Я знал, что в 19 веке большинство раненых умирает, от банального загрязнения и нагноения ран. Поэтому пока купил спирт, вазелин и концентрированную опиумную настойку от бессонницы. С помощью деда Ивана, мы сделали мазь на основе хвойной кедровой живицы с барсучьим жиром и воском. Чистые бинты, прокипячённые в настои ромашки, были закрыты в стеклянной банке. В другой

банке, была режущая загнутая серебряная игла с шелковой ниткой, изготовленная знакомым ювелиром и маленькое лезвие. Вот же, тоже понадеялся на русский авось, и не сделал нормальный скальпель.

Пришлось звать одного из служивых, больше оказалось некого. На крестьян надежды нет. Захар с Саввой собирали лошадей, таскали трупы и оружие в кучи, под присмотром Фатей и другого служивого. Мы раздели и перевернули Семёна, предварительно напоил настойкой опиума. Быстро обработал всё спиртом и стал зашивать рану. Зашив, опять обработал спиртом, промочил, быстро наложил мазь с тампоном.

— Чуть приподымай, я забинтую, но раны не касайся — команду служивому, во все глаза наблюдавший за мной. — Хорошо, поднимаем наверх.

— А вы дохтур? — полицейский.

— Нет, Пётр, но кое-что умею — снимаю фартук и складываю назад инструменты, протирая их спиртом. Крови он потерял много. Рваная рана, но не глубокая. И какого хрена, я поперся, по этой дороге, лучше бы объехал. Потом спохватился и кинулся заряжать пистолеты сначала свой, а потом и Фатей.

— Так, что у нас? — спрашиваю его.

— Пять мертвых разбойников. Одна лошадь ускакала. Одна вон стоит, одна была убита. Одну я добил, чтобы не мучилась — ответил он.

— Может, по следу пойдем? — предлагаю ему. — Надо отомстить, пока они не опомнились.

— Нас мало. А в лесу...опасно — Фатей.

— Пустим вперед Рема и возьмём Петра — отвечаю ему. — Мне это нападение совсем не нравится, какое-то оно...

— Барин, там наш бывший барин — подбежал Захар, выкрикивая это на бегу, не дав закончить и высказать свое мысль-предложение.

— Чёрт — вырвалось у меня. Вот только подумал, что не всё так просто, с этим б... нападением и на тебе. Обращаюсь к своему следопыту — Ты в кого так стрелял?

— Там...на коне...с пистолетами — Фатей.

— Давай... быстро посмотрим — машу рукой. Благо их уже всех стащили в кучу, рядом и оружие и всё это у возка Саввы. Подхожу поближе, к пяти лежащим телам.

— Так... так, что тут у нас-с. Один бородатый, усатый и... — полосатый, хотел добавить, но это тут явно не в тему. Крестьянин, лет тридцати, в мешковатом длинном овчинном тулупе. В лаптях с обмотками, непонятных темных штанах и вся его нижняя часть одежды и даже штаны обмотана веревками, уходящими под тулуп.

— Вот этот — тычет рукой Захар, в другой труп.

Смотрю на плотного, высокого мужчину, всего залитого кровью. В него попало две пули, одна в нижнюю часть лица, свернув скулу набок и превратив там всё в кровавое месиво. Вторая в грудь, где кровь из раны, залила дорогой красно-зелёный мундир. Кроме этого на нём серые штаны, которые когда-то были белыми и большие растоптанные кавалерийские сапоги с тупыми и прямыми носками. Ну вот, обещал же зубы пересчитать, получи. Козёл.

— Вот это с пистолетами...был — показал на него Фатей.

— Где пистолеты? — поворачиваюсь к Захару.

Он вынимает из кучи оружия и подаёт мне два длинных кавалерийских пистолета. Осматриваю. Капсульные, однозарядные и одноствольные, довольно современные

пистолеты. А не чего так оружие, нам даже очень пригодиться.

— Где, с его лошади седельная сумка?

Хватаю сумку и мчусь в балок, заряжать пистолеты. Быстро нахожу крупные шарики пуль. Для зарядки использую свой порох, капсюля и быстро заряжаю пистолеты. Тут стонет Воробьёв, пытаюсь подняться.

— Лежи, у тебя наверно сотрясение — успокаиваю его.

Опять выскакиваю и отдаю пистолеты полицейскому. Сам беру щит в левую руку, туда же копьё. В правую руку мариэтту и киваю в сторону, убежавших нападающих.

— Фатей вперёд, потом я, чуть сзади Пётр и тихо — подталкиваю ногой испуганного Рема, жмущегося к моим ногам.

Осторожно, пробираемся по чужим следам на снегу, вслушиваясь в каждый шорох. И чего, меня опять потянуло на приключения? Наверное, в детстве не хватало, вот и сейчас навёрстываю, не думая о последствиях. А если их там много? Хотя нет, кроме одного всадника, явно не крестьянина, остальные просто толпа с топорами и кольями. Главное их заметить первыми.

Местами глубина снега доходит до колен, поэтому быстро идти не получается. А надо ещё и не шуметь. Минут через двадцать, вылезает на покинутую стоянку нападавших. Она расположена на небольшой поляне. Убегали, явно в спешке. Вон, глиняный горшок, около маленького и не затухшего костерка стоит. Обнаруживаем ещё один труп.

— Похоже, не промазал — констатирую я. Осматриваем труп лежащего крестьянина на санном следе, уходящим вдаль.

Стоянка сделана грамотно, между ёлок, так просто и не подойдёшь, мешают деревья. Видать командовал охотник, хотя тут все дворяне, охотники. Есть несколько шалашей, сделанных со свежесрубленных ёлок. Они тут что, неделю нас ждать собрались?

— Фатей, предлагаю перетащить сюда наши повозки и тут заночевать. Как думаешь? — вот не верю, что бывшие хозяева опять вернуться. Но всё может быть, придётся дежурить, по двое. Сам в это время смотрю на Рема, который забрался в один из шалашей и что-то там делает?

— Не знаю...а если... вернуться? — медленно выговаривая слова, спросил он.

— Не думаю. Они подумают, что мы удрали...А потом, ты на что? Предупредишь — отвечаю ему.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Пётр, дуй за возком Саввы. Начинайте всё перевозить. Балок с печкой самым последним. Фатей, а мы с тобой по кругу пойдём... вокруг стоянки и всё осмотрим. Да, что там Рем.... делает?

Нагибаюсь и смотрю в шалаш. Рем присел на брошенную и скомканную шкуру. Положил голову на свои передние лапы и оттопырил задницу. Явно приготовился к прыжку, уставившись на кусок бревна с прикрепленной мелкой цепочкой.

— Что за хрень? — выругался я. Отодвигаю собаку и выволакиваю за край палено, пообрубанное с двух сторон.

— Тук-тук. И кто у нас в теремочки живёт? — произношу, а сам осторожно тяну за цепочку. Из дупла сверкают два зеленовато-чёрных бусинки — глазика и появляется мордочка лопоухого зверька, похожего на лисёнка. Но вот цвет, цвет меха меня смущает. Он коричнево-серой раскраски. Никогда не видел, такого зверя.

— Кто же ты такой?

— Соболь — произносит Фатей, подошедший ко мне.

— Соболь? Ах вот ты, какое... мягкое золото России — немного подумал, рассматривая упирающегося и шипящего зверька. — И соболю... работу найдём. Иждивенцев, мы кормить не будем — потом отпускаю цепочку, зверёк прячется полностью обратно. Я уже сталкивался здесь с тем, что многие, кто мог себе это позволить, держат хорьков, норок. Богатые кошек. Мыши, крысы и тут тоже, дают "жару" жителям. Хорьков же, ещё используют, и для приманивания вшей от хозяина. Поэтому от таких хозяев, я держусь подальше.

Дед Иван, мне уже жаловался, что в коровнике завелись мыши. Вот им и будет "пушистый подарок". А я ещё думал, а не завести ли мне кошку? Вот только я не помню, приручается соболь или нет? Водружаю полено наверх шалаша из еловых веток.

— Пошли. Надо всё облазить, пока видно — киваю ему. Темнеет-то рано, да и других дел много.

В результате наших с Фатеем поисков, нашли только хорошую бурку, явно скинутую перед атакой. Но не лохматую, как в кино, а из серого войлока. А я-то думал, что они намного позже появились. Наверное, это Кологривова, только он, был в лёгком мундире, для такого мороза. Много в это время меня удивляет, многое ставит в откровенный тупик. О чём-то я знал, о чём-то догадываюсь, а часто и сам несу такую ахинею, что... и заставляю верить в это других. Вот историкам "счастье" будет...не одну диссертацию напишут.

В это время Захар с Саввой уже везли труп лошади. Догадались сделать волокушу и использовали трофейную лошадь. Молодцы, а я вот и не сообразил.

— Надо быстрее убитых лошадей разделывать — Фатей.

— Бери, кого надо, но чуть в стороне и начинайте — соглашаюсь я. Коней я ещё не разделывал, жуть. Передёрнул плечами. — А я пока сам покараулю и скажи, чтобы подрубленные ёлки тоже привезли на стоянку.

И как тут можно покараулить, когда кругом такой шум? Мне же, нечего не слышно? Немного отхожу от стоянки и прячусь за деревом и рассматриваю окрестности. Да, на таком морозе, надо двигаться, а не стоять спокойно.

Осторожно начинаю движение, обходя стоянку по кругу. Стараюсь прятаться в складках местности. Старайся не старайся, а Чингачгук из меня не получается.

— И почему, я лыжи не сделал? — проваливаясь, очередной раз в снег, задаю себе дурацкий вопрос.

Замёрз, налазил, и полез греться в балок. Меня сменил Фатей.

— Возьми Рема, а то он вообще... обнаглел — отдаю команду.

Захар, Савва и полицейские уже вытащили внутренности из коней. Выбросили всю требуху и спустили кровь, забрали только сердце и печень. Ждали дальнейшей команды, суется по мелочам. Отогреваюсь, а заодно осматриваю Воробьёва, который уже окончательно пришёл в себя.

— Ты как Василий? — спрашиваю его.

— Гад, конём сшиб — морщиться полицейский.

— Лежи, лежи. Без тебя пока справляемся — успокаиваю его.

Семён, лежит на животе, на верхней полке и накрытый курткой. На его лице "блуждает улыбка", после опиумной настойки.

Перебираю доставшиеся нам оружие, остальные вещи, я запретил вносить в балок. Побоялся. Только вшей и блох, нам тут не хватает. Так. Что тут у нас есть, так прямой

длинный палаш, м...сомнительного качества. Кривая турецкая или иранская сабля, трудно что-то сразу сказать о ней. Могут быть сюрпризы, посмотрим и посоветуемся. И какой-то меч с зубцами на обухе и с медной загнутой ручкой, так...а я такой уже видел. Седельные сумки, со всякой всячиной. Сёдла с убитых лошадей. Ладно, пора выходить.

Глава — 14.

— Давайте, поставьте балок, вон туда — начал отдавать команды. Потом срубленными ёлками, загораживаем проход, делаем баррикады. Лошадей ближе к балку, на морды, мешки с овсом. Работы хватило всем. Наконец, более или менее разобрались. Развели костёр и начали варить сердце и жарить печень лошадей. Я беру два кусочка сырой печени и подхожу к шалашу с поленом.

— Не знаю, как тебя раньше кормили.... но уши пока больше, чем морда. Не порядок — и ложу кусочек печени почти в дупло. Он тут же исчез, и послышалось чавканье.

— Как же тебя зовут? М...буду...звать Кеша. На, жуй — сую второй кусок. Опять чавканье. — А теперь вылезь и заступай на охрану государственной границы...тьфу ты... границы стоянки — стучу пальцем по бревну. — Давай, давай.

Теперь я рассматриваю четыре замёрзших трупа. Двух мёртвых крестьян оттащили подальше, сняв предварительно тулупы и другую одежду. Я бы и этих бросил, но нельзя, двое точно дворяне.

— Надо бы всех разбойников на опознание отвести — подошёл перед отправкой Пётр.

— Надо. Но кто их потащит в Венёва? — спрашиваю его. — Те клячи, что выделилс ваше начальство, еле ноги с голодухи переставляют. Мясо.... Сам понимаешь, в такой голодный год я не брошу. Саней нет. На волокушах много не увезёшь. Что делать?

? — морщит лоб.

— Хочешь, делай волокуши, и тащите сами — подвожу итог. Не захотел.

Разгоняю всех заниматься делами. Сам сажусь на корточки перед мертвыми владельцами коней. Первый оказался мужик, с которым я поссорился в Туле. Он бил по лицу мастера-медяньщика своими перчатками, за какой-то незначительный поступок. А мне некогда ждать, спешил, срочно нужен был этот мастер. Потом этот прыщ, ещё пытался вызвать меня на дуэль, за вмешательство. Как же его...а вспомнил... Бобриков...или Бубликов. Я его тогда откровенно послал, и его и дуэль, туда же. Он ещё чего-то там кричал о мести, но я просто отмахнулся, не было времени. Вот же чёрт, а я ещё так легко к этому отнёсся. Оказывается у меня врагов в Туле уже "целый мешок". А я считал, что веду себя осторожно. Надо срочно вооружаться и кирасу надевать под куртку. Хоть какую, а то точно сталь в бок получу. Это в него я стрелял и промазал, а он за мной в возок скаканул. Задираю офицерскую серую длинную шинель, на спине залитую кровью, куда вонзил свой клинок Фатей. Обшариваю тело, ни сколько не смущаясь, да и с чего. Как говорить, что с бою взято, то свято. Ничего кроме денег и ценных бумаг, я брать не буду. Мне ещё, мести дворянских родов только не хватает, за какие-нибудь мелочи, о которых я и понятие не имею. Деньги это дело такое...не особо доказуемое, да и нападение на меня, на лицо. Претензии поэтому поводу предъявлять вряд ли будут. А вот с вещами... с ними, могут возникнуть проблемы, и не малые. Ещё обычный грабёж прилепят. Нашарил часы, брать не стал. Какая-то цепочка, наверное, с крестиком или ладанка, пусть весит. Оп-а, а вот этот мешочек с тесёмочкой мне вполне подходит. Прячу его в свой карман, чтобы никто не видел.

У бывшего помещика Медведок оказался нательный пояс, для денег. И довольно тяжёлый, очень надеюсь, что там серебряные деньги. Тоже снял. Часы, цепочка на шее и маленький кинжал, явно арабской работы. Оставил. Всё. У ещё одного, несколько купюр и какие-то бумаги, сунул в карман не глядя, у последнего ничего. Теперь, как их запаковать, чтобы довести и ни чего больше не потерять? И как полицейские к этому отнесутся?

Итак, что мы имеем? Трое мужиков в разной военной одежде и больших кавалерийских сапогах. Четвертый, по одежде, больше на не богатого мещанина похож. У него, кстати, классные рукавицы-краги, защищающие руки. Это мы тоже, пожалуй, заберём. Четвертый вообще не вписывается в эту компанию, какой-то он...староват. Мужик у явного за пятьдесят.

— Фатей, как бы их довести в целостности и сохранности. Там у них нательные кресты и часы — спрашиваю его.

— Только в возок к Савве. Самим придётся идти рядом — отвечает.

— Я пешком? — удивляюсь.

— Нет, что Вы. Вы поедите на Звёздочке — Фатей.

— Пётр, иди-ка сюда. По приезду в Венёва, дам по червонцу, но вы, сейчас не чего не видели — говорю ему, глядя в глаза. Сам держу за пуговицу и жду реакции. Молчит и сопит. Так. Зайдём с другой стороны.

— Я вещи не взял, ни одной. Только бумаги. Ведь не просто так, они на меня напали? И как только выследили? Как? — ещё пристальнее смотрю на него.

— Э...расследование — начал мямлить он.

— Пусть расследуют. Ещё раз повторяю, я кроме бумаг,... ничего не брал.

— Ну-у...если так — неопределенно он.

— Опись, по приезду всё равно делать будем. Я не уйду, пока не получу, подписанную вашим или местным начальником бумагу — ловлю хоть какую-то его реакцию — И я, этого не забуду...Смотришь и ещё вместе ездить придётся.

— Тогда, согласны — ответил он.

Ну, ещё бы не согласиться, такой куш для них редкость. И особо врать ничего не надо, не видел и всё. Тем более, опись сразу покажет. Встревать в разборки дворян, им тоже не с руки. Да ещё я, весь такой... не понятный. Одежда на мне и моих людях странная, но явно дорогая и удобная. Оружие заграничное. Сам Титов, их начальник, распорядился съездить со мной в Венёва.

Дежурные вахты распределили по 3 часа, на две пары. Захара с Саввой ставить даже не думали. Во-первых, они наработались и так, еле ноги волокут. Во-вторых, толку от них нет, всё же крестьяне, а не воины. А то пальнут, ещё не туда, куда надо, потом хлопот не оберёшься. А они и рады стараться. Наелись вареного сердца и жареной печени с сухарями. Напились выделенного мной чаю. Когда у них такое было? Забрали, с моего разрешения, все тулупы себе на ночь в шалаш. У Саввы, оказался толстостенный глиняный горшок, с дырочками под ободком и крышкой с металлом. Он засыпал туда угли, и получилась жаровница. Потом забрались с ней в один шалаш, закрылись там и уснули.

Мы с Петром остались караулить первыми. У меня два трофейных пистолета, под мышкой мариэтта, копье и щит. У Петра две винтовки, трофейная рогатина и топор. От другого оружия полицейские отказались, сославшись на плохое владение. Ну, может и правильно. Я отдал им бурку, на время, их одежда не внушала мне доверия.

К концу дежурства, стала слышна разная суeta, где выбросили требуху и крестьян. Зверье сбежалось на нежданную добычу. Не подумали, надо было чуть подальше выбросить.

Теперь будем всю ночь эту возню и вопли слушать. Да, век живи....а так ничему и не научишься.

Наконец, нас сменили, и мы пошли спать в балок. Только вроде заснул, как разбудил выстрел. Ржание лошадей. Вскидываю, лампа еле горит, поэтому, плохо, но видно. Надеваю куртку, и выскакиваю на улицу, захватив меч.

Вокруг нашей стоянки, происходит что-то неопишное. Две толпы крупных животных, носятся друг за другом.

— Кабаны с волками дерутся — Фатей.

— Почему? — задаю вопрос, который первый пришёл на ум.

— Добычу с голодухи не поделили.

Мы, стоим в центре своей стоянки, перед костром, который уже разожгли на всякий случай. Я впереди всех, это моя прямая обязанность, как дворянина. Я много матюгаюсь на дворян по разным причинам, но вот есть у них одно неоспоримое качество — трусами они небыли. Всегда встречали опасность первыми, впереди своих людей. В руке мариэтта, за спиной трофейный пистолет. За нами кони, которых еле сдерживают Захар с Саввой. Они тоже вылезли по тревоги.

— А в кого вы стреляли? — пытаюсь понять, что же происходит.

— Рядом с кабаном, а то он хотел к нам — Фатей.

Вдруг, часть визжащей и орущей массы, вкатывается к нам, и по дуге, огибая костёр, мчит, на меня. Здоровенный кабан, на котором повисло три волка, прёт, как танк. Успеваю стрельнуть два раза, убегая с дороги, этого катка. На бегу, получаю "пеню великана" под зад и лечу над головами лошадей. В это время слышу ещё выстрелы. Плюхаюсь на Звёздочку, задом наперёд. Обычно флегматичная Звёздочка, сейчас крайне возбуждена. Она брыкает задом, и я лечу уже вверх, тараня головой ветки ёлки. Царапаю лицо иголками, и застреваю между веток. Твою ж мать, да ещё задом к лагерю и кроме иголок ничего не видно. Боюсь пошевелиться, чтобы не упасть. Не к месту, вспоминается мультик про ворону и кота.

Опять выстрелы, крик, предсмертный скулёж и наступление резкой тишины, нарушаемое только треском костра.

Вот debil, ругаю себя, я бы ещё с дробовиком на уток вышел. Кабану и волкам, мои выстрелы с мариэтты, как слону дробинка. Супермен хренов. Хотя на счёт дробовика надо подумать. Размышления отвлекают от боли в теле, и я пытаюсь занять мозг размышлениями.

Дробовик...я же видел ручные мортиры у оружейников, чуть изменим и...

Вдалеке опять послышалась возня животных, прервав мои мысли. Но это больше похоже на расставание "при своих" и рык, в сторону соперника.

— Барин, Дмитрий Иванович, где Вы? — послышался голос Фатея, почти на одном уровне со мной.

— Тут. Помогите вылезти. Застрял — кричу.

Общими усилиями Фатей и Петра меня освобождают. Я, оказывается, летел не вверх, а почти параллельно и застрял на двух метровой высоте. Умываюсь снегом, смывая выступившую кровь и поворачиваюсь к своим спутникам. Смотрю, они еле сдерживают улыбки, чтобы не рассмеяться.

— Что хорошо? — задаю вопрос.

— Да...надо привести себя в порядок — отвечает Фатей. Свет костра играет на его "смеющихся" глазах и морщинках.

— Все живые? — задаю, самый главный для меня сейчас вопрос.

— Раненых у нас, нет. Убили двух волков и кабана — Пётр.

— Ну.... вот и займитесь, пока я себя в порядок не приведу. И трофейный пистолет найдите, потерял — чуть не "сорвался" на своих людей. Потом разворачиваюсь и направляюсь в балок. На кровати, сидит Воробьёв и тоже чуть не рассмеялся, увидев меня.

— Эко Вас, Дмитрий Иванович — и покачал головой.

Делаю свет больше и снимаю перекошенную и частично порванную одежду. Сначала протираю лицо спиртом, а Василий помогает смазать царапины. Теперь одежда. Шапка, утыканная иголками, и стала больше походить на ёжика, чем на шапку. Куртка, с оторванным капюшоном и частично воротником, перемазанная смолой, зелёным соком и бог знает, чем ещё. Местами, выдранные клоки и порезы. Остальная одежда практически не пострадала, но потеряла весь свой лоск.

— Одни расходы — вздыхаю я. Придётся всё новое заказывать у Антоновой и сапожника, вот же незадача. Злюсь на непредвиденные расходы. Зло бросаю куртку и выглядываю с балка.

— Всем перезарядить и подготовить оружие. Фатей, давай суда пистолеты — кричу в толпу, которая крутится возле туши кабана. Он, похоже, тоже застрял между деревьев, на внешнем краю поляны.

Спокойно перезаряжаю четыре пистолета, это позволяет мне успокоиться. Хорошо, что кожаные ремешки прикрепили к мариэттам, а то я и этот бы, точно потерял. Ищи его потом ночью, в снегу.

— Василий, ты давай спи. Сил набирайся. Эта дурацкая поездка, похоже, так просто не кончиться. По приезду, точно свечку поставлю — говорю ефрейтору.

Отдаю пистолеты и теперь уже более спокойно пытаюсь привести свою одежду, хоть в какой-то порядок. Да.... шапку, Лиза подошьёт, и точно Ванюши подарю. Больше она не на что, не пригодна. Возился долго, а заодно посмотрел мешочек, так чтобы не видел Воробьёв.

В нём обнаружил 52 рубля ассигнациями, несколько медных и пару серебряных монет и какой-то необработанный тёмный камешек. Быстро переложил во внутренний карман, а мешочек в печку, вместе со щепками дров. Туда же переложил и деньги от другого типа, а его бумаги и пояс Кологривого спрятал в аптечном саквояже. Туда, точно, кроме меня, никто не сунуться.

Не заметил, как уснул с курткой в руках. Разбудили, когда уже сумрак, начал сменяться рассветом. Так, что тут у нас. Надел пострадавшую куртку, покряхтел и пошёл рассматривать стоянку и поле битвы. Мужики уже сняли шкуры с волков и освежевали кабана. И не такие они и большие, как показалось мне ночью. Опять дилемма, как тащить кабана, весом под 150–200 килограммов. Придётся и Звёздочки волокушу делать, а мне идти пешком. Гору мяса, сейчас я не брошу ни при каких обстоятельствах.

Нечего такого, кроме суеты сборов и мелко идущего снега в дальнейшем не случилось. Утром перевязал проснувшегося Семёна и покормил жареной печенью. Наелись и напились сами, накормили лошадей и двинулись в путь. Обрубили, в четыре топора, кусок перегораживающего дерева на дороге и поехали в Медведки. Пешая прогулка на морозе, с ушибами...мать её так. Наконец, добрались до моего имения. Полдня затратили. Вышло встречать только часть крестьян.

— Егор, почему половина изб покинута? — спрашиваю его, хотя реально только треть.

— Переселились, на время холодов. Вы же, запретили рубать деревья — последовал ответ.

— Больные есть? — останавливаюсь и смотрю пристально на него.

— Немного... чахоточных.

— Чем лечитесь?

— Знахарка травы варит.

— Бери всех убитых лошадей, которых мы привезли и голову кабана. По справедливости... на мир. Загружайте гнилое зерно и едем в Венёва к купцу. Как там его зовут? И какого... вы не сказали ему, что у вас новый барин?

Хлюбцин — опустил голову Егор.

— Пётр проверь зерно, правду ли говорят? Переночевать в Венёва крестьянам есть где?

— М... — замямлил староста.

— Дадим часть ноги кабана. Не разочаровывай меня, а то я передумаю ставить мельницу в селе.

— Порченное — прокричал Пётр.

Как они его там отличают? По мне, оно всё "порченное", какое-то мелкое и несуразное.

— А что будет? — сразу вскинул голову староста.

— А вам доверять можно? Там техника сложная, а вы даже моё имя, сказать позабыли — напирваю на него.

— Вы, зачем вообще зерном взяли? — спрашиваю, потому что не вижу смысла их действия.

— Так...это...часть...посеять хотели — насупился Егор.

— Куда сеять? Это сеять? — растерялся теперь уже я.

— Ну, Вы же обежали дать землю в аренду. Аль передумали — тут уже и Михайловы подключились.

— Мать Вас так....агрономы хреновы — начинаю уже закипать я. Мое терпение с этой поездкой, и всеми этими приключениями, резко движется к нулю. Скоро буду принимать кардинальные меры. — Разве такое можно сеять? Да тут у вас вообще х..., пшеницу сеять не надо.

Немного "повоспитывал и наставил... на путь истинный " старосту и Михайловых, пока остальные крестьяне догружали три телеги. Отдали моим крестьянам, по моему указу, трофейную крестьянскую одежду, а старосте самый плохой топор. Наконец, караван двинулся в Венёва. Я уже на Звёздочке, укутавшись папахой, Фатей на Рыжем. Трофейная лошадь, тянет большую часть туши кабана, лошадиные и волчьи шкуры Полицейские на крестьянских телегах. Раненые в балке, его лошади уже третий день хрустят выделенным мной овсом, поэтому тянут. Бедные животные, ещё бы немного и их самих пришлось бы тянуть.

Когда я первый раз был в Венёва, даже по сторонам не смотрел. Уже заметил за собой странную особенность. Воспринимаю поселение, только со второго посещения.

Ближе к вечеру въезжаем в городок. Тут всё близко и рассмотреть не составляет труда. На весь городок только три каменных дома. Мы и направились, к городскому магистрату, ориентируясь на недостроенную колокольню Николаевской церкви. Рядом строят и саму церковь. За ней располагается Покровская церковь. Нам налево, к каменному несуразному дому в три этажа. Смотришь на него и скажешь, что строили лет 100 назад, если судить по его виду. Нет, всё же в два этажа, а третий...что-то непонятное. Рядом две площади, одна Красная — занятые мелкими торговыми рядами. Вторая Торговая, тут уже обосновались, купцы посолідней, с магазинами и магазинчиками и мастерскими. И трактиры. А то, как же

без них? Дальше несколько домов, кладбище и Ионно-Предтеченская церковь. Не далеко ещё один рынок, где торгуют скотом и ему способствующему. Виден Воскресный собор, стоящий на высоком берегу реки Венёвки. Пипец, да сколько же их, этих церквей на такой маленький городок. Да тут жителей вместе с приезжими тысяч пять не больше. Я всё понимаю, надо, но не да такой же степени. Каменных церквей куча, а для жизни людей всего три дома нормальных.

Город у меня оставляет впечатление временного перевалочного торгового места с церквями. Не хватает только челночников, с клетчатыми сумками, снующих туда-сюда. Грустно.

Глава — 15.

Подкатили к магистрату, и я иду искать хоть какое-то начальство. Нашёл. Пятидесятилетнего штабс-ротмистра Гейдеке Людвиг Егоровича, и нижнего полицейского чина, проживающий тут же. Его послали за ратманом Шаталовым Николай Андреевичем. Он был владельцем одного из каменных двухэтажных домов, там же и проживал с семьей. На первом этаже лавки, магазины, контора и склад, на втором сам купец 3-й гильдии со своим семейством. В основном он занимался торговлей скотом. Так как, имело место быть нападение в стадии преступления, как гласило уложение от 1845 года, то он сразу и прибыл.

Передо мной опять 50 летний крепкий мужик. Пришёл он в длинном крестьянском тулупе и в валенках, снял шапку — колпак из каракуля. Борода лопатой и длинные волосы с пробором посередине. Сзади торчат во все стороны. Глубоко посаженные глаза "осмотрели и ощупали" меня очень внимательно.

— Помилуйте батенька, но мы не можем заниматься конфликтами среди дворян. Это может делать только или военный губернатор Крузенштерн Николай Иванович или гражданский Добрынин Николай Николаевич — Гейдеке. — Везите в Тулу, и лучше не в полицию, а сразу в жандармерию.

Ну, глядя на этот городок, я уже и сам это понял. Толку в этом вопросе, тут не будет, и постараются всеми силами спихнуть это дело на центр. И побыстрее.

— Ладно. Вопрос второй. Мои крестьяне работали у Хлюбщина и он подсунул им порченное зерно.

— Я разберусь, завтра — Гейдеке.

На этом мы и расстались. Расположились лагерем около магистрата, ночевать в холодном здании, с огромными потолками, я отказался наотрез. Попросил только подвести дрова для костра, которых мы, почему-то забыли захватить. Снимать, какой-то дом я тоже не захотел, в целях безопасности груза и мяса. Крестьянам с имения, отрубили кусок мяса кабана и отправили ночевать к их знакомым. Распределил дежурства, а Савва ночевал на полу балка. Отдал по червонцу Петру с приятелем, как и обещал. Желающих полакомиться нашим мясом на дармовщину, было и тут достаточно. То ли звери, то ли люди ходили кругами, невдалеке от нас. Ну и бегайте, только к нам не лезьте. Дров я приказал не жалеть, чёрт с ними. Все равно привезли целую телегу березовых дров, за два с полтиной. Меньше, видите ли не найти, так поздно. Хапуги. Наличные им подавай.

Стоя на вахте, я смотрю на звёзды, такие яркие в морозную и тихую ночь. Запах костра, напомнил про шашлыки. Опять моя не доработка. Вот сколько человеку надо? И честно...

даю ответ...много. И мне, надо честно себе это признать. Мои потребности, превышают, всякие разумные мои возможности. А это, я ещё и про телевизор с интернетом не вспоминаю. Эх-х. Нет, но шампура из бронзы сделать надо. А где бы, ещё и мяса на них постоянно брать? Может мне ферму, какую открыть? Эй, эй, это совсем не туда. Мне проблемы с конюшне-коровником выше крыши. А так хочется, мангал, шашлычок. Вообще-то тут и рыба не плохая, можно много наловить и...на шашлык.

Вот, так строя "замки на песке", я и отдежурил две смены. Но узлов на память навязал....больше боцмана на линейном корабле.

Утром не спеша позавтракали варенной кабанятиной с сухарями, и попили чаю. Местные уже во всю, бегают, туда- сюда. Покормил Кешу, который ночью осторожно выбирался из дупла, в туалет. Молодец, в жильё гадить, не захотел. Потом перевязал Семёна. Воробьёв, уже сам начал ходить. Обработал и подсушил свои царапины. Пришли и мои крестьяне. Все дела сделали. Время идёт, а о нас никто и не вспоминает. Хрень, какая-то. Я, что на зимнюю экскурсию приехал?

— Так, собираемся и едем все вместе к купцу Хрюшкину — даю команду.

— Хлюбщину — поправляет кто-то из крестьян.

— Один хрен, поехали — машу рукой.

Едем в конец Торговой улицы, там у него склад-магазин, как я понял. Так оно и оказалось. Перевести на 21 век, ангар с конторкой.

— Оставайтесь здесь и а вы, ставьте телеги для разгрузки — отдаю команду.

Рядом со складом какая-то полуземлянка, из которой валит пар. Самогон, наверное, гонит подумал я. Захожу через большие ворота склада, где чего только нет. Судя по товару, хозяин занимается обычной перепродажей, всего и вся. Скупает крупные партии товара подешевле, и перепродаёт подороже.

На складе, пару крестьян и еще кто-то, таскали какие-то мешки. Тут же контора-магазин с бычьими "стёклами", в ней по центру проходит какая-то кирпичная труба. От неё идёт тепло по магазинчику. Иду к хозяину, который ковшиком, на длинной деревянной ручке, отмеряет муку покупателям из бочки. Дородный дядька, лет под сорок и тяжелее меня в два раза. Борода и усы присутствуют. Одет, в коричневый с золотистыми цветами костюм. Вот, клоун. Длинная меховая жилетка, короткие валенки и...тюбетейка. Наверно у кого-то из азиатов забрал, ну, или очень похожая шапочка. Не далеко, за маленьким столом мальчишка, что-то старательно выводит гусиным пером в толстой книге.

— Ты купец Хлюбщин — спрашиваю его.

— Э... я — глядя на всего поцарапанного, и в наполовину порванной куртке меня, отвечает он.

— Я дворянин Мальцев. У тебя работали мои крестьяне из Медведок. Ты, им заплатил плохим зерном.

— Откуда Вы, это взяли. Я с ними расплатился честно — глядит на меня "честными" глазами пройдоха.

Краем глаза замечаю, как покупатели "исчезают" из магазина. Есть такие люди, что глядя на них, сразу скажешь — соврет, не моргнув глазом. Вот так и здесь. С одной стороны, я понимаю купца. Врывается непонятно кто, весь поцарапанный, в рваной одежде, что-то из себя корчит и что-то там требует. Да, пошел н..., а нет, пусть идёт в полицию и там доказывает. Если сможет, время-то прошло.

Видать, весь запас добра в этой поездки, у меня иссяк окончательно. Я уже второй день

кое-как сплю, да ещё в такой тесноте. Покушение, тупость и жадность крестьян, боль в теле от синяков, окончательно, меня уже вывели из себя.

Я бью, своим тяжёлым меховым сапогом в опорную ногу купца, с внутренней стороны ног, на изгиб. Купец падает, я пытаюсь добавить коленом, но промахиваюсь. Тут же бью в живот лежащему купцу. Он орёт, что тот кабан. Мальчишка смылся в дверь магазина, ясно, что побежал за помощью.

— Ты мне гад, всё до последнего зёрнышка отдашь — приговариваю я, а сам пинаю купца. Хорошо, хоть вовремя спохватился и стараюсь, не попасть по лицу.

— А ну, не балуй — послышался рык в дверях, куда ввалились два амбала.

— Пошли вон — достаю и направляю на них мариэтту.

Они тут же исчезают, и я её прячу обратно, под мышку. Но почти за ними, врывается полицейский с огромной саблей. Я хватаю ковшик с мукой и рывком высыпаю его содержимое, в лицо полицейскому. Мука тут не такая мелкая и белая как дома, а с отрубями и крупного помола. Облако муки накрывает полицейского, но не сильно расходиться по сторонам. Но ему хватило, и он ничего не видит. Дальше ковшиком выбиваю саблю из его руки. Размахнувшись от души, врезаю полицейскому по лбу. Он, всё так же не видит и не ожидает такого. Делает несколько шагов назад и падает на задницу, вызвав ещё одно, мучное облако. А я добавляю из бочки второй раз.

Поворачиваюсь к купцу, который свернулся калачиком под бочкой. Видать до него дошло, что не всё так просто.

— Ты мне всё отдашь, с... до последней крупинки — рычу на купца.

— Да, да — кивает купец головой, как китайский болванчик.

— Дмитрий Иванович, не стреляйте. Надо поговорить — слышу голос из-за двери Гейдеке.

И когда он только успел, видать был где-то не далеко.

— Заходите... один — но на всякий случай вытаскиваю пистолет, а ковшик беру в левую руку. Я, наверное, уже и сам не соображаю, что делаю. Просто "закусил удила", как у нас говорят.

— Что же Вы, творите — осторожно ступая, выговаривает штабс-ротмистр.

— Да вы тут вообще обнаглели, охамели и всякий стыд потеряли — и пинаю первый подвернувшийся мешок. Оказался с грецкими орехами, "весело" поскакавшими по полу. — Вот напишу отцу в Санкт-Петербург, пусть сюда комиссию пришлёт для проверки — перевожу дух. А сам думаю, вот это меня "понесло", в конец тормоза отказали.

— Я же, Вам, пообещал разобраться — качает головой Людвиг Егорович.

— Долго собираетесь. Я сам уже разобрался. Сейчас мои крестьяне поменяют зерно на складе, а Вы, потом и разбирайтесь. Не устраивает, пишите жалобу. Только не забудьте, что у меня фамилия Мальцев — бросив ковшик в бочку и спрятав пистолет, иду в склад.

— Быстро, сбрасываем эту дрянь туда, и берем столько же нормального зерна — распоряжаюсь на сладе, усевшись на более чистый с чем-то мешок.

Выходит злой, и весь в муке нижний полицейский чин и пытается специально, возле меня отряхнуться.

— На, служивый.... и не сердись. У каждого своя.... правда — протягиваю ему два рубля ассигнациями.

Ну, вот спустил пар. Давно накапливающееся раздражение на всех и вся, получило выход. Можно теперь и спокойно подумать. Конечно, никто жалобу писать не будет, но вот в

дальнейшем...будут "покусывать из-за угла". А я, ещё тут собрался мельницу строить.

Давать банально взятку, обидятся. В России 19 века, чиновники конечно, хапуги ещё те, но и почтение к себе требуют не меньше. Значить надо дать так, завуалировано. А дать сейчас, можно только одним способом, купить товар по завышенным ценам. Хотя, это они тут будут завышены. В Туле такой товар на четверть дороже, мне кажется.

Из магазинчика выходит Гейдеке. Сильнее укутывается в свою длинную шинель-альмавиву и поправил шляпу-лодочку. И тут же, закашлялся и начал задыхаться. Я подскочил к нему и легонько постучал по спине. Да, слепое подражание иностранцам и игнорирование русский народной одежды, до добра не доведёт. Вон, ратман Шаталов Николай Андреевич, не чинится. Одел тулуп, валенки и шапку-колпак. В свое время, Пётр Первый, хорошую "свинью" подложил своим подданным в этом вопросе. Нельзя же, так слепо, всё копировать за границей. Ну тут, я надеюсь, я уже кое-что сделал. Купцы в Туле уже копируют мою одежду, оценили. Правда, не полностью, и очень осторожно, но как говорится, лёд тронулся. Бывает смешно наблюдать, за купцом в зимних штанах с лямками и сюртуке, с большими полукруглыми вырезами. Но холод, лучший учитель. Оценили и меховые сапоги на войлочной подошве, да так, что стало не пробиться к моему кожевнику. Военные чины и дворяне, на них пока смотрят с презрением, но я думаю, это будет не долго. Максимум, до следующей зимы, как только посчитают потери, после чахотки.

— Чахотка — извиняющим тоном произнёс Людвиг Егорович.

— И почему Вы, не лечитесь? — задаю резонный вопрос.

— Это надо ехать в Тулу, к доктору. Стоят они очень дорого, а я не богат.

— А народными средствами? — удивляюсь я.

— Ну...

— У вас же тут, большой рынок. Купите свежего внутреннего жира, желательно животных, которые спят зимой. Добавьте меда и грецких орехов, в одинаковых пропорциях. И по столовой ложке, три раза в день. А ещё смените одежду, как у Шаталова.

— Ещё скажите, как у Вас — набычился Гейдеке.

— А что. Было бы, совсем хорошо — улыбнулся я. — Помогите мне, закупить товара, у честных купцов.

— А что Вы, хотите?

Хотел я много и всего, и побольше. Может, я от Мальцева этим заразился? В конечном итоге, со мной отправился огромный обоз. А я.....а я, остался, без всех наличных денег. Использовал всё, и свои и все трофейные. Не трогал только пояс и бумаги, ещё надо разобраться, что там. Зато, тепло расстался с довольным штабс-ротмистром. Закупался только по его совету и только у "его" продавцов. Мы с ним, даже, по рюмки водки выпили, тут её гнали в невероятных количествах.

Правильно, незачем, врагов на пустом месте заводить. Мне, тут мельницу строить. Да и потом ещё надо, чтобы она не ветер порожняком гоняла, а продуктивно работала. Ну и на рынке, закупка, продажа и остальное, тоже чтобы было без проблем в дальнейшем. Постоянно не наездишься с проверками. Договорились, что он будет в Туле весной с обозом, и заедет ко мне в гости. Так что, Хрюшкина, вернее Хлюбщина, можно было и по сильнее попинать.

В имение, сгрузили пять подвод дров, а специально нанятые извозчики, отправились обратно.

— Это, б... не имение, а сплошное разорение — произнес я, и посмотрел в след,

удаляющимся телегам. — Так, Егор, вот тебе дрова. Постарайтесь обойтись, без вырубki моего леса. Вот тебе жир, мёд, орехи — в общем, надавал распоряжений и поскакал догонять большую часть обоза, едущего со мной в Тулу.

Дом, мой милый дом. Как я тебе рад, ты даже, не представляешь. Подумал я, уже поздно ночью заходя в него.

— Дед Иван, распредели людей. Пусть, одну ночь переночуют, а с утра выпроводишь — отдаю я, сразу распоряжение.

— А куда? Куда, столько народу поместить? — растерялся старый воин.

— Куда, куда. Всех в старую мастерскую, чай не мальцевские. Поставьте туда пару старых печек, от его возков. В дом, не зовите, мне только тут вшей их не хватает. Одного Пётра только заберите.

— Фёдор, бери Кулика с Ремезами. И чтобы, не один волос, с возка Саввы не пропал.

— Мария, берешь свою банду и Ванюшу и рассортируйте продукты.

Видя моё состояние и злость, все забежали исполнять распоряжения. Я не ангел, а обычный живой человек. У меня, тоже бывают и хорошие и плохие настроения. Бывают удачи, а бывают... и не удачи, и тогда, я злюсь. Нет, пока до рукоприкладства, как другие владельцы, я не опускаюсь. Но, под "горячую" руку, мне мои люди стараются не попадать. Они, всё прекрасно понимают и видят, а главное, им есть с чем сравнить, в особенности с другими. А, дураков и лентяев у меня нет.

Сам, тяжело опустился на лавку в гостиной. Сейчас, попью кофе, перевяжу Семёна и можно идти отдыхать.

— Не понял? Ванюша, подойди сюда — и машу рукой. — И что, это за украшение? — и тычу пальцем, в хороший такой синяк, на пол лица.

— А чего они...и ножик забрали — захлопал малыш.

— Кто?

— Мужики с Посольской — а у самого, слезы кататься по щекам. Ну да, обидно. И получить и подарок новогодний потерять.

— А ты, что там делал? — удивляюсь я. И какого лешего, его на Посольскую улицу понесло.

— Меня провожал — встряла Мария.

Работа встала, всё смотрят на нас. А тут, чем дальше, тем не понятней и "интересней". И самое главное, подозрительное. Это началось, когда я уехал. Бывает так? Правильно, не бывает.

— Сейчас работайте. А завтра, всё — специально, выделяю это слово — подробно, мне расскажите.

Вставать не хотелось, категорически. Но, четыре замёрзших трупа во дворе дома, портили мне всё настроение. Плюс, не понятное нападение на Марию. Не сказать, что Тула уж очень спокойное место, но по сравнению с другими городами, выделяется существенно. Тут полиции и жандармов, намного больше, надзор строже и всё это, из-за производства оружия.

Рассматриваю трофейные бумаги. Расписка от Хлюбщина, на получение у него десяти бочек по 5 ведер объёма хлебного вина. С учетом, 12 литров за ведро, получаем 300 литров, солидно. Собака, и этот гад, тут каким-то боком. Разберёмся, надо было его сильнее попинать. Дальше, нечего не понятно. Всё на французском языке, чёрт бы их всех побрал. А нет, есть имена известных людей в Туле, а на третьей страницы упоминается и моё имя. И

чем, я заслужил к себе такое внимание? Давно думал, как же с этой ситуацией справиться, вернее с французским языком, а теперь жизнь подталкивает. Хочешь, не хочешь, а придётся нанимать репетитора.

В поясе, обнаружились маленькие слитки серебра, величиной с палец. Неожиданно. Я что, с фальшивомонетчиками столкнулся? А вот это, да — а. Это уже совсем плохо. Значит, наверное, кто-то.... скоро с "голубой" кровью нарисует. Маленький буро-зеленый камешек, даже понятие не имею что это. Покрутил в руках, пощупал, постучал по столу. Твёрдый. Не знаю что это, не специалист я в этом вопросе. Но это надо прятать и подальше, кроме камешка. Одну операцию с серебром можно провести, но не больше. Пока, во всяком случае.

Опрос, отложим на потом. Вечером подумаем. Как-то всего уж слишком много, и пока всё плохое. Не буду сейчас "загружать" себе голову и этим. Поленился, если честно. Ну, не стойкий я, "оловянный солдатик", что поделаешь.

Привёл себя в порядок. Царапины на лице покрылись твердой корочкой, воспаление нет. Очень хорошо. Ещё неделя, и всё будет, как прежде.

— Что это с Вами, сударь? — удивлённо посмотрел на меня Добрынин, когда я, без спросу ворвался в его кабинет. Адьютант, лишь беспомощно разводил руками за моей спиной.

— Да вот. Решил Вам, сюрприз сделать — развожу руками.

— Пока, нечего не понимаю? — отложил бумаги в сторону, Николай Николаевич. — Садитесь. Чай, будите?

— Спасибо. Я пока тоже, всё не очень понимаю. Но, во дворе повозка, с четырьмя замёрзшими трупами и бумаги с них, на хрунцузском — передразнил я язык Наполеона.

— И это всё, вместе связано. И что, это за трупы?

— Стреляли — опять язвлю, пытаюсь подражать герою с кинофильма.

— Так, расскажите и всё подробно — беря кружку с чаем у адъютанта Добрынин. Спокойно и не реагируя на мой сарказм, привык, наверное. Сначала, его это крайне раздражало. Но, как умный человек и видящий реальную пользу от общения со мной, махнул на это рукой. Нечего, ещё полгода и сам будешь так выражаться, усмехнулся я про себя.

Мой рассказ, не занял много времени. Не стал я рассказывать, только про свой "полет", стыдно. Тут всё дворяне, отличные охотники. Не дай бог узнают, как было всё на самом деле, засмеют.

— А вот, бумаги — и протягиваю чью-то рукопись.

— Вы знаете, Дмитрий Иванович, а без жандармов, тут, пожалуй, и не обойтись — изучив рукопись и немного подумав, Добрынин.

— Ещё скажите, что третье отделение подключать придётся — усмехнулся я.

— Не исключено. Но сейчас мы поедem к шефу жандармов Шварцу.

— Так что же там, написано? Вы же знаете, я французским не владею — чего-то и шутить сразу расхотелось.

— В Туле, появился молодой человек, некто Мальцев Дмитрий Иванович. Все утверждают, что он незаконный сын, Мальцева Ивана Акимовича, известного промышленника и миллионера. Это он, разработал керосиновую лампу и некоторые другие вещи — прочитал и перевёл Добрынин.

— Ну, бли-ин. Мне тут ещё Джеймс Бонда не хватает — вырвалось у меня.

— Простите. А причём тут англичанин? — уставился на меня Николай Николаевич.

— Я так понимаю, что это донос? — не стал я, заострять внимание на своем "проколе".

— И причём, серьёзный. И, не только о Вас. Всё, поехали к Шварцу — командует Добрынин.

Глава — 16.

Мы едем в возке Добрынина, он в своей длиннющей шубе-шинели. Она такая огромная и широкая, что туда и меня ещё можно поместить. Я же в куртки Фёдора. Моя куртка, заслуживает только капитального ремонта, а потом подарка, кому-то из слуг. Впереди его адъютант, потом мы. За нами повозка Саввы, где дополнительно сидит Пётр, остальных я отправил домой. Дальше Кулик с Ремезом верхом.

В России жандармов не любят, особенно его третье отделение. Этот политический сыск, больше всего боролся с вольнодумством дворян и мещан. Вскрывал и читал их почту, а бывало и в открытую следил за неблагонадёжными и ссыльными. Доходило до того, что в "приличный дом дворян" их не приглашали, категорически. Это считалось очень дурным тоном и осуждалось остальными дворянами. Поэтому, сейчас мы сами наносим визит, а ещё надо как-то разобраться с трупами. Жандармский корпус был создан Николаем I, указом от 28 апреля 1827 года. Его командир обладал правами командующего армией. Численность жандармского корпуса Империи составляла 4278 человек, то есть, по одному жандарму на 10,5 тыс. жителей России. К тому времени численность чиновников III Отделения канцелярии Императора составляла от 16 до 40 чиновников за всю историю ее существования. Так что реальность "царского репрессивного режима" — далеко не соответствует истине. Первоначально жандармские части, подчиненные III Отделению, включали в свой состав 4278 чинов. В их числе — 3 генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 рядовых и 457 нестроевых чинов. В последующие годы численность генералов возросла в 4 раза, офицеров и нижних чинов в 1,5 раза. И это на всю Россию.

В его создании, я считаю, что по большей части, именно сами дворяне и виноваты. Череда дворцовых переворотов, казнокрадство и фальшивомонетничество, выпуск подделок и контрабанда, чем только не занимались "благородные" мужи. Попадались даже фальшивые священники и церкви, собирающие деньги. Процветали тайные общества и ложи, те же декабристы, которых субсидировали Англия, немецкие курфюрсты и польские магнаты. Постоянный выпуск всякой литературы с нападками на самодержавие и призывание к его низложению. Причем этим, во всю не гнушались такие просвещённые люди как Пушкин, Лермонтов, Герцен и Белинский. Хотя, сам Пушкин, как и все остальные, не отличались нормальным поведением, чего только стоит распоряжение городского полицмейстера "дворянина Пушкина, в бордели не пускать, дабы не развращал дам". А Герцен, получал доходы при жёсткой эксплуатации своих крепостных, даже в эмиграции. Самое же интересное, что после похода Александра Первого в Европу, за Наполеоном, дворяне, тоже резко захотели жить, как в их визави. Абсолютно не думая о завтрашнем дне, под лозунгом — главное здесь и сейчас. И нет, чтобы разобраться, откуда и как, получают прибыль иностранцы, просто усилили нажим на своих крепостных. Доводя крестьян до бунтов и саботажа. Даже плуги с Европы привезти и те, не захотели. Крестьяне, за редким исключением, так и продолжали пахать сохой. Закладывая и перезакладывая имения, отдавая их наиболее прибыльную часть на откуп. Только за семнадцать лет таких безумий,

разорился каждый пятый дворянин. Понятно, что стало много дворян не довольных самодержавием, а кто им виноват?

Огромнейшие просторы и природные богатства, использовались крайне не эффективно. А тот хаос в финансах, что остался после Екатерины Великой, страна смогла преодолеть, только через 50 лет после её смерти. То есть буквально, сейчас.

Другая проблема, это "наша добрая старая Великобритания", которая сразу же, после разгрома Наполеона, начала действовать против России. Финансировала всякие масонские и не только тайные организации, писак и разных революционеров и даже уголовников. Постоянно финансировала Кавказскую войну, которая "пила" кровь и деньги с нашей империи. Это компания тогда получила название "Большая Игра", именно перед Крымской войной.

Так, что не удивительно, что Николай — 1 "закрутил" гайки, я бы на его месте сделал это намного сильнее. Но, как бы там не было, жандармы при Николае-1 справлялись хорошо. При всех недовольствах, не допустили не одного покушения на царя и говорят, что царь вообще, может разгуливать по столице, без охраны.

Ехать тут было совсем близко, минут пятнадцать. А вот здание жандармерии, прятавшееся во дворах, мне совсем не понравилось. Хотя и было оно в два этажа, но маленькое низенькое и неказистое.

— А что Вы, так жандармов обижаете? — удивился я. Ну, понятно, кто будет нормально преступников ловить, если так жить. У государства, как всегда, на своих "псов" денег нет. Вот и процветает коррупция в империи. Я тоже не сильно люблю жандармов и полицию, но не да такой же степени.

— А за что, их любить? Соглядаи — жёсткий ответ Добрынина.

— Ну, хотя бы вот, как сейчас — отвечаю ему.

Внутри здание, выглядело более пристойно. Хозяин кабинета сидел за столом, около маленького камина. Сорокалетний полковник, с сединой в волосах и уставшими глазами. Был в синем форменном мундире с аксельбантами и каким-то орденом. Я уже сталкивался, что тут всё любят ходить в разной форме. Зачастую и не поймёшь, к какому ведомству принадлежит, тот или иной тип. Надо только оторвать пуговицу и прочитать, что на ней мелко написано, тогда только будет понятно. Там такие "перцы" попадают, что наши чинуши с "синими мигалками", перед ними дети. Вот такая нынешняя мода.

Получили приглашающий жест. Мы, сняли верхнюю одежду. В своём элегантном гражданском костюме, ну я так считаю, резко выделялся среди двух военных.

— Чем обязан, господа? — и пригладил свои усы левой рукой. Удивительно, но полковник не носил бороды.

Я знакомлюсь с Сергеем Павловичем Шварцем.

— Да вот — и Добрынин протянул документы.

После прочтения, они начали говорить по-французски.

— Господа, если можно перейдите на русский — вклиниваюсь в разговор. Наблюдаю удивление на лице полковника. — Ну а что, плохо учил в гимназии — развожу руками.

— Ну вот, сами и разберётесь, а мне некогда. Дела — схватился Добрынин, подхватил свою шубу-плащ и выскочил в дверь.

— Так расскажите, как было дело — Шварц.

Я подробно рассказал, отвечая на вопросы хозяина кабинета. Его очень удовлетворило, что с нами были полицейские. А один участник, ещё и сейчас присутствовал.

— Пойдёмте, посмотрим — надевая свою альмавиву и подпоясываясь саблей, полковник.

Узнать сейчас, в этих синих и замёрзших трупах нападавших, было не просто.

— Кологривова я знаю, доставившего нам немало хлопот из-за восстания. Да и раньше с ним проблемы были. Бобриков... это у Вас, с ним был конфликт? Тоже. Этот старик, его дядька. А вот кто этот, в форме... в сборе с разных форм, я сейчас сказать не берусь — спокойно рассматривая трупы, но, не касаясь их, Шварц.

— А могу я получить официальную бумагу с описанием, что у каждого было — отвечаю я.

— Понимаю — и пристально смотрит на меня. — Ну, тогда пойдёмте. Пока поговорим, и чай попьём, господин Мальцев. Савельев, займись.

— Степан, посмотри и помоги — говорю Кулику. А потом тихо — и чтобы, ничего не пропустили.

— Вы, будите возбуждать дело? — начинаю первым, как только усаживаемся в полу кресла в кабинете Шварца.

— Обязательно — подтвердил он.

— И что Вы, об этом думаете?

— С Вами, было трое полицейских, нанятых в самый последний момент, перед отъездом. Потом, Вы, купили две четыре ствольные мариэтты, и нападавшие, это прозевали. Поэтому только Вы, и отбились. Вот как они Вас, вычислили на дороге, я не понимаю?

— Я, если честно, пока признаться, тоже. Но, у кого спросить?

— А можно будет посмотреть, Ваш пистолет? — Шварц.

— Да, пожалуйста — вынимаю из-под подмышки мариэтту.

— Интересная конструкция, а посмотреть можно?

— Вы хотите меня, что, на запчасти разобрать? — шучу и показываю подмышечную кобуру.

— А не помешало бы. Слишком у Вас, много тайн — жандарм и внимательно всё рассматривает.

— А вот этого, не надо. У меня и так проблем, больше чем мне хочется.

— Я думаю, что пока, к Вам, у нашего ведомства, претензий не будет — усмехнулся он.

— А у кого будут?

— У сослуживцев Бобрикова, с 7 кавалерийской дивизии, ещё те бузотёры. Их оружие, я так понимаю Вы, оставили у себя.

— И отдавать, некому не собираюсь — вот ещё. Только голову вытащил, ноги застряли, подумал я. Дальше мы поговорили на разные темы, прощупывая друг друга. Потом я, наконец, получил бумагу за подписью Шварца с описанием вещей трупов. Сильно там они я смотрю, не изгалялись. Быстро написали. Читаю, ладанка нательная, серебряная и всё. Ни вес, ни какая она, не указаны. Вот дают. Но, это уже не мои проблемы.

— А Вы, заходите в гости Сергей Павлович — приглашаю его.

Он, даже на стуле отодвинулся, на котором сидел за столом, от удивления.

— Вы так.... спокойно. приглашаете жандарма в свой дом?

— Ну, не совсем спокойно. Лучше в гражданском костюме. А потом, я считаю, что Ваша служба, очень нужна. Тем более в надвигающейся войне — застегивая куртку, произношу свой монолог.

— Интересный Вы, молодой человек — произнес по слогам, а потом, пару секунд

помолчав — а, пожалуй, я воспользуюсь Вашим приглашением.

— Приходите.

По дороге завезли и Петра, и подтвердил с ним достигнутые договорённости. Хотелось бы домой, но вздохнув, поехали к Антоновой.

— Ой, пойдём сюда — и взяв меня за руку, потащила в другую комнату. Не успели зайти, как тут же кинулась на шею и потом давай целовать и плакать одновременно.

— Анна, да ты что? — растерялся я.

— Дмитрий, ну куда ты опять влез? А обо мне ты подумал?

— Вообще-то не куда, веткой лицо поцарапал — улыбаюсь я. Все-таки очень приятно, хотя и странно. Раньше Антонова таких бурных чувств не проявляла. Эта мысль мелькнула, практически не оставив следа.

— А обманывать, ты не можешь. У тебя даже сапоги испорчены и в куртке Фёдора приехал — и прижалась к плечу. Вот же, Шерлок Холм, местного разлива. И чего меня на англичан тянет, не к добру это.

— Вот поэтому и приехал. Нужна новая куртка. Ну...не плачь — аккуратно вытираю пальчиком слёзы. — Я вот тут подумал и решил немного изменить куртку.

Ещё немного времени успокаиваю Анну. Она потом, привела себя в порядок и мы сели обсуждать, что я хочу. А хочу я "парку" украшенную мехом, но чуть более удлинённую. Первую свою куртку, я заказал, не столь радикально отличающуюся от местного дизайна. Ждал, пока народ привык. Появились и первые подражатели, в основном из купцов, богатых студентов и вольнодумцев. Мать их так. Посчитали это протестом, против устоявшихся устоев, придурки.

Ладно, переживём. Теперь можно и более радикально подходить, к изменению своей одежды. Настал черёд шапки, смешал старорусский с современным стилем. Получилась шапка с кожаным козырьком и верхом, что-то наподобие офицерских флотских 21 века, но с мехом соболя по краям. С наклоном назад, прикрывая уши. Надеюсь, что мой Кеша, не кому не попадёт на шапку. Надо кстати, его тоже навестить, как он там, на новом месте? Потом наверх шапки приколем серебряную фибулу, тут без этого, нельзя, к сожалению. А то я бы, и лучшее применение серебра нашёл. Попросил её сделать мне крепкие длинные нити из шёлка, давно хочу попробовать зимнюю рыбалку.

Ещё, заехал к сапожнику Давыдову и поехал, наконец, домой.

Мы, а это я, Фёдор, дед Иван, Кулик, Ремез и Фатей сидим за столом и слушаем сбивчивый рассказ Марии и Ванюши. Семён ещё практически не встает, но дела явно пошли на лад. Не везёт ему как-то.

— То есть, я правильно понял. Ты, вместе с Ванюшей, отправилась на Посольскую улицу. Походить по лавкам и купить подарок отцу — подвожу итог.

— Ну, да — Мария.

— А почему, без Фёдора? — удивляюсь.

— Да буду я, ещё все лавки с ними на Посольской обходить — насупился Фёдор.

Ну конечно. Бабы по тряпкам, мужики на пиво, чуть не сорвалось с моего языка.

— Потом вы, решили сократить расстояние, и пошли подворотней — продолжаю я. — Там на вас и напали. Ванюша заступился, а ты в это время успела убежать и спрятаться в лавки Купчина. Ванюши просто натыкали, чтобы не путался под ногами. Забрали нож, за который он схватился, защищая тебя.

— Ну-у — затянула Мария.

— Найду и убью — прорычал Фёдор.

— И пойдёшь на каторгу, Отелло тульский — и глажу подбородок рукой — Ванюша, ты молодец. Кинжал я тебе другой подарю, не переживай. Всё можешь идти, а ты Мария останься.

— А это кто, Отелло тульский? — удивился Фёдор.

— Ха — ха — разобрало меня. — Он не тульский, он итальянский ревнивец.

— А ревнивец, это кто? — привязался Фёдор.

— Этот тот, кто считает женщину только своей — достал, лучше бы он по магазинам с ней ходил. а может и не лучше. Стоп.

— Ну- ка Мария, оденься полностью, в чём ты тогда была — командую — а Лизе с Катей, скажи, что подслушивать не хорошо.

Пью кофе. Его кроме меня, никто у нас и не пьёт. И дорого и вкус им не нравится. А чай, я выдаю только по праздникам. Тоже не дешёвое удовольствие.

Ну что же, хороша девка. Я даже не заметил, как она с невзрачного "утёнка", превратилась в хорошенькую девушку. Хоть тут Фёдор оказался на высоте. Встаю и обхожу её по кругу, рассматривая с разных сторон.

— Фёдор, не сейчас надо губы и щёки надувать. Слушайте всё сюда, не одна девушка или женщина без охраны, ходить не должна. Тем более, когда меня нет, потерпите — даю распоряжение всем. — Ясно.

Все закивали головами, два происшествия за короткий срок, кого хочешь, заставят задуматься.

Кружусь вокруг девушки, как волк перед броском на добычу. Она оделась в праздничный наряд, в котором в основном ходит в церковь с нами. Даже на рынок, одевается попроще, а тут её ведете ли "понесло". Что называется, кот из дому, мыши в пляс. На ней, круглая меховая лисья шапка с хвостом и красным верхом. Такого же, красного английского сукна, подаренного мной, шуба подбитая овчиной внутри и разукрашенная мехом рыси. Коричневое платье, укороченное до икр и шнурованные меховые сапоги на высоком каблуке. Овчина, тут считается мехом для крестьян и стоит не дорого. Её не видно, зато тепло. По сравнению с шубой из черно-бурой лисицы — 1000 рублей, или из соболя — 2000 рублей. Так, что за Кешей надо будет присматривать и основательно. Обошлось, это тоже не дёшево, но всколыхнуть болото поклонению заграницей, в смысле захотеть такое же, можно только завистью окружающих.

— Предупредите соседей, что у нас ручной соболь и если, не дай бог...виноватых сам, на шубу пушу — предупреждаю всех.

Я специально раздел Марию так, в надежде, что наши тульские швей, будут копировать. А не только купцы, отправлять мех за рубеж. Результаты уже есть, но еще очень скромные. Пока дела лучше у сапожников, валенки дворяне носить не хотят, в обычных сапогах холодно. Вот, тут они быстрее сообразили и заказов у обувщиков прибавилось. Оказалось в Туле кожевников, не меньше чем самоварщиков. С Давыдовым приходилось вести целые баталии, на счёт обуви и доказывать ему полезность нововведений. До этого, они даже подошву пришивали с внешней стороны.

— Ты делай стандартные размеры и сразу шей — втолковываю ему. — Вот смотри метр, делаем так — измеряю свою ногу. А теперь на 5 сантиметров больше и меньше, вот тебе уже 3 размера. И дальше так же, сделаешь самые ходовые размеры. А вот, тут пиши цифрами, чтобы следующий раз знали, какой-кому надо.

— Да как же так, Дмитрий Иванович. Да все по своей ноге обувь заказывают, чай 20 рублей стоит. А у Вас, вообще 40 — возмущается он.

— Семен Андреевич, вот скажи мне, я тебе плохого, советовал?

— Нет. Вы, очень хороший заказчик.

— Так что, я хочу, чтобы ты разорился или наоборот богатым стал? — упираю руки в боки.

— Но так, никто не делает — опять свое затынул Давыдов.

— Ты швейные машинки заказал? — перехожу пока на другую тему.

— Да, но не новые, обещали — Семен Андреевич.

— А круг шлифовальный со станком, когда будет? Я тебе, когда еще чертёж дал — тыкаю в него пальцем. Пока раскачаешь этих "свободных" мастеров, упаришься и не раз.

— Уже скоро будет.

— Зачем ты, всё сам делаешь? Что, не можешь своим, по цеху кожевников частями раздать? — опять захожу на второй заход.

Пикируемся мы долго, мне приходится прибегать и к прямому шантажу.

— Значит так, не хочешь нормально работать и зарабатывать, найду другого мастера. А ты, шей пару сапог в месяц, по своей старинке и ещё потом дожидайся два месяца денег — злуюсь. Мастера менять совсем не хочется. Он, действительно профессионал по коже. Тут, таких мало. Делает он работу очень качественно, без брака, но упёртый как баран.

— Я и так, принял двух работников — виновато оправдывается Давыдов. Моя угроза не пустой звук и это, он знает. Терять такого клиента, он не может. Плюс заказанное оборудование, на котором я настоял и за его деньги.

— Сейчас делай, как я говорю. А летом будешь строиться рядом со мной. С моими соседом Трофимом, домами поменяешься. Я с ним договорюсь.

— Я свой дом, на эту развалюху? — возмутился Давыдов.

— Что его, что твоя, обои развалюхи. А мне надо, чтобы ты под боком был. Работы немерено, а ты тут суслика изображаешь — отвечаю.

— А почему суслика? — изумляется сапожник.

— А потому, что забился в свою норку и свистишь, только свою песню. А что вокруг делается, видеть не хочешь — получает ответ от меня. — Вот придут иностранцы, быстро шкуру с тебя спустят.

— А Вы, мне поможете дом построить? Мне негде взять больше денег, а даже простая изба 100 рублей стоит — обреченно мастер.

— Нахрена тебе изба? Надо нормальный дом с мастерской строить. Помогу, но в кредит. А обувь, вообще будешь мне, потом бесплатно шить. Не бойся, за материал я заплачу или свой дам, пока в силу не войдёшь.

А, что мне остаётся делать? Только собирать вокруг себя нормальных людей, в одиночку, я не "потяну" и за всем уследить тоже не смогу. Заодно, я хочу вокруг себя выстроить квартал, со своей охраной. А то, тут любые "гости", огородами пожаловать могут и никто не увидит. Вот и приходится "дожимать" Давыдова и не только его.

Глава — 17.

— Так Мария, ещё раз опиши, как выглядят нападавшие — набегавшись вокруг, можно

сказать, красавицы. Просто, не мой тип женщины и сажусь на своё место.

Слушаем.

— Ладно, можешь идти. Так, а теперь, что вы, об этом думаете? — отпускаю девушку и обращаюсь к собравшимся соратникам-подчинённым.

И так и этак прикидывали, нечего не выходит. И главное днём не испугались напасть, не понятно? А под описание напавших, треть мужского пола жителей Тулы подходит.

— Заходим с другой стороны — иду, беру бумагу и ручку с чернилами. Да, когда, я уже карандашами займусь? Рисую примерно схему Посольской улицы.

— Завтра, ты Ремез с Фатеем, пройдётесь по улице, все шагами измеряете и всё узнаете.... за несколько дней, не спешите и очень аккуратно. Сюда запишите. Где, что расположено и чем они, там занимаются? Ясно?

— А я? — Фёдор.

— А ты, дома посидишь. Мне придётся, в куртки твоей и дальше походить. Кулик поедешь со мной. Надо собрать заказы, а то скоро купцы, меня "съедят", за невыполнение обещанного.

Утром проверил и покормил соболя. Его полено с дуплом подвесили под потолок в конюшне, недалеко от Звёздочки. Пусть неделю привыкнет, а потом цепочку по более сделаем. Надо будет заказать, по дороге, а затем вообще отпущу. Надеюсь, не сбежит.

Коней, опять пришлось уплотнить, и поместить трофейного. Они уже, чуть не боками трутся, что меня и их, крайне раздражает. Надеюсь, ещё месяц как-нибудь вытерпят. Вот как трофейного коня назвать, пока не придумали, а конь не плохой.

После сбора разрозненных заказов и пополнение импортным порохом и капсюлями, кстати, французскими, заехал к Гольтякову.

— Здравствуйте, Николай Иванович — пожимаю руку купца.

— И..Вам, не хворать, Дмитрий Иванович — глядя подозрительно на меня Гольтяков.

— До свадьбы заживёт — улыбаюсь ему.

— А когда?

— Что когда? — не понял я.

— Ну....свадьба когда? — удивился купец.

— Э... — вот, блин — я их шуток не понимаю, а они моих. — Это присказка — выкручиваюсь — пока, не ожидается. Но я к Вам, по другому делу. Мне нужны кирасы из бронзы или самых твёрдых металлов, какие у Вас есть.

— Глядя на Вас, я понимаю, что это, не праздная прихоть — проявил понимание Гольтяков.

— Правильно понимаете. И мне они нужны, без всяких украшений. А ещё лучше чтобы их вообще не видно под курткой. И чтобы, никто не знал, кому они предназначены.

Дома меня поджидало два гостя. Первый, был Лука с большим берестяным коробком. А, вот второй, второго я не знал. Он, как-то неуловимо отличался от жителей Тулы. Кроме этого, у него не было бороды, а только чёрные усы. Одежда была украшена орнаментом, больше похожим на украинский. Вот, с него и начнём.

— Стефан Дудка — представился он. — Коваль.

? — мой немой вопрос.

— Я серб. Пришёл к Вам, с большой просьбой. Говорят, Вы, можете посоветовать, что делать? — не очень правильно выговаривая слова и немного заикаясь, произнёс он. — И это, потом покупают. Я отблагодарю.

— Да, он хороший кузнец — встрял Лука — и человек хороший.

— Оружие, мне выпускать не разрешает. Полиция. У меня нет российского гражданства. А делать постоянно подковы, я не хочу. Я мастер — ударил в грудь себя серб. — А мастерская у меня не большая, чтобы сделать большие вещи.

Забавно говорит, но понять можно. Я так, тоже, наверное, говорил, когда сюда попал.

— Лука, я так понимаю, это ты его привёл? — вижу кивок головы. — Ручаешься, что порядочный человек. Понятно. Ну, поехали, посмотрим твою мастерскую и что ты там, делаешь?

Садимся в возок к Савве, Кулик на Рыжем рядом. Пока кирасы нет, лучше я поберегусь. Тут же рядом бежит Рем. С ним я ошибся. Пользы, мне от него ни какой. Эта собака, предназначена гонять зайцев и лис. На охоту, я не выезжаю с дворянами. Сам, тем более, банально некогда. Сторож из Рема, плохой, так ещё надо постоянно следить, чтобы он бегал. Надо себе заказать тибетских мастиффов, а то нормальных овчарок, я тут что-то не видел. Про тибетских мастиффов я смотрел передачу, и они мне очень понравились. Одна из самых древних пород собак и живут долго. А Рема, поменять или подарить, какому-нибудь охотнику на зайцев, за зайцев.

А то мясо, опять в цене "скакануло" как тот заяц, так что и не угонишься. Мне вообще не понятно, едят тут его местные или смотрят. Кроме дворян и купцов, само собой.

Дом небольшой, но аккуратный стоял на Рубцовой улице. Не слишком хороший район. Вернее совсем, мне он не нравился. Думаю, если разбогатеет, переберётся в другой район. Заходить в него не стал, сразу пошли в мастерскую. Интересно, что я хочу, там увидеть? Если честно, сам не знаю. Надеюсь, у меня возникнут, какие-нибудь ассоциации.

— А это что? — рассматриваю небольшую художественную решётку, в обычной кузнечной мастерской. В ней разве что, разных инструментов больше, чем в других. Но видно, что работы не много или слишком аккуратный хозяин.

— Это, для купца Владимирова. Но такие заказы, очень большая редкость — печально Стефан.

— Так, на что у тебя тут, сесть можно. Мне надо подумать? — чуть не сказав, Чапай, думать будет.

Ставит мне невзрачный металлический стульчик, и смахивает с него пыль. Тут я увидел чудную подкову и иду к ней, надо рассмотреть поближе. Так, это больше художественное произведение, чем подкова. Очень интересно. Красиво и со вкусом.

— Ты делал? — показываю подкову и поворачиваюсь к нему.

— Я — кивает мастер.

Кручу подкову и рассматриваю всё вокруг ещё раз. Взгляд, падает на кованого уродца, под названием — стул.

— Слушай, а почему ты, кованую мебель не делаешь? Разные столы, стулья, кресла. Я, вон не могу себе позволить купить венские стулья от 50 рублей и выше, а надо. Сделай каркас, укрась разного цвета медными завитушками и розами. Их, можешь сам и не делать, тут медников полно, и я куплю.

Начинаем обсуждать, но не совсем понимаем друг друга. Я хочу одного, он мне рассказывает о другом. А плюс, рисовать у него нечем и негде.

— Так, поехали опять ко мне — прекращаю спор.

Теперь, спорим уже в четырех, я подключаю Кулика, раз у него тяга к технике проснулась. Честно, упарился я с ними.

— Вот Лука, сделает доски, а я договорюсь с Антоновой о пошиве подушек на них — подвожу итог. — Тебе Стефан, сделать четыре таких и два вот таких. Вот тебе аванс пятнадцать рублей, пиши расписку и можешь идти — показываю на чертёж и передаю деньги.

После его ухода, рассматриваю принесённую куклу Лукой. Так, так. Кручу сантиметров семьдесят деревянное создание, со всех сторон. Нос у этого Буратино маленький, а что, потом надоумим Луку сделать. Для начала, сойдёт и так. Сейчас спорить и опять что-то доказывать, уже нет сил.

— Так Лука, давай завтра. Я посмотрю, а ты подойдёшь с утра, как обычно. Мы с тобой обсудим, а потом поедem к Анне Ильиничне.

— М...мне бы, тоже денег — замялся Лука.

— Не понял, я же тебе, только за балок и навес заплатил? — задаю интересующий меня вопрос.

— Ну, Вы, же сами говорили, чтобы я больше народу привлекал и инструменты покупал. А дерево хорошее, тоже дорого стоит — затараторил плотник.

— Лука, я же не Рокфеллер. Деньги не печатаю — вздыхаю.

— Плохо — повторяет мой вздох Лука.

— Что плохо?

— Плохо, что Вы, не Рофелер и деньги не печатаете — дает пояснения.

— Да плохо — соглашаюсь. — Ладно. Сколько тебе, для полного счастья надо?

— Рублей сто — выдохнул он и сам испугался от такой суммы.

— Сколько? — обалдеваю я.

Тут нас прерывают, и в гостиную заходит служивый, один из посыльных Мальцева.

— Вам передача — кланяется и держит коробку в руках. Не уже ли, чемоданчики нельзя было сделать? С берестяными коробками бегают, мне ведь похожий, для бритья сделали, только маленький.

— Ставь сюда Семён — команду ему.

Открываю коробку. Послание, мы потом прочитаем. А что это? Ух ты. Коловорот и семь разных свёрл. А я уже и забыл, что их заказывал.

— Дед Иван, покормите Семёна с напарником и определите в балок, пусть отдыхают. Завтра разберёмся — команду мажордому.

Лука с Куликом, восхищённо рассматривают инструмент. Я же пока, не особо вчитываясь в послание, ищу цену. Сколько, сколько, сто рублей и это только для меня! Они что, из золота всё это делали? А если судить, что работа будет стоить столько же, то кто это будет покупать?

— А вы знаете, сколько эти свёрла стоят? 200 рублей — и наблюдаю их удивлённые лица. Желание, поскорее положить всё в коробку обратно, и никогда не трогать. — Вот, что Лука, даю тебе в долг 50 рублей. Пиши расписку и до завтра.

— Катя, иди суда. На возьми куклу, поиграй до завтра, а потом о ней всё нам расскажешь — наблюдаю округлённые глаза Луки и Степана Кулика. — Что не ожидали? Дети быстрее всех определяют, хорошая кукла или нет?

Ну, наконец-то, поев, завалился на кровать. Хотя немного вздремну подольше. С утра, после тренировки, собираемся опять.

— Вот смотри Лука, волосы держится плохо. — Катя постаралась и что она с ней делала? — Наверное, надо на кожу или на материю приклеивать, а потом только на голову.

Выражение лица сделать более радостным, румянец на лице. Чем это у тебя там, художник занимается?

— Да на что, я хорошего художника найму?

— Зачем тебе хороший? Найми ученика или девушку посади — машу рукой.

— Как девушку? — изумляется мастер.

— А вот так. Узоры вышивают.... вышивают. Бисер, жемчуг и остальное, вот и подбери.

А то, что это за выражение, как будто её сейчас ломать будут, а она заплачет.

— А вот тут, можно сгибающие руки и ноги сделать — показывает мне на локти и коленки. Молодец, сообразил.

— Можно. Только если медные, вот так — рисую на бумаги — иначе быстро тут сломается, а виноваты будем мы, плохое качество. И лучше такие куклы сразу солдатами сделать. Наши военные, в солдатики поиграть любят, поэтому заплатят, аж бегом. Так же к ним ружья, сабли и так, чтобы вставлялись в руки.

— Это сколько работы? — произнес плотник.

— Делай, давай и учись. Мне протез Фатя, совсем не нравится. Будешь с медью переделывать. А затем и Сильверу.

Вот и март месяц, морозы потихоньку начинают спадать. Мальцев написал, что через 10–15 дней будет в Москве и просит меня подъехать. Вот, только не написал зачем. Явно, что что-то серьёзное, а у меня работы не меряно.

В субботу целый день прокопались с Куликом и с примусом, так и не доделали. Резину, пришлось поменять на кожу, а то она от керосина "волной" идёт. Проблема возникла и с пружинками, надо их из другой проволоки делать или закалять. Так и не разобрались.

В воскресенье, отстояв в церкви Святого Николая, только собрался уходить подходит отец Василий.

— Вы, почти совсем не жертвуете на храм божий, сын мой? — и уставился на меня.

— Я может и рад, да денег нет.

— А по Вам, и вашим слугам не скажешь. Не каждый дворянин их так одевает.

— Материал Мальцев — Старший подарил. Меха у меня, из убитого мной волка.

— А от купцов, Вы, сколько денег получили? — утвердительно-вопросительно накинута священник.

Всё-то они знают. Везде без них не обходиться. Сейчас только дай, и начнётся.

— Боюсь, мне этого и близко не хватит. Я надумал мельницу ставить в имении.

— А что Вам, отец не поможет?

— Обещал. Но у него тоже денег нет. Государь обязал его два новых завода заложить.

— Это не ответ, сын мой.

— Я всё понимаю, но поймите и Вы. Не будем своё дело заводить и поднимать, придут латиняне и всё скупят. Я понимаю, надо. Вы и сирот кормите и голодным помогаете. Я предлагаю Вам, что когда построю мельницу, три телеги зерна раз в месяц, бесплатно смолю — надо что-то обещать, а то не отстанет.

— Не плохо бы ещё и дать то зерно.

— А вот этого, я обещать не могу, пока с долгами и постройкой не разберусь. Имение полностью разорено, нашими же солдатами из седьмой кавалерийской дивизии. Я уже больше 400 рублей потратил, чтобы крестьяне не умерли с голоду — а вдруг, не эти солдаты? Ну и ладно, ему надо пусть сам и выясняет.

Священник выбил у меня обещание, в ближайшее время помощь продуктами, хотя я и не

сильно сопротивлялся, понимал, что надо. Зима действительно оказалась очень тяжелой, для малоимущих.

— Отец Василий, но я не согласен просто с раздачей пищи нуждающимся. Все должны, кроме маленьких детей, немощных стариков и инвалидов, отрабатывать свою миску еды.

— Это как? — возмутился священник.

— А так. Убирать территорию в квартале, а то вон идём, а дорожки от снега не чищены. Подправлять дороги, убирать мусор, засыпать ямы и выводить сливные канавы и многое другое. Наводить и другой порядок.

— Но этим, занимаются городские власти.

— У которых, как всегда нет денег и желание этим заниматься. А выделенные деньги банально разворовываются. Поэтому я хочу, чтобы этим, занялась ваша церковь, в нашем квартале.

— Вы, ставите очень не простые задачи перед матерью церковей.

— Если Вы, сможете навести порядок. То в этот район, будут селиться богатые горожане. Значит и церковь станет богаче, и мы сможем её перестроить и сделать величественный храм с хорошей звонницей. Как Вы, считаете? — пусть и на себя тоже, берут часть общественной "мирской" жизни. А не только самым простым делом занимаются.

— Но... — начал священник.

— А Вы, привлекайте к этому благоугодному делу больше наших прихожан — подвожу итог и заканчиваю наш разговор.

Иду в большой компании со своими.

— Ну, что Фатей, заметил что-нибудь необычного?

Помещик. Часть 2

— Да как, тут что заметишь? Все на Вас, только и смотрят. Больше, чем на попа. Женщины на Вас, а мужчины на Марию.

Вот, чёрт, моя не доработка. И на старуху, бывает проруха. Надо скромнее одеваться, а то "светимся", как светофоры — красным.

— Вот ещё — возмущенно фыркает Фёдор.

— Слушай Фёдор, может тебя на цепь посадить, вместо Рекса? От него толку, как из..... всё равно нет. Будешь, вместо него всех гадов гонять. Или может Марию сажай измазать, а её одежду забрать? — останавливаюсь на месте и всё мои тоже вокруг меня.

— Не надо, Дмитрий Иванович, не надо — испугалась Мария и почему-то встала на цыпочки.

— Тогда какого хрена, ты Фёдор, сцены тут закатываешь? Женщина и для этого тоже создана, чтобы ей и любовались. Кто у тебя Марию забирает — никто. Тех подонков, найдём и покараем. Всё, хватит и чтобы я, больше такого не слышал. А то поедете Вы у меня в...в... Гусь-Мальцевский, а может и ещё куда подальше — перевожу дыхание.

Идём домой, и я пытаюсь поймать на лицо несмелые лучики весеннего солнца.

Только поели, появляется адъютант Добрынина, Имеретинский Олег Петрович.

— Дмитрий Иванович, на завтра в 12 назначено заседание купеческого совета. Просят и Вас, прибыть.

— А Вы, Олег Петрович, не знаете в чём там дело? — вздыхаю я.

— Точно не знаю. Но, будет новый военный губернатор Дараган Пётр Михайлович и гости с Моздока.

— Вот как? Хорошо. Буду.

На следующее утро, как обычно проводим тренировку с палками.

— Так Мария, нападай и ты, Лиза тоже. Посмотрим, чему вы хоть научились за всё время? — команду девчонкам.

Девчонки, азартно пытаются достать меня, муляжами изогнутых сабель. Я чуть смещаюсь под левую руку Марии, прикрываясь ей от Лизы. Лиза в азарте пытается быстро оббежать Марию. Запутывается в юбках и падает. А потом садиться и плачет. Она, не сколько сильно ударилась, а от обиды. Я тут же бросаюсь к ней, становлюсь на колени, приподымаю и прижимаю девчонку к себе.

— Не плачь Лизавета, научишься. А чтобы тебе и Марии легче было, мы тебе штанишки пошьём — все равно плачет. Но уже и не так сильно. Главное, чтобы тренировки для неё, не стали ненужной обузой. — Если бы Мария не тренировалась, её бы похитили. А так, она сумела убежать — убеждаю ребёнка. Действительно, как в этой куче юбок можно тренироваться? Тут ходить-то надо осторожно.

— Но... штанишки — через всхлипы, Лиза. — Девушки такие не носят.

— А мы пошьём такие, что девушки носят. Юбку-штанишки. А вышивку на них ты сама себе сделаешь. Любую. Нитки я дам...красивые — успокаиваю ребенка.

На этом наша тренировка и закончилась. Девчонки явно заинтересовались будущими новыми тряпками. Мне же теперь достанется головная боль, как убедить Антонову пошить три юбки-брюки. Ох, будут ещё перья лететь.

Захожу в зал к Добрынину и...в общем много тут кого. Присутствуют Баташевы,

Белобородов, Ваныкин, Васильков, Володимиров, Воронцов, Ермолаев, Красноглазов, Ливенцев, Ломов, Лялин, Мескатинов, Молчанов, Платонов, Сапуновы, Сушкин, Трухинов, Федуркин и некоторые другие купцы. Весь купеческий цвет Тулы. Ого, значит дело серьезное.

Расселись, ждём. Появляется Добрынин, с ним два важных генерала пятидесяти лет, с ним такой же чиновник.

— Господа, хочу представить Вам, вновь назначенного военного губернатора Тулы Дарагана Петра Михайловича — Добрынин. Мы приветствуем. — А Николай Иванович Крузенштерн назначен военным и гражданским губернатором Орловской области — опять восторженные крики.

— Так же представляю Вам, Василия Ивановича Семёнова, действительного статного советника (это чиновник 50 лет) — тут тоже приветственные крики, и с чего бы вдруг?

Ловлю себя на мысли, что со всеми своими проблемами, я совсем "выпал" из общественной жизни города. Да, похоже, и страны тоже. Что вообще происходит?

После долгой "мишуры" наконец улавливаю общую тематику. Оказывается, наши купцы-молодцы преподнесли подарки и подали прошение царю на более интенсивное развитие Бакинских и Ширванских нефтяных промыслов. Получение оттуда нефтепродуктов, особенно керосина, и обеспечение условий транспортировки, непосредственно к нам. Обстановка, в военном плане, там была напряжённая. Постоянные набеги горцев и порча дорогого оборудования. Сжигали кавказцы и поселения рабочих, вместе с ними. Николай 1 согласился, но с одним условием. Туда будет направлен 7 легкая кавалерийская дивизия с Тулы, а тульские купцы должны её снарядить за свой счёт. Сейчас направляется только часть дивизии. По-моему в моей истории, такого не было? Хотя не сильно я и это помню.

Так как я, не совсем купец, но имею касательство непосредственно к этому делу, то привлекли и меня. Семёнов же непосредственно занимался этим на месте, вот и приехал обсудить все вопросы. Был сначала в столице, а потом с новым губернатором к нам.

— Главное Нобелей туда не пускать, да и всех остальных иностранных собственников тоже — высказываюсь, когда очередь дошла до меня.

— Позвольте узнать почему? — заинтересованно Дараган.

— Все полезные ископаемые должны принадлежать подданным России. Иностранцы, если хотят пусть покупают нефть на Петербургской бирже или другой.

Правильно, верно, говорит и другие слова одобрения от купцов.

— И всё-таки, почему Вы, так против? — генерал.

— Мы ещё не знаем, что ещё в этой земле есть. Мы не знаем, как много нефти надо будет и сколько это, будет стоить. Сейчас вот сделали лампу, и туда направляют целую дивизию. А что будет завтра? Сколько это будет стоить? А мы, отдай иностранцам просто так.

— Да, надо написать царю — и другие крики, в том же роде. Собрание постановило обратиться к царю с просьбой, о запрете допуска иностранных граждан к непосредственной добыче нефти на территории России.

Я мысленно погладил себя по голове...и не один раз, хоть генералы были и не в восторге от такого решения. Скривились, как будто съели один лимон на двоих. А вот Семёнов, наоборот радовался.

Потом, какой-то чиновник лет 30, не высокий с узкими плечами, чуть выющимися

темными волосами и рыжими усами начал обходить собравшихся. Пока отмечать, кто, что даст из снаряжения. Остальное соберут деньгами и докупят. С наличными деньгами у меня швах...начинается вторая волна кризиса. Все надежды, на продажу примуса и керогаза.

Чиновником оказался...я чуть не упал со стула, Лев Николаевич Толстой. Да, тот самый знаменитый граф Лев Николаевич Толстой. Надо как-то с ним познакомиться. А-то, прямо сейчас погреться ещё на Кавказ.

— Вы граф Лев Николаевич Толстой? — спрашиваю. Ну...ну не как, этот парень, не так уж много старше меня, не ассоциируется с великим писателем.

— С кем имею честь познакомиться? — смущается Толстой

— Мальцев Дмитрий Иванович — сообщаю.

Я быстро записываю, что предоставлю. Два седла, два пистоля (отдам старые Фёдора) и прямой палаш, он мне тоже не нужен.

— Скажите, а я могу Вас, пригласить к себе. На обед? — обращаюсь к будущему писателю.

— Меня?

— Приезжайте в среду, часа в 2 по полудню. Надеюсь, мой дом найдете?

Удивленный до крайности Толстой, не знал, что и ответить. Сейчас он, рассматривал меня, пытаюсь понять, кого же он видит. Я хоть и надел "английский" костюм, чтобы уж слишком не выделяться перед военными, но всё же он отличался от окружающих. Но, тут меня позвал Добрынин, отошедший в сторону от генералов.

— Если сочтёте возможным, приезжайте. Если нет, я не обижусь. Репутация у меня, ещё та. Извините — усмехнулся я и пошел на встречу Николай Николаевичу.

— Дмитрий Иванович, когда же Вы, наконец, выполните обещанное и предоставите нам, что-то другое? — глава.

— Назначайте на пятницу собрание Николай Иванович. Всё уже почти готово.

— Хорошо. Прошу Вас, так же прибыть ко мне завтра к 10. Нужно решить пару вопросов. А сейчас с Вами, хотят поговорить генералы.

Отхожу отдельно с двумя "тяжеловесами" в сторону. Адъютанты образовали полукруг, чтобы мы смогли спокойно поговорить. Представились друг другу поближе. Два генерала, а насколько они разные. Крузенштерн высокий худой с удлинённым лицом. Дараган, наоборот не высокий крепкий мужик, излишне располневший с бакенбардами, от чего его лицо приобрело форму шара.

— Скажите, Дмитрий Иванович, а чем Вам Эммануил Нобель не нравится?

Вообще-то мне и Эммануэль-Эммануил тоже не нравится. Но я, про Альфреда думал, а здесь какой-то другой? Та сколько же их тут, на одну бедную Россию? И что отвечать...а жажну на обум, вдруг попаду. На чём-то они же сделали состояние?

— В обще-то я о другом и... о аферах — а дальше смотрю на генералов. Жду, что скажут. Может, за что и зацеплюсь.

— Да не красивая история с Робертом Нобелем. А Вы, откуда знаете? — насупился Дараган и переглянулся с Крузенштерном.

— Ну.... я же Мальцев — произношу, а сам думаю, это куда же я опять влез. Опять генералы родиной торгуют? А главный Нобель-то где?

— Можете идти — Крузенштерн подхватил Дарагана под руку и потащил к купцам, что-то ему выговаривая.

Дальше я банально сбежал с этой тусовки тщеславия. Рабочие вопросы закончились,

пойдет обычная пьянка, названная как-нибудь красиво. Потом часть "общества" куда-нибудь потянет, типа кабака или бордель. Не хочу, лучше я к Антоновой заеду.

— Как Ваше здоровье, Анна Ильинична? — улыбаюсь я при виде красивой женщины. Возможно, я "плохо" влияю на людскую натуру этого общества. В нарядах Антоновой стала появляться какая-то форма, подчёркивающая фигуру и меньшее количество одежды. Похоже, мои слова — "ходите, как капуста, напавив на себя, всё что можно и что нельзя" заставили её задуматься. Будем надеяться, что не обиделась. Я хоть и сказал это в шутку, но потом переживал за свою не сдержанность.

— Ну как? — после приветствия проговорила она.

— Ты и так красивая, а так ещё намного лучше — искренне отвечаю я.

— Не подлизывайся, опять с чем-то...этаким пришел — и "лисичка" щурит глазки.

Объясняю ей свою проблему на счет женской юбки-брюки и получаю категорический отказ.

— Послушай Дмитрий, да меня попы и общество со свету сживут за такое. Ты этого хочешь?

Доказываю, привожу примеры у других народов, тщетно. Чуть не рассорились окончательно. Мой напор, на всех моих партеров по бизнесу, их всех пугает. Но мои деньги, которые я щедро плачу за их работу, и прибыль, при продаже предложенных мной изделий, всё перевешивает. Как говорят, что нельзя сделать за большие деньги, то можно за очень большие. Посещение салона Антоновой выросло в несколько раз. Возможно и прибыль, а заодно и долгов окружающих. Сошлись на том, что пока она сошьёт куклам и выставит для пробы.

— Теперь я понимаю, зачем тебе нужны были куклы. Ты хочешь — она не успела договорить, как я оказался около её и начал целовать.

— Ты...ты несносный — чуть только я оторвался от губ, выпалила она.

— Нет, я добрый, я милый и пушистый. Кстати, я скоро поеду в Москву. Что тебе привезти? — подлизываюсь к рассерженной портнихе.

— Я подумаю — уже не так грозно Антонова.

— А как у нас обстоят дела с куклами?

— На них одежду шить, оказалось ничуть не легче, чем на людей.

— И когда будет готово? И во сколько стал наряд?

— На следующей неделе. Одежда для них будут стоить рублей 15–20.

— Отлично. У Луки тоже около 15–17 рублей. Пусть ещё берестяные коробки сделает. Туда их и будете упаковывать. Я думаю, что можно по 100 рублей ассигнациями продавать. Дайте мне одну на подарок в Москву.

— А почему у Луки так дорого?

— Ну и у тебя, тоже не дёшево. Понимаешь, дорогая. Там краски и некоторые инструменты, очень дороги. Лак от немцев, своего пока нет вообще никакого. Может, что к лету и придумаем — вздыхаю я.

Дальше мы больше пикируемся, и я пытаюсь, "растопить" оставшийся холодок от тяжелого разговора.

— Так, когда же Вы, Анна свет Ильинична, меня навестите?

Нет, что-то или случилось у моей "принцессы" или встала она "не стой ноги". Или я переборщил, с юбкой-брюками?. Несолёно хлебавши, отправляюсь домой.

Дома перебираем запасы с дедом Иваном и Марией. Часть сразу откладываю для отца

Василия, как обещал. Завтра их Савва отвезёт.

В кабинете у Добрынина расположились шесть человек, один из которых я. Мы выслушиваем своеобразный доклад Семёнова, о положении в нефтеносном районе. Питаемся разобраться, а главное понять, что нужно сделать для увеличения производства керосина.

— Производство керосина не растёт и из-за того, что только треть, его можно добыть из каждого ведра нефти — Семёнов.

То есть как треть? Это выходит... а куда же они остальное девают от производства и перегонки?

— Секундочку — прерываю доклад Семёнова, который перешёл уже на сравнение в деньгах. — Я так понимаю, вы берете только треть от нефти, а куда используете остальное?

— Ну, бензина немного продаем в аптеки, а остальное выливаем. Соляровое масло, используем немного для розжига, остальное тоже выливаем — немного удивился моему вопросу Семёнов.

— Пипец — вскакиваю я — Вы что, выливаете такой ценный продукт, как бензин и солярку и всё остальное?

— А что нам прикажите, со всем этим делать? — осторожно Семёнов, явно почувствовавший "запах" денег.

— Всё везти сюда — даю категорический ответ. — Бензин отдельно. Керосин отдельно и все остальное тоже.

Похоже, я со своей эмоциональностью подвёл своих купцов. Сейчас, Семёнов, начнет им "руки выкручивать" на цену за свои услуги. Сижу, дальше только слушаю и не вмешиваюсь. Оказывается торговля не мой "конек", может себе торгового агента завести?

— Перевозка бензина из-за его свойств, представляет серьезные трудности — опять начал Семёнов.

— Я предлагаю начать у нас производство многоразовых емкостей из кровельного железа — влезаю опять.

— Это каких? — оживляется Черников Никита Иванович, являющийся потомственным почетным гражданином Тулы и владельцем металл заводика. Почетные граждане, как и купцы, освобождались от телесных наказаний, но только они имели право ездить по городу в карете "парою и четвернею", иметь загородные дворы и сады, а их внуки, при условии сохранения беспорочности, могли "просить дворянство". Он только недавно присоединился к "нефтяной мафии", которая почувствовав запах больших денег, образовало общество "Тульский Свет".

Это общество уже успело "наложить лапы" на весь привозимый керосин и нефть в Тульскую губернию. Думают строить перерабатывающий заводик рядом с Тулой. Не последнюю скрипку там играл Добрынин и почетные граждане. Я туда не вмешиваюсь и даже не пытаюсь что-то "поймать" в финансовом плане. Там как говорится "ещё конь не валялся", а вливания капитала туда надо будет очень немалые.

— А вот таких — и рисую квадратный бочонок с двумя боковыми ручками.

— А внизу, зачем сужено? — Семёнов.

— Это чтобы ставить один на другой, и они плотно стояли — отвечаю.

— Но круглые, легче и дешевле делать? — Черников.

— Легче, но не выгоднее — я опять рисую две телеги сверху и объясняю принцип загрузки.

После долгих споров, сошлись на компромиссе в ёмкостях на три ведра. Они хотели больше, но я сумел переубедить, хотя сам предлагал в два ведра. Это получается 36 литров, молочный бидон. Вот так да! Потёр я голову, от такого совпадения. Ничего особо интересного дальше я не услышал, а на прощание пожелал Семёнову успехов со словами. — Вы, уважаемый Василий Иванович, пройдите по нашим лавкам, увидите много нового и полезного.

Теперь надо подумать про ручной насос для бочек. Несколько штук есть, и в старой книге, про Древний Рим, которую я купил в Москве.

Дома, остальное время доделывали примус и наконец-то довели его до демонстрационного образца.

Глава -2.

Я сижу за празднично накрытым столом и читаю письмо, подписанное Л.Н. Толстым. В нём меня извещают, в вежливой и витиеватой форме, что "прибыть, никак не могут". Но вот и первая ласточка прилетела, от моего плохого отношения с местным дворянством. Перечитываю пару раз. Ну что же будет "подарок" потомкам и историкам. Надо сохранить. Жаль, жаль, что не пришёл.

И что мне теперь делать с продуктами, уставленными на столе? И так с деньгами проблемы. Хотелось принять будущего знаменитого писателя нормально... но не судьба.

Пока я придавался размышлением, пришел другой гость. Не то что я бы не ожидал его, но не так быстро. Им оказался настоящий полковник, Шварц Сергей Павлович. Одетый, в синий с тонкой полоской гражданский костюм. Не захотел менять любимый цвет или что-то другое?

— Проходите, Сергей Павлович, как раз к обеду успели.

— Хороший у Вас стол, Дмитрий Иванович.

— Да нет, Сергей Павлович, дата у меня небольшого дела, вот и отмечаю. Зато у Вас, новый костюм... Главное чтобы костюмчик сидел — вспоминаю знаменитую песню.

— Ну вот посмотрел на Вас... Решил и себе сшить. Как?

— И когда же это Вы, только успели? — настроение почему-то с отметки минус, резко меняется на плюс.

— Да вот, как только на Вас... посмотрел — и отвернул полу пиджака, и показал, там тоже находилась мариэтта.

— Неплохо — констатирую я.

Дальше мы просто обедаем, наслаждаясь едой. Обсуждаем разные новости и сплетни. Не знаю как Шварц, а я остался доволен. Может и хорошо, что Толстой не пришёл. После обеда, когда Лиза убрала со стола посуду, и мы пьём кофе.

— А помогите мне в одном деле, Сергей Павлович.

— Слушаю.

Рассказываю историю с нападением на Марию.

— Вот, не можете Вы, Дмитрий Иванович, без происшествий жить — усмехнулся жандарм.

— Да нет, это они без меня не могут — парирую ему.

— Доходили слухи, что этим занимается некто Качуков. Но как Вы сами понимаете — слухи. Они похищают красивых и незнатных девушек и переправляют для неофициальных борделей.

— И что у нас такой есть?

— Есть, на Рубцовой.

— И почему Вы, его не "прихлопните"?

— А основание?...Таких девушек держат в других борделях, за городом в частных владениях. И девушки с далёких областей, чтобы некуда было бежать или вообще за границу переправляют.

— И что, так мириться?

— По слухам...за Качуковым, стоит один из рода князей Долгоруковых. В городе его прикрывает становой пристав Юмашев. Я сомневаюсь, что даже в неофициальном борделе, мы вряд ли что найдём. Связываться с Долгорукими... до бога высоко, а до царя далеко. Да и местные власти... с этого тоже неплохо имеют.

— Понятно — хотя мне не хрена не понятно. Почему я должен мириться с воровством своих людей. Но это, скорее всего звенья одной цепи. Меня убивают и всё тут раздёргивают. Чёрт. Вспоминаю, что когда-то смотрел документальный фильм про Крымскую войну, и там приводились интересные факты.

В 1804 году только классных чиновников числилось в России более 13 тыс., в 1850- м- 72 тыс. Только при Николае I коррупция стала считаться нормой, и высшие чины получили иммунитет. Дело доходило до смешного: в середине XIX века министр юстиции (!) граф В.Панин дал взятку в 100 руб. судейскому (!) чиновнику, чтобы вполне законное дело его дочери о получении наследства после смерти бабушки прошло в нормальные сроки, не затягиваясь.

В конце 1840-х Николай I приказал жандармам исследовать, кто из губернаторов не берёт взятки вообще, даже с откупщиков. По справке таковых из более чем пятидесяти оказалось всего двое: киевский И.Фундуклей и ковенский А.Радищев (между прочим, сын известного революционного просветителя).

Пензенский губернатор А.Панчулидзе, с надбавками получавший 8632 руб. (обычный губернаторский годовой оклад со столовыми составлял 3432 руб.), прославился не только феноменальными взятками, но грабежом (в буквальном смысле слова). В начале 1840-х чембарский откупщик как-то позамешкался с доставкой "положенного" и был потребован в Пензу. Опасаясь ехать сам, он послал своего сына с 1000 руб. и с извинением, что в настоящее время денег нет, но что оставшаяся тысяча будет доставлена в непродолжительном времени. Панчулидзе бросился на парня, опрокинув его на пол, и сам выхватил у него из кармана бумажник, забрав оттуда все деньги. Никаких последствий для грабителя от этого не было.

Архангельский гражданский губернатор В.Фрибес, по словам мемуариста, "взяточником не был, а получал у откупщика ежегодный подарок — тысячи три или четыре тысячи серебром. Тогда большая часть губернаторов в России брала с откупщиков деньги". Тот же Панчулидзе с 12 бывших в губернии откупщиков получал по 2 тыс. ежегодно, то есть 24 тыс. руб. в год.

Отношение к воровству и взяткам у "государева ока", каковым являлись губернаторы, было простым. Нижегородский Анненков сам вроде бы не "брал", или, по крайней мере, не выделялся на общем фоне, но покровительствовал нескольким недобросовестным подрядчикам, а когда однажды министр финансов заметил ему: "Как вам не стыдно просить

за заведомых мерзавцев?", Анненков ответил: "Мы все мерзавцы, ваше высокопревосходительство".

Из Псковской губернии жандармский майор Деспот-Зенович сообщал в 1845 году, что губернатор Г.Бартоломей требовал от одного из полицмейстеров, "чтобы он платил ему ежегодно пять тысяч рублей ассигнациями". А нижегородский председатель казённой палаты Б.Прутченко "ежегодно отправлял в Петербург чиновника с надлежащим приношением начальству и, само собой разумеется, что за такое приношение начальству он получал право сводить очень прибыльные для себя счета с винным откупщиком и другими лицами, пробавляющимися около казённого сундука". Согласно жандармскому донесению, Прутченко в итоге "составил значительное состояние, тысяч до четырех душ крестьян", приобретая их на имя своей сестры.

При Николае I, всецело доверявшем военным и не любившем чиновников, губернаторы и министры почти поголовно назначались из военных генералов. Огромный процент военных был и на других местах. Так, из 326 человек, состоявших в Тамбовской губернии в 1834 году в должностях председательствующих и членов уездных присутственных мест, 268 (82 %) были отставными военными. В Калужской губернии отставные офицеры занимали 68 % мест в присутствиях.

— И почему государь ничего не делает? — вырвалось у меня.

— Ну почему не делает. Но вот пример Казарского, многих не вдохновляет. Его через два года после знаменитого боя царь взял в свиту и... стал посылать с ревизиями по России. А потом в 1833 году отправил его на Черноморский флот с ревизией в хозяйство адмирала Алексея Самуиловича Грейга, который рулил тогда и флотом, и портами Чёрного моря, и всем казённым кораблестроением. Визит этот очень быстро кончился отравлением ревизора и его мучительной смертью — Шварц. — Потом разослал в губернии доверенных сановников для производства строгой ревизии. Вскрывались ужасающие подробности; обнаруживалось, например, что в Петербурге, в центре, ни одна касса никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись заведомо фальшиво; несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести. В судебных местах император нашёл два миллиона дел, по которым в тюрьмах сидело 127 тыс. человек. Сенатские указы оставались без последствий подчиненными учреждениями. Губернаторам назначен был годовой срок для очистки неисполненных дел; император сократил его до трех месяцев, дав неисправным губернаторам положительное и прямое обещание отдать их под суд.

При вскрытии фактов мелкого взяточничества со стороны крупных чиновников последних, как правило, снимали с поста, не возбуждая уголовного преследования. Так, псковский губернатор Бартоломей вымогал взятки по несколько тысяч рублей от подчиненных ему чинов. За эти и другие злоупотребления был уволен с поста и вообще исключен со службы в 1846 году — без суда и указания причин. Аналогично за злоупотребления был уволен губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт — в частности, он ввел новые местные налоги, и часть этих налогов, как установила ревизия в 1845 году, пошла на фиктивные расходы. Но судебному или уголовному преследованию он не подвергся.

Иным был подход к крупным хищениям. Так, в начале 1850-х годов все члены Комитета о раненых, включая председателя его канцелярии А. Г. Политковского, были преданы суду — когда выяснилось, что они украли 1 миллион рублей. Однако они и ранее в течение ряда лет присваивали мелкие суммы, но это оставалось незамеченным.

От его рассказа у меня волосы становились дыбом. Нет, без 200 грамм, такое слушать

просто невозможно. Поэтому, мы на короткое время прервались и отдали должное коньяку с кофе.

— Скажите, Сергей Павлович, а почему Вы мне это все рассказываете? — задак мучивший меня вопрос.

— Ну, я не думаю, что для сына Мальцева это большая тайна. К великому сожалению, проблема и в низком уровне образования. Из 48 губернаторов, на которых сохранились формулярные списки, домашнее образование имели 30 человек, среднее (кадетские корпуса и гимназии) — девять и высшее — девять. Естественно, что губернаторы, а иной раз и министры, есть не слишком компетентны в делах управления. Но если верх бюрократии, губернаторы, поголовно потомственные дворяне, генералы, не отличались высоким уровнем образования, то что же говорить о низшем чиновничестве? В палате уголовного и гражданского суда Московской губернии из 144 чиновников три человека окончили университет, шесть — кадетские корпуса и один человек не закончил курса в Медико-хирургической академии, пятеро закончили полный курс гимназии, 12 воспитывались в духовных училищах, а остальные 117 человек имели домашнее образование или не имели никакого. И это в высшем судебном губернском учреждении столичной губернии! — с болью в голосе жандарм.

— И что, нечего нельзя сделать? — накидываюсь на полковника.

— Предложите. Говорят Вы, богаты на придумки. А вот с образованием и у Вас, тоже есть проблемы — сначала спокойно, а потом язвительно, полковник.

— Хорошо, я подумаю — прав Шварц, на все сто.

После ухода Шварца, и от его таких рассказов, делать уже ничего не хотелось. Поэтому занялся самым "полезным" делом. Завалился на кровать почитать Тульские губернские ведомости. Газета выходит по пятницам, но мне было не досуг раньше. В обращении к читателем сказано, что годовое издание составляет 52 номера. Годовая подписка обходиться тулякам в 15 рублей ассигнациями и "Прибавление", еще 10 рублей. Подписка открыта во всех гражданских и земских полициях. Они обязаны принять следующие с подписчиков деньги, доставить губернскому правлению сведения о том, куда каждому из них Ведомости должны быть доставлены и на чье имя. Особы, живущие в губернском городе, могут получать их прямо в типографии.

У меня за этим следил Гриша, который ходил в типографию.

По "Положению" от 1837 года газета разделялась на две части: официальную (постановление, предписания и казенные объявления). И "Прибавления", которые издавались отдельно друг от друга, с самостоятельной нумерацией листов и возможностью раздельной подписи. Тут печатались неофициальную (известия и частные объявления). За частные объявления устанавливалась плата 1/4 до 1/2 копеек за букву.

Вот они-то, в данный момент, меня и интересуют. Читаю объявление — "очищение воды горьким миндалем". Вот значит, не один я понимаю значение чистой воды. Очень хорошо, хотя не знаю насколько это эффективно. "Способ сохранить долго яйца свежими", "способ предохранять пиво от закисания" — ну это нам без надобности. "Излечение водяной болезни посредством втыкании иголки в брюшную стенку" — по-моему, сомнительное лечение. "Способ делать из негодных шкур и кожи непроницаемую бумагу и картон" — а вот это уже интересней. Надо найти автора, посмотреть и узнать, сколько денег за это хочет. Если конечно, это не туфта. В Европе картон делают с конца 16 начало 17 века, у нас с этим делом похуже.

Но вот если всё же можно будет получить водонепроницаемый картон, то можно наладить небольшую партию патронов. Конечно, пока только для себя, с соблюдением тайны. Иначе промышленники Европы, наштампуют их намного быстрее и лучше. А мы получим бойню наших солдат.

В четверг, наконец, доставили заказанную проволоку от немцев. Тут уже давно и вовсю крутили канаты из пеньки и заказать мини машинку не составило труда. Гольтяков, пообещал сделать хорошую машинку, с автоматической натяжкой за неделю. Я заказал её с расчетом плетения от 3 до 6 нитей за раз и толщиной до двух пальцев. Тут главное правильно отрегулировать натяжку при плетении, тогда нити будут ложиться ровно. Последнее время Николай Иванович, превратился для меня в "придворного" мастера, к которому я часто обращался по разным вопросам. К его брату, мы договорились сходить после моей поездки в Москву.

В полдень пятницы мы собрались у Добрынина. Общество "Тульский Свет" в полном составе и я "сбоку припёка". Солидная компания, 28 человек. Сначала рассказываю про керогаз, тут поняли сразу. Проблем не возникло. Пришли к согласию, что много брать не будут, но выпускать надо. Примус вызвал больший интерес, особенно следили, как я накачивал насосом. Потом подлил спирта и в конце разжёл.

— Ну что же, это хорошая вещь, и мы будем её выпускать — подвёл итог Добрынин. Его избрали председателем общества. — Но возникла проблема, Дмитрий Иванович, нет денег.

— То есть как? — вырвалось у меня.

— И Вы, в этом виноваты не меньше — Иван Ломов.

Они что, белены, объелись или с ума сошли? Обвожу всех собравшихся взглядом. Может они меня "кинуть" решили? Хотя какой смысл?

— А подробней можно? — прихожу в себя через несколько мгновений.

— Сейчас большая часть нашего произведённого товара находится в Лейпциге на ярмарке. Оттуда тоже привезут в основном оборудование, инструменты и только часть товаров — Черников.

— Не Вы ли, Дмитрий Иванович, нам постоянно твердили: надо модернизировать производство, покупать лучшие инструменты и оборудование — Морозов.

— Стоп господа. Это всё правильно, но что Вы, заплатите мне? — надо было сначала договариваться о цене. Вот я баран.

— Восемь тысяч. По четыре тысячи в месяц — Добрынин.

— Я ожидал большего.

Дальше мне принялись рассказывать о вложении своих капиталов. Получилось действительно солидно. Только на Лейпцигскую ярмарку они отправили 500 подвод доверху забитых товаром. Скупили весь керосин, до которого могли дотянуться и тоже отправили. Налаживание контактов с Моздоком, Нижним Новгородом и Коломной по доставке керосина, тоже влетит им в копеечку. Постройка дополнительно судов, бочек и много другого.

— А сколько производится керосина? — задаю вопрос.

— Точно не знаем, но 10 тысяч пудов, в прошлом году было — Баташев.

С учётом один к трём, плюс ещё немного тонн 60–65 всего переработали.

— А чего так мало? — задаю резонный вопрос.

— А кому он раньше был нужен, в таких-то количествах? — Ломов.

В принципе резонно. Действительно, сколько там его аптеки купят?

— А что Вы говорили про бензин прошлый раз? — Черников.

— Вот Вы везите, а потом поговорим. А то мне не нравится с оплатой — парирую ему.

— Так нехорошо, Дмитрий Иванович. Всё-таки мы же решили быть все вместе — Добрынин.

— Но и Вы, платите мне мало. И это с учётом того, что большую часть денег я оставляю в Ваших же мастерских.

Препирательство длилось долго, но купцы меня прижали. Вот мне наука будет! Надо с ними торговаться в присутствии Мальцева. Пришлось им рассказать про "Зиппо", еле сошлись ещё на 6 тысячах.

— Вот не надо нагнеть. Сейчас Вы, переделываете кремневые пистолеты, на капсульные. Это казенный заказ и за него вы уже получаете деньги. Вот и пойдёт оттуда эта часть, двойная выгода.

Ещё я выбил с них обещание не привлекать меня к снаряжению войск в Моздок. Обсудили и некоторые другие вопросы.

— Вот видите, Дмитрий Иванович, какие у нас большие расходы. Так же в городе летом запланировано большое строительство, в частности здание банка. А Вы жалуетесь, что вам денег мало... Мы надеемся и на дальнейшее сотрудничество — на прощание Добрынин.

— А Вы мне партию зажигалок, не забудьте — "вернул" ему любезность, помня рассказы Шварца.

Глава -3.

— Кеша, Кеша, хороший — зову соболя, с которым я почти подружился. Он и до этого, наверное, был ручной, поэтому смена хозяина его сильно не испугала. Да и кормил я его лучше. Постоянно подкладывая сало, косточку и подливая, молока в глиняную поилку. Для него готова длинная и тоненькая цепочка, которая позволит путешествовать вдоль закреплённого тросика. Ну не знаю, как получится на практике, но ничего более "умного" я не придумал.

— Трофим, как ты смотришь поменяться с сапожником Давыдовым участками и домами? — дождавшись соседа коровы с теленком, спрашиваю.

— Нет. Не хочу. Тут я корову выгоню и мне её видно, а так придётся самому пасти.

Ничего не дал разговор и с другими соседями рядом, почему-то все находили какие-то отговорки. Что-то тут явно не чисто? Но я всех заранее предупредил, чтобы до конца месяца забрали животных, а на следующую зиму и не рассчитывали.

Пришлось идти, напротив, через дорогу. Но там надо скупать два участка, которые после жёсткой торговли обошлись в 300 рублей. Согласился, с отсрочкой переезда хозяев и что они разберут и заберут свои дома.

Тут я сунул два червонца Обновену, предоставил ему для поездок Савву с Фёдором, и пусть оформляют участки на меня. Увы, но против той коррупции, которая существовала сейчас, переть было бесполезно. Но тут упёрся опять Давыдов, что это дорого и он не сможет их отработать. Сошлись, что я построю мастерскую, а он будет управляющим. Но что же, похоже, что сапожник сам себя перехитрил? Или я себя тешу иллюзиями? С другой стороны под моей "крышей" ему не надо будет платить налогов, да и в остальном спокойнее и безопасней. В общем — мрак и ужас. Куда я лезу? Я же хотел холодное оружие выпускать, а занимаюсь чёрте чем. А время идет, уже скоро весна 1849 года.

К концу субботы, я вымотанный этой нервотрёпкой, решил расслабиться. Сначала

помыться, выпить сто грамм коньяку с кофе и почитать газету. Только настроился, забегает Лука с берестяной коробкой и кричит с порога.

— Есть, Дмитрий Иванович, есть.

— Стой Лука. Кто есть? — и тяжело вздыхаю, понимая, что мои планы откладываются.

— Куклу продали князю Вадбольскому. А я не верил — опять радостно воскликнул плотник и передаёт мне коробку.

— Ну а ко мне ты чего прибежал?

— Ну, так...хорошую новость сообщить и вот.

— Ну, так...раз пришёл, и я тебе тоже новость сообщу. Садись — перекивляю его. Открываю коробку, а там не плохая деревянная кукла в платье расшитым бисером. — Я так понимаю это мне, как я и просил? Очень хорошо. А долг ты принёс?

Ну...скоро отдам — Лука осторожно сел, и наверное уже пожалел, что пришёл.

— Раз процесс пошёл, то скоро и отдашь и не только это. Ты с фанерой знаком?

— Это ту, что в Курляндской губернии везут?

Примечательно, что практически все изобретатели первых станков для получения шпона — основного сырья для производства фанеры — так или иначе были связаны с Россией. Первую модель лущильного станка в конце XVII создал инженер-механик Сэмюэл Бентам, ранее служивший Екатерине II по приглашению князя Потемкина. Другое дело, что это не носило массовый характер, и была она по-прежнему дорогая.

— Она самая. Вот и подумай, как бы нам тут такое сделать. Поспрашивай. Второе, весной и летом начнется большое строительство в Туле, так что начинай "подгрести" под себя лучших и толковых мастеров...И, каменщиков, тоже.

Озадаченный, глава моей плотницкой артели пошёл домой. Пора и мне подумать как с дельцами из "Тульского Света" рассчитаться, а не только им меня накалывать.

В новом выпуске газеты увидел статью на критику Герцена. Стоп, это же его "Колокол" гадил России. А тут у него осталось именьице где-то под Москвой, с которого он не стеснялся требовать и получать доходы. По-моему, даже кого-то и из западных банкиров к этому подключил или они воспользовались ситуацией? Конечно, во многом он был прав. Но почему он, во многом критиковал только царя и самодержавие и почти не трогал дворян?

После церкви снял с Семёна швы, но настоял, чтобы он не сильно двигался от радости, а больше лежал. Я же не профессиональный хирург, так пришлось пару раз. Рана зажила хорошо, в этом случае можно сказать, отделался лёгким испугом.

В понедельник, во второй половине дня еду в Москву на встречу с Мальцевым. Теперь поездка более приятная, мороз немного спал. Градусов 10, не больше. С собой взял Ремеза, пусть парни по очереди ездят. Да и Савву в пути поменяет. Расстояние чуть меньше 200 километров преодолели, за 18 часов. Я успел вздремнуть в пути.

— Дмитрий, что ты делаешь? Почему на тебя дошёл донос до самого государя? — это были первые слова, которыми встретил меня Иван Акимович в своём кабинете с горящим камином и самоваром на столе. — Наливай сам себе.

— Вам два подарка — передаю куклу и меховые сапоги. — Ого. и что там доносят? — оказывается я знаменит. Вот только, никакой славы мне в Санкт-Петербурге не надо. Ни хорошей, ни плохой.

— Ты всем трубишь про большую войну. Уймись, это приказ. Война...это и проверки, а там... такого могут обнаружить — строго Мальцев. Помолчал. — Что ни тебя, не меня могут и не пожалеть. Понятно.

Вот об этом, если честно, я и не подумал. Ровно было на бумаге, да забыли про овраги.

— А вот за подарки спасибо. Сделай ещё только очень хорошую куклу, я государю подарю.

— Вы что, тоже мне не верите? — набычился, я и скрестил ноги под венским стулом и пью горячий чай со стакана с подстаканником. Хотя я уже и понимаю, что Мальцев прав.

— Я может и верю, но царь нет... И другие почти все, что на нашем Олимпе, ему это твердят. Потом ты, сквернословишь и употребляешь непонятные слова. Смуту вносишь. Метр свой съешь, когда уже есть утверждённые меры. В общем, всё написали. Хорошо, что я с императором в хороших отношениях и сумел его убедить в твоих... инженерных талантах...а он, это любит. А то.... не миновать тебе Сибири.

— М. да? — только и остаётся вымолвить мне.

— Я привёз тебе чертежи станков Нартова, чертёж Ползунова и привилегию Загряжского. Вот тут описание механизмов Вильяма Хэнкона, Стирлинга и Пепена — и подаёт мне в кожаной папке. — Посмотришь и через две недели приедешь и сообщишь свои мысли, поэтому поводу. Может что хорошее подскажешь. Ко мне приедет мой друг Павел Петрович Мельников, целый генерал-майор. Смотри у меня...думай что говоришь — стучит пальцами по столу. — Вот с ним и обсудишь. Он человек разносторонних взглядов, в Америке был. Что сможешь предложить про паровоз и дорогу — чуть усмехнулся.

Что-то я начинаю чувствовать себя не очень. Как-то меня все тут вдумчиво и цинично используют, не особо заботясь, хочу я этого или нет. Денег им всё мало с... А с другой стороны, у меня, что есть выход? Сам я тут... много не навоюю.

— Ты знаешь, что было две попытки проникновения в камеру для стекла? — отпив чая, и чуть прищурился Мальцев.

— Неужели? И что? — я ошарашен такими вещами.

— Вовремя успели, да и ванна закрыта. Подкупили рабочих. Дознание идёт...Пришлось увеличить охрану, поэтому на отряд не рассчитывать. Разве что Синицына. А то хватку терять начал. Вот пусть и проветрится. Хватит сердиться. Я вон тебе, тоже, разных подарков приготовил, поедешь домой заберешь — и хитро так улыбается.

— Хорошо — вот как можно на него сердиться? Вот чего- чего, а на это Мальцев для меня денег не жалеет. — Но, а бельгийские прядильные машины для шерсти или французские для льна и швейные английские, Вы закупить мне можете?

— Что, для купчихи стараешься?

Обговариваем ситуацию и что мне ещё нужно. Передаю чертёж чернильной ручки, перо из тампака (медь и 10 % цинка), на которое я затратил не мало времени. Чертёж чернильницы-непроливайки.

— Ты знаешь, Дмитрий, а вот эту часть будет очень сложно сделать в массовом количестве — показывает на цилиндр с поршнем. — А ты ещё написал, со стекла. А это.... что за канавки?

— Тут постепенно поступают чернила из резервуара. А из стекла, иначе ничего видно не будет. Да и подделать в другом случае будет легко.

— Ничего. Поспрашиваем мастеров и ювелиров, пусть думают. Но дорогое получится удовольствие, слишком много тонкой работы.

— Надо машины использовать и штамповать детали — опять подвожу к модернизации производств.

— Это понятно. Для чего я ещё тебе чертежи передал. Не надо считать, что только один

ты, это понимаешь. Что ещё у тебя?

— А можно узнать, что это? — и показываю свой тёмный камешек.

— М... тоже не знаю, он же не обработанный. Завтра, съездим к ювелирам и узнаем — рассматривая камешек со всех сторон Мальцев.

— А цинских (китайских) торговцев у Вас знакомых нет? А то я хочу у них собак заказать.

— У цинцев (китайцев)? Собак? — изумился Мальцев. — И что, хорошие собаки?

Рассказываю про мастиффов, ну как я их видел по телевизору. Мальцев тоже заинтересован. Тут хорошие собаки ценятся дорого, а тем более редкие. Да я ещё расписал их во всей красе.

— Хорошо, придумаем... что-нибудь до твоего следующего приезда.

Дальше уже разговор был ни о чём. Я больше слушал, попивая чай, а Мальцев рассказывал про жизнь в столице. Остальные вопросы отложил на завтра.

Не смотря на две жаровницы и подсыпание ночью углей, толстую перину, я замёрз. Дальнейшее желание ночевать в этом доме у меня пропало, окончательно и бесповоротно. Савве с Ремезом в комнате среди слуг, было наверно теплее. А может и среди служанок.

Позавтракав заехали на Тверскую, к ювелиру Ивану Губкину. Знакомому Мальцева. На Тверской улице, народу...как в Москве. Кареты, повозки и возки. Все куда-то спешат, что-то тащат. Деловая суeta, тут у народа просто зашкаливает. Я как-то и отвык, от такого количества населения разом. Да ещё и на меня пялятся, шапка с курткой им покоя не дают.

— А что, хорошая у тебя одежда. Надо и себе такую куртку пошить — констатирует Мальцев.

Похоже, тонкий намек на толстые обстоятельства. Придётся подарить...в "рекламной цели", так сказать.

На первом этаже был ювелирный магазин, где Мальцева знали. Его встретили, что называется с "распростёртыми объятиями". Мы прошли на второй, в мастерскую. В комнате находились ещё три мастера и два подростка. Тут было довольно много разных механизмов, что меня приятно поразило. Большие окна с иностранными стёклами и тяжелыми синими шторами. Несколько разнообразных ламп, как керосиновых, так и Аргандовых, подсвечников с разной толщиной свечами. Самовар. И полка, с разными подозрными трубами. И для чего им столько?

После приветствий, пожилой мастер, который до этого только наблюдал за другими, сел за шлифовальный станок, ножного действия и сделал аккуратный срез.

— Жад, на востоке зовется Юй — посмотрев в самую настоящую лупу, произнёс он.

Хоть одна хорошая новость оказалась. Насколько помню, раньше жадом назывался нефрит и все сопутствующие ему группы. А самый дорогой это прозрачный. То-то мне показалось, что он тепло держит. Что я помню? У нас его добывали где-то под Челябинском, в Саянах и в Польше. Надо повспоминать. Ну, держитесь китайцы. Я с вас всё, что мне надс вытряхну... Вот, только осталось мне самому найти, откуда этот нефрит теперь "вытрусить".

— А Вы, не можете узнать, где в Польше и у нас добывают нефрит? — садясь в возок Мальцева, обращаюсь к нему.

— Я думаю это не проблема. К твоему следующему приезду узнаю — и как-то странно посмотрел на меня.

— Вы знаете, Иван Акимович, я прихожу к выводу, что смысла перестраивать Ваш дом на Екименке, нет. Лучше найти подходящее место и построить нормальный дом, и не такой

большой.

— А куда мне размещать родственников и гостей?

— Построить или купить гостиницу.

— Неожиданное предложение. Подумаю.

По пути заскочили в известный мне книжный магазин, где я приобрел один из томов Андреа Палладио изданный в 1570 и переизданный в 1790 году. Их четыре тома об архитектуре, но был сейчас только один. Обошёлся в 60 рублей. Но в нём было много гравюр и рисунков. Особенно мне нужны были схемы фундаментов зданий.

— Молодец — одобрил мой выбор Мальцев.

Говорить на тему Герцена, посчитал преждевременным. И так ему видать за меня "несладко" пришлось. Действительно надо быть осторожней со словами.

— Это что, всё мне? — смотрю на два полных грузов везов. Я уже сменил свою куртку на огромную и длинную альмавиву на медвежьем меху. Да этого меха тут на две куртки хватит. Хотя нет, оставим, иногда и "официальный" стиль нужен.

— А что тебя удивляет? Да у тебя даже сидеть негде — Мальцев.

— Вот Вы и решили подкинуть мебель из красного дерева?

— А что, разве плохо? — теперь удивляется он.

— Очень шикарно для моего дома.

— Будем надеяться, что ты это и сам уже понял.

Дальше мой маленький караванчик из трёх повозок, потянулся в Тулу. Одной управлял Ремез. Я взял только одного возницу у Мальцева, Авдея. Со мной он и вернётся, через две недели. Брать ещё одного, содержать и поить, у меня совсем нет желания. Выехали в обед и только к вечеру следующего дня добрались домой. Кони и люди отдохнули под утро, я сам покараулил три часа, прыгая вокруг костра.

Дома разгрузка подарков заняла немало времени, особенно много возни возникло с мебелью. Я не хотел заносить её сразу в тепло, боялся, что потрескается лак. Нескольким рулонам тканей и разным мехам, тоже был очень рад. Но вот зачем, мне Мальцев три ковра нагрузил, я не понял. Продуктам тоже лишними не будут. Порадовал и мешок риса, и где он его только достал? Наверное, кто-то подарил? На него цена тут сумасшедшая, да и готовить толком не умеют. А вот спиртного в этот раз не было. Зато было два медных метровых зеркала! Вот это действительно, подарок. И главное не сказал. Хорошо хоть Авдей был в курсе, и упаковали качественно. Явно и второе... не просто так положил. Ну, всё капец, теперь моих девчонок, от него не оттянешь.

Пока ехал, всё размышлял, как поступить с учителем французского языка. Брать к себе где-либо дополнительно человека и селить у себя? Нереально. Значит надо куда-то самому ездить. Куда? Может обратиться в тульскую военную гимназию? Там ещё пять лет назад был военный корпус, который перевели в Орёл. Вот же придурки, прости господи. Из города, где выпускают оружие, убрали учебный военный корпус. О чём только думали? А сейчас там обучают детей от 8 лет. Расположено здание на берегу реки Упы, через мост, чуть наискось Кремля. Огромнейшее здание с колонами, подаренное промышленником Андреем Родионовичем Баташевым в 1813 году. А там ещё чуть пройти и дом Марии, в котором она сейчас почти и не бывает.

В стране с 1830 года, как я понял, идёт полная деградация боевой армии. Солдаты маршируют, чистят форму, ходят на парады и... всё. Кроме Кавказа, остальные и в ус не дуют. Старые ветераны наполеоновских войн ушли, а новые сплошные шапказакидатели,

фанфароны и...воры. Сплошные приписки и казнокрадство выделяемых денег. Хотя армейский бюджет доходит почти до половины ВВП страны, а толку совсем мало. В обмундировании войск того времени совершенно забывалось главное назначение одежды для солдата: дать ему укрытие от непогоды, сохранить его силы и здоровье и дать возможность удобно передвигаться и удобно действовать оружием. Стоит также отметить, что до 1853 года в русской армии на обучение пехоты и драгун отпускали 10 патронов в год на человека. Понятно, почему Крымскую войну проиграли.

Дошло до смешного. С теми немногими закупленными за границей штуцерами, солдаты выходили, маршировали и тут же сдавали на склад обратно. А патроны наверняка списывают. Хоть бы по три пули выпустили, для ознакомления. Казаков-пластунов, за которых так ратовал ещё Кутузов, практически расформировали. Их осталось небольшое количество на Кубани и в Забайкалье. Кстати, там английский экспедиционный корпус во время войны, они вырезали полностью, а его командующий потом застрелился от позора.

В центральной же части страны, возобладала теория двойного удара, для всадника с холодным оружием. Первый удар рубит прямой, если сшибка, а второй назад, если проскакивает. Фехтование осталось лишь в немногих военных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга. А то, что противник не ветка дерева, как-то подзабыли.

Что говорить про остальных, если гусары которые считаются элитой, были плохо вооружены для современной войны. В России в это время было 14 гусарских полков и плюс к ним, ещё 2 гвардейских. По штату, только половина из них была вооружена кавалерийскими карабинами, старого образца. Были и пистолеты, но вот новых марок практически не было, если не покупал кто, за свой счёт. А это было крайне редко и не дешево. Стрельба из положенного обычного пистолета того времени была таковой, что практики военного дела рекомендовали стрелять из него... в упор! "Для этого не надо тщательно целиться — рекомендовали специалисты. Но нельзя, чтобы конец ствола касался тела врага, потому что пистолет в этом случае может разорваться и ранить самого стреляющего". Нет, конечно, стреляли и с десяти, и с двадцати и более шагов, однако точность при этом была невелика. Так, при стрельбе с коня на рыси лучшие стрелки промахивались примерно в 50 % случаев, а на галопе — в 75 %. А попадание в цель со спины стоящей лошади на дистанции в 30 шагов считалось чистой воды случайностью.

Зато у каждого из 16 полков гусар, своя форма.

Глава — 4.

Тогда Семёну и повезло и не повезло. Повезло, что стрелял с пистолета, а не повезло, что уже из более современной формы с удлинённым стволом. Сами дворяне, в основной массе, стреляли очень не плохо. Но это лишь потому, часто охотились, больше ради мяса, чем в удовольствие. А некоторые, готовились к дуэлям. Но опять же, это для полигонных условий и охоты, но не для войны.

Дома пока всё было нормально, но меня не оставляло чувство опасности. Вот не пойму себя. То ходил, всё было нипочём, а сейчас чуть ли не каждого шороха боюсь. Вот же кидает, из огня да в полымя.

Утром еду с Фёдором к Гольтякову за кирасами. Поздоровались.

— Ну, выполнили мой заказ, Николай Иванович — улыбаюсь хорошему человеку.

Прошли в его кабинет, и он из шкафа достал две кирасы, как я и заказывал. И главное они не сверкают, как у...все знают. Серовато-красноватого цвета.

— Вот — и гордо демонстрирует.

Надеваю бронзовую анатомическую кирасу, но не совсем кирасу, а скорее нагрудник. Сзади вырезы тоже больше, чем обычно, на лопатках. А то я веса побоялся и видно эту меньше будет под одеждой. Анатомические формы служат ребрами жёсткости, а не украшением, как многие думают. А ничего так...вес, вес примерно 6—7 килограмм, но может и чуть меньше. Это мне с непривычки кажется тяжело? Похожу, привыкну. Толщина 1.5 или 2 миллиметра. Медные части, нашитые на плотный войлок. Застегаю кожаные ремешки.

— Ну, похвастайтесь, Николай Иванович. Вижу, что работа хорошая.

— Это необычный сплав на основе меди, олова, железа, никеля и других. Мой фирменный секрет. Когда его плавил, мои мастера даже немного отравились газами. Но сплав очень и очень твердый и тугоплавкий, даже пришлось печь чуть переделывать.

— Это же хорошо Николай Иванович, смотрите, так и производство модернизируете — поддеваю его и понимаю, дешево я не отделаюсь.

— С Вашими заказами. так и придётся... поневоле. Но лучше бы Вы, себе хатангу-дегель сделали, ну а в крайнем случае куюк. И дешевле и лучше.

— Подождите, а что это такое?

После долгих расспросов, понял, что это усовершенствованная бригантина. Такие, хатангу-дегель носила только монгольская знать, во время монголо-татарских нашествий и после. А куюк мне не понравился, слишком топорно и намного хуже кирасы.

— Сколько стоит кираса? А дегель?

— 200 кираса. И так же дегель.

— Немало — потом почесал затылок, вздохнул и заказал два укороченных дегеля с накладными металлическими наплечниками. Получился "современный" бронежилет, хотя классический он доходит до колен. В результате отчаянного торга сбил цену на 60 рублей с общей суммы. Обговорили детали. Я по мелочам изменил в дегели и в основном крепления на нём и к нему, пару карманов. Пластины будут большие, внахлест друг на друга. Это повысит его надёжность. Изменил внешний вид, чтобы не бросался в глаза, если я раздеваюсь. Он будет чуть тяжелее, но зато я стану подвижным, и сильнее защищённым.

— А почему Вы их не делаете на продажу?

— В 1700 году Пётр — 1 формируя новые войска, отменил всё старое. Убрал из армии луки, топоры, панцири и другое "старое" вооружение.

Это он что, армию разоружил? Я понимаю надо вводить новое, но не так. Всё старое похерить, и не подумать. Да тогда с ружья можно было попасть только с пятидесяти шагов. За это время легкая конница засыпала бы стрелами с 100 шагов и даже не вспотела бы. Ни кто же не призывает, отказывается от огнестрельного оружия, но думать надо или нет? Ну и ну. Вот так и просветитель. Что-то мне эти цари...из дома Романовых, всё больше не нравятся. Вечно носились с идеей объединения славян, какого х...? Все мы от Адама и Евы, и если уж тогда разбрелись, то теперь уж точно не собрать. Не нравится славянам жить под турками, пусть едут сюда, как Стефан. Тут земли немерено, всем хватит. А, освобождение гроба господнего? Чего это славяне должны ещё и иудеев освобождать? Там европейцам ближе, пусть и его и освобождают еврейские банкиры. А то побегали, сначала ограбили сарацин. Начали получать сдачи, смылись и сразу разорили и разграбили Византию. Потом остатки продали туркам. А теперь нашим императорам идею подкинули, идите мол, освобождайте. На хрена спрашивается? У всех народов, что-то да есть.

Вон, китайцы не "прячутся" с этой Европой, варварами их называли и всё. Англичанам,

чтобы с ними совладать, пришлось их опиумной наркотой закидать. А наши, вечно красную дорожку перед европейцами стелют. Да лучше бы Пётр Первый Швецию завоевал и с ней единое государство образовал. А после нашествия Наполеона с разными её жителями, я бы в Европе, ни одного кирпича целого не оставил. А половина трудоспособного населения Европы, у меня бы Беломорканал капала. И другие каналы, тоже.

— А сейчас для многих дорого. Почему-то считают, что в современном бое этого не нужно. Мастера много хорошего предлагают, но не берут. А Вам, я почти и без наценки продаю — продолжает Гольтяков.

— Поэтому я к Вам и обращаюсь. А Вы попробуйте выставить и то и другое, несколько штук и разных. Если уж совсем плохо будет, то я их куплю.

— Вы всё же считаете, что большая война будет? — вздыхает мастер.

— А она у нас что... прекращается? На Кавказе, по-моему, только ещё больше разгорается — помня выволочку Мальцева, отвечаю дипломатично. — Так когда, мы к вашему брату пойдём?

— На следующей неделе, а то он сейчас приболел.

— Но тогда, сделайте мне такие штуки и я Вас, удивлю — рисую бур для лунок и шампура.

— Вы это только и делаете. Забавно. Вечно Вы, Дмитрий Иванович... что-нибудь этакое придумаете — выслушав пояснения, прокомментировал он.

— Зато поднимает уровень Ваших рабочих и производства — захотелось мне оставить последнее слово за собой.

Забираю кирасы, пару пластин для экспериментов и еду... правильно, навестить Анну свет Ильиничну. А то я что-то очень соскучился.

Поднимаюсь в мастерскую и приёмную одновременно, и слышу чьи-то вопли. Захожу, а там по комнате бежит рассерженный гусар и ругается. Тут же заплаканная одна из белошвеек Анны и она, почти тоже готова расплакаться.

— Секундочку, господин... — прерываю поток слов гусара. — Что случилось?

— Подполковник Поляков, седьмая кавалерийская дивизия. С кем имею честь — небрежно и с вальяжностью барина, бросил мне усатый гусар, увидев перед собой гражданского. Хамить, тоже не стал. Одет я всё же очень богато. Чего только стоит моя альмавива на медвежьем меху.

Достала эта дивизия, слов нет. Когда же её в Моздок сплавят? В городе от них одни беспорядки.

— Так чем Вы так не довольны, господин подполковник?

— Вы посмотрите на это — и поднимает брошенную куклу в гусарской форме. — Кто так шьёт, испоганили весь доломан. Почему у него 12 шнурованных петель, когда должно быть 15. А на рейтузах вообще петель нет.

— Подождите господин подполковник. Откуда такие тонкости могут знать женщины в женском модном месте? Это же не специальное швейное место, где шьют военную форму на заказ? — стараюсь и не нарываться, но и страха в моём голосе нет.

— А как я по Вашему должен это дарить Петру Михайловичу.

— Можно.

Если не придирается к точности одежды, то кукла получилась очень хорошая. Закатил рукав, где увидел медные соединения, как я рисовал. Нет, ну просто молодцы, что Анна, что Лука.

— У меня к Вам, есть другое предложение. Нарисуйте нам, как должен выглядеть настоящий гусар. Спереди и сзади и Вам всё перешьют.

— Но это... — опешил Поляков.

— Неужели у вас нет талантливых людей среди гусар. А за хорошие рисунки краской, мы подарим Вам новую куклу, бесплатно.

— Ты это специально — накинулась на меня Анна, как только ушёл гусар. — Не буду я больше шить не для каких кукол. Постоянно ими все недовольные.

— А вот тут ты, дорогая, не права. Я тебе заказ привёз на куклу... для самого императора и подарок. Так что, готовь клеймо.

— Для императора, и подарок? — "захлопала" она длинными ресницами.

В это время она была так хороша, как каждая женщина, переходящая из одного эмоционального состояния в другое. Я тут же подскочил и принялся целовать.

— Какой же ты... а что за подарок?

Вот это виражи. Все женщины природные артистки. А слово подарок на них вообще действует магически. Анна знает, если сказал подарок, значит там нечто...обалденное.

— Ну что, едем ко мне? И мне опять нужна куртка.

— Что ты с ними только делаешь? А ты, почему его не привёз?

— Он большой — кривляюсь и развожу руками. — А я... по делам ездил.

— Большой?

Всё, фантазия уносит Анну в мир грёз, а я на полную пользуюсь этим моментом. Прижимаю её к себе и даю волю рукам. Но "лисичка", слишком быстро, на мой взгляд, приходит в себя, и я получаю по рукам.

— Ну, ты уже совсем...

— Нет, я просто очень соскучился — перебиваю её.

Потом мне приходится ждать, минут 20 или чуть больше. Наверное, Анна поставила личный рекорд по одеванию. Но я думаю, такой подарок, её точно не разочарует. С другой стороны я её сильно балую, деньги такое зеркало стоит не шуточные. У неё тоже было зеркало, но не такое большое и не такого качества.

— Ну как? — спрашивает она, извечный женский вопрос, крутясь вокруг зеркала. Его я поставил в своём кабинете, а второе пока спрятал. Зеркала без рамок, и с ними надо обращаться очень бережно.

— А если вот так — и начинаю снимать с неё одежду.

— Что ты делаешь?

— Хочу посмотреть на тебя во всей красе и показать тебе саму себя.

— Хитрюга.

— Да я такой — сам целую в шею и продолжаю снимать с неё одежду. — А теперь вот так посмотри.

— Ты как волк. Если начал охоту, то пока не добьёшься своего, не отступишь — констатирует она, принимая игру.

— Я более страшный хищник и ты моя добыча.... нет добычка — а сам продолжаю освобождать её от одежды. Ох и не легкое это дело, скажу я Вам, снимать женскую одежду 19 века.

— Ну, вот уже лучше — рассматриваю женское бельё Анны. — Ты клиенткам не показывала?

— Пока ещё нет. Ждала, что ты скажешь?

Я тут "коварные" планы в отношении Анны строю...а меня тут давно просчитали. Ну, блин. Учиться и учиться, как завещал... Хотя он ещё тут и не родился. Как-то проигрываю я в этом плане у жителей 19 века. Надо разобраться, почему?

— Почти хорошо, но это на мой вкус. Попробуй лучше сначала на куклах и на не слишком родовитых, а богатых купчихах. И можешь и украшать, бисером например.

Дальнейших обсуждений я уже не выдержал, подхватив её двумя руками, потащил в душ.

— Анна, я тебе зеркало сейчас не отдам — разлеглись мы на моей кровати. — Подожди, послушай. Лука сделает рамки, и тогда сразу тебе завезёт. А то, не дай бог, ещё сломаешь.

— А...ну так хочется — с облегчением она.

— Потерпи немного. А невтерпёж, приходи ко мне.

— Хитренький... и бессты...

Что уж там она хотела сказать, я слушать не захотел. Мне и ей, стало не до этого.

Только утром, отпустил Анну домой с Саввой. Поковырял палочкой со свиной щетиной в зубах, вспомнил про нормальную зубную щётку. Как-то раньше, я об этом и не подумал? Заеду-ка я к Ивану Васильевичу Володимирову, а то он давно приглашал, с ним и поговорю на эту тему. Тренировку я естественно "завалил", двигался "как беременная корова". Это Кулик, так выразился, огорченный ещё тем, что Семён не может ему составить пару.

Прибежал посыльный от Ломова, с просьбой заехать к нему. Но сначала я решил посетить Володиминова.

— А, Дмитрий Иванович, проходите. Сейчас чай будем пить. Как здоровье батюшки? — встретил меня в своей конторке Володимиров.

Он сидит за столом и перебирает счёты, но не такие как я привык. Они похожи на раскрытую книжечку и с палочными переборками наполовину. Непорядок. Будем и тут "бонопарствовать".

— Разрешите? — и беру их в руки.

— Что-то не так? — встревожился купец.

— Мне кажется, что так не очень удобно считать.

— А как?

Беру у него лист бумаги и рисую "современные" с обозначением цветов и формой косточек.

— М... но вот так будет лучше — исправляет купец. Он их делает двойными как у него.

— Да, но и стоять будут дороже. А Вы, начните делать те и другие. Но я к Вам, не за этим — наливаю себе чай. — Мне нужно вот такие щётки для зубов.

Дальше я начинаю чертить современную щётку и примерно, как ещё сделать.

— А сверху наклейте такую же деревяшку, и она прижмет щетину. Потом вот такой футляр, чтобы её хранить.

— Много мелкого ручного труда — озадаченно Володимиров.

— А Вы наймите молодых девушек. Вон их, сколько без работы ходит.

— Но, а зубной порошок как? Английский очень дорогой.

— А вот так — и рисую ему шаровую мельницу. — Сделаете медный или другой барабан, туда металлические шарики и мел. Добавляйте разных сушеных растения типа ромашки, мяты и других. Это лучше у травниц спрашивать. Сами подберёте. Потом очень мелкое сито. Как Вам, сможете наладить выпуск?

В инструкции этого времени по применению зубного порошка пишется, что из порции порошка готовят пастообразную кашицу, тщательно её, размешивая в капельке воды. Только после этого можно приступать к чистке зубов. Конечно, не Блендамед, но тоже пойдёт. Тем более, что в Тульской области есть месторождения отличного мела.

— А что Вы, за это хотите, Дмитрий Иванович?

— Как обычно, 500 ассигнациями и партию того и другого. Это как-то само-собой сложилось. Если купцы или мастера меня приглашают, и я предлагаю что-то новое в производстве, то это стоит 500 рублей и партия мне для ознакомления. С одной стороны это и не дешево. С другой, они же на себя оформляют привилегии. За выпуск подделок стало на удивление очень строго. Почувствовав хорошие заработки, купцы постоянно "наседают" на Добрынина и Дарагана. А кто-то и в столицу "стучит" ещё, ревизоров получить никто не хочет. Царь Николай сейчас нервный.

— А что Вы, ещё можете предложить?

— На тех же условиях?

Купец кивает.

Рассказываю про зубной эликсир.

— Но это дорого? — хмуриться купец.

— А это и не для всех. И делайте большие объёмы, а для разлива сделайте разные емкости, стеклянные и медные и другие. Закончилось, пришли, пополнили.

Этой идеей, купец остался, недоволен, не видя особой выгоды. Но, рассчитался со мной полностью. Тем более я оставил три проекта, а не два. На полках магазинов всё так же, очень узкий перечень промышленных товаров. А отечественных, можно по пальцам пересчитать.

Зато довольный я, поехал к Ломову.

Глава — 5.

Не доехал. Завернул к Смирнову Ивану, мастеру по ремонту оружия. Он жил в начале улице Воздвиженской, в небольшом на половину вкопанном в землю доме. Сорокалетний мастер мне очень нравился, и я надеялся переманить его к себе. Вот построюсь и сразу приглашу. С ним я договорился, что буду выкупать любые старые и не очень образцы нарезного оружия. Но и другое "интересное" оружие, что он достанет. А так же меня интересовало и подробное описание образцов. Меня не интересуют витринные изделия, только боевые. Сейчас я держу в руках интересный раритет 1701 года. Их выпустили чуть более 300 единиц, которые были изготовлены на Тульском оружейном заводе.

— Ими была вооружена часть, унтер-офицеров пехоты — объясняет мне мастер. Я же определил калибр мм в двадцать пять (калибр — 22,8 мм настоящая) имел длину ствола чуть более метра (115,6 сантиметра), а общая длина мушкета составляла метра полтора (157 сантиметров). Я думаю, что зарядить его низкорослому солдату было очень трудно. Для мушкета полагался мушкетный нож (багинет), который для штыкового боя вставлялся в дуло ствола. Весил мушкет килограмм 6–7. (5,6 килограмма).

— Эффективная дальность стрельбы:- по одиночным целям — до 300 шагов (213 м);- по групповым целям — 400 шагов (284 м) — рассказывал дальше Иван. — Срок службы огнестрельного оружия определялся в 10 лет, но позже, с повышением качества оружия, был увеличен вдвое. Фактически же ружья служили гораздо дольше.

Кучность стрельбы была в три раза выше, чем у гладкоствольных ружей, а

скорострельность штыка в 3–4 раза уступала скорострельности гладкоствольных ружей. Кроме того, их высокая стоимость и неудобный для штыкового боя короткий ствол сдерживали широкое распространение нарезного оружия.

— Сколько вы хотите, за сломанный образец — прерываю мастера и смотрю в ствол. Не знаю, особой ценности он для меня не представляет. Так подремонтировать и пусть висит. Может, что из него и для какой идеи и сгодиться.

— Сто рублей — Смирнов.

— С ремонтом и обещанием предоставить мне другие образцы. Поговори с мастерами, пусть предоставят чертежи оружия, которые делали для царей, князей и графов.

Немного поторговались, но сошлись на этой сумме. Зато я пообещал заплатить за чертежи. Заплатил аванс и поехал к Ивану Ломову. Но жил чуть дальше по этой же улице, там была и его фабрика.

Его брат Василий, умер в прошлом году, перед Новым Годом. Очень жаль. Из двух братьев, он больше брался и за разную работу, чем меня и привлекал. Постоянно экспериментируя, и не огорчаясь от неудач. Кроме самоваров, выпускал медную посуду, рукомыльники и многое другое. Делал изделия и под заказ. Еще в отличие от своего брата был намного более порядочным. Я бы лучше имел дело с ним.

Вспоминаю, что мне рассказывал полицейский Пётр Окунев. Он выяснял по моему поручению информацию о родственниках Кологривова. Вот там и "всплыли" интересные факты, о братьях Ломовых. В 1840 г. Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов России предоставил право фабрике Василия Ломова ставить на вывесках и клеймах изображение Государственного герба "...за отличную выделку изделий, особенно самоваров...". Среди тульских самоварных фабрикантов Василий Ломов первым удостоился этого почетного свидетельства качества своих изделий. (Например, Иван Григорьевич Баташев право ставить герб и звание "придворного фабриканта" получил только через 15 лет, в 1855 г.) С этого времени Василий Ломов — признанный лидер среди тульских самоварщиков.

Но за последние 10 лет его фабрика стала сдавать позиции, существенно сократив выпуск товаров. Конкуренты явно "наступали на пятки" и братья лихорадочно искали выход. Мнение у меня сложилось о Василии Ломове — как об умном обстоятельном человеке, не без житейской хитрости и ловкости (успехи в торговле и производстве говорят за себя), живущим тихо и избегающем всякого шума вокруг своего имени. А мнение об Иване, напротив — как о вспыльчивом, нетерпимом и не боящемся ни общественного мнения, ни недовольствия властей.

Сейчас, со смертью Василия Ломова, в его доме идёт подковёрная борьба за наследство, но не выходящая "наружу". Так, одни неопределённые слухи.

Размеры кузниц стали иметь важное финансовое значение после указа Тульского губернского правления 1831 г., где говорилось, что каждое каретное или самоварное заведение или иное, имеющее кузни, должны платить по 3 руб. за квадратную сажень за то, что производят смрад и пожароопасны. Сделано это было для того, чтобы принудить владельцев кузен переносить их на окраину города. Тогда акциз был бы меньше, Василий Ломов должен был платить за свои площади по 138 руб. в год, ему, как рачительному хозяину, это не понравилось, и в 1835 г. он подал жалобу в губернское правление на "несправедливо взимаемые деньги за чернodelьные кузни". Ломов жаловался на то, что дума через депутата Маликова взыскала с него 275 руб. за 1833 и 1834 гг., воспретила выдачу

паспорта на отъезд из города и пригрозила взыскать столько же за остальное время. Купец указывал, что его кузня является "пожигательным горном" для пайки самоваров и деталей, поэтому не может быть приравнена к тем кузням, где куют и варят металл, и просил вернуть "неправедно взятые деньги". Действительно, после проверки правление приказало думе деньги вернуть, а фабрику Ломова внести в список тех заведений, которые платят акциз по 5 коп. с сажени (кузни которых вынесены за город). Дума предоставила справку, что Ломов заплатил только за 1833 г. 138 руб., и более ничего, но фабрику его в такой реестр внесла.

Пример Ломова вдохновил многих: тут же в городскую полицию пришли прошения от купцов И.С. Ломова, Н.И. Черникова, П.М. Балашева, Г.Я. Сиднева (все самоварные фабриканты). Об исключении их фабрик из числа взимаемых по 3 руб. акциза, "...потому что их горны причислены к кузням по недосмотру депутатов Думы, призванных следить за правилами торговли и промышленности". Особенно ядовитым было прошение И.С. Ломова, что еще раз говорит об его характере: "...По приказу здешней городской полиции по отношению Градской Думы требуете вы с меня акцизных за кузню денег. На что имею честь объявить, что при доме моем, хотя и имеется самоварная фабрика, а при ней сделаны горны для пайки самоваров, но только таких кузен, кои бы приносили смрад и нечистоту, у меня нет, а потому взыскивать с меня показанных акцизных денег не следует, и я платить оных не обязуюсь... Посему... прошу сие мое объявление отправить в тульскую Градскую Думу и акцизных денег с меня более не взыскивать".

Заехали в большие арочные ворота с лепниной. Внутри располагалась настоящая усадьба, состоящая из нескольких зданий. Проехали к каменному двухэтажному жилому зданию, особняку Ивана Ломова. Встретил меня шестидесятилетний старик тепло, что меня сразу и насторожило. Обычно Ломов вёл себя не так дружелюбно.

— Проходите, Дмитрий Иванович, сейчас отличного чаю с мёдом попьем — стал распинаться Иван Осипович, трясая седой бородой.

После чая и общих любезностей перешли к сути вопроса, зачем я понадобился патриарху Ломовых.

— Я предлагаю Вам купить у меня часть леса в селе Медвенки в 10 верстах от Тулы.

Вот это да? С чего бы такая благотворительность? Конечно, заниматься благотворительностью, исполнять общественные должности было в обычае семьи Ломовых. Василий Сергеевич Ломов в течение трех сроков (9 лет) был церковным старостой Богородицерождественской церкви на Ржавце, затем старостой был его брат Иван. В 1831 г. в этом храме был закончен придел во имя Рождества Иоанна Предтечи, на сооружение которого братья Ломовы пожертвовали средства. Кроме того, В.С. Ломов в 1835 г. выделил значительную сумму на содержание студентов Санкт-Петербургского технологического института и воспитанников училищ коммерческого и торгового мореплавания, за что получил Монаршее благоволение.

Участие в благотворительных делах помимо хорошей репутации давало еще возможность избежать привлечения к хлопотным и недоходным общественным выборным должностям. Поэтому массовое участие купцов и купеческих детей в богоугодных акциях не всегда объяснялось природной склонностью к благотворительности.

— Но Вы, как я слышал, постоянно нуждаетесь в лесе. Строиться надумали. Территорию покупаете.

Пока только пытаюсь, что-то там Обновин долго возиться. Надо узнать, почему у меня

еще нет бумаг? Вспоминай, ну же...что тебе ещё рассказывали? Вспомнил.

С 1844 по 1848 между Иваном Ломовым и помещицей Кологривовой (уж не родственники "моего" Кологривова) происходили нешуточные баталии, судебные и личные, по поводу спорной земли при селе Медвенка Тульского уезда. Ломов и Дарья Александровна Кологривова купили у г. Сахарова земли. Интересно, а за какие деньги купила земли Кологривова? О границах участка у них и зашел спор, который в течение нескольких лет с помощью станowych приставов, губернских землемеров, казенного лесничего и уездного суда пытались решить тяжущиеся. Доходило и до потасовок.

в 1844 г. Кологривова жаловалась исправнику, что сын Ивана Илья с двумя работниками пришли с пилами в ее лес и выгнали оттуда ее старосту и крестьян, грозились их побить, а о самой Кологривовой отзывались неприлично. Иван Ломов также жаловался на порубку 500 корней леса своего участка крестьянами помещицы. Землемер Васильев измерил участок, нашел, что вся земля Кологривовой имеется в наличии и даже с излишеством. Кологривова подала апелляцию на решение суда и вновь жаловалась, что послала крестьян нарубить два воза хвороста для топки, а они встретили приказчика Ломова, который им это запретил и, призвав "60 человек фабричных", грозил всех перебить. И только в 1848 г. пакостное дело было закончено. Сейчас все наблюдали за дочерью Ивана.

"Душераздирающая" история случилась с Любовью Ломовой, племянницей Василия Сергеевича. Она вышла замуж совсем молоденькой, 16 лет, по желанию и настоянию своего родителя Ивана Сергеевича, за купеческого племянника Александра Ивановича Трухина, родственника знаменитого купца-благотворителя Степана Ивановича Трухина. Но семейная жизнь у нее совершенно не задалась.

Утверждают, что сразу же после замужества Любовь с ужасом начала убеждаться в наличии душевной болезни супруга, которая проявлялась в том, что он бегал по комнате, кричал и размахивал руками, зажигал, где попало свечи и т. п. Опасаясь за свою жизнь, ожидая несчастного исхода от припадков Александра, сама Любовь начала страдать нервным заболеванием, так что отец решил забрать её от мужа и поселить у себя. Болезнь купеческой дочери продолжалась уже пять лет, и она была вынуждена жить у отца.

Злопыхатели же утверждает, что родители невесты настояли и выдали её за нелюбимого мужа. Брак был нежеланным. Событие брака только усилило антипатию к мужу, и в течение 6 месяцев пребывания Любви Ивановны в доме, несчастный супруг боялся подойти к её спальне: его появление доводило страстно любимую им жену до нервной болезни. Такая грустная жизнь без сомнения могла повлиять на любого человека... Через 6 месяцев Любовь Ивановна самовольно выехала из дома к отцу, и с того времени муж не видал её. Разлука так его расстроила, что через 2 года он действительно помешался...". Пока что свидетельства разных сторон не особо противоречат — помешался ли Александр на почве отъезда супруги или зачатки душевной болезни проявлялись и раньше.

Зачем нам бразильские сериалы, тут сюжет закручен ещё сильнее. Радует одно, что, не зная законов, я интуитивно выбрал место на окраине Тулы. Да и потом я пока ничего не произвожу. Но, законы надо знать.

— То есть Вы хотите продать мне только кусок леса, разделяющую Вас с Кологривыми? — вот в жизнь не поверю, чтобы он не знал о моём с ними конфликте.

— Да. А что тут такого?

— А что там у Вас ещё есть?

— Та у меня медной заводик, но он не продаётся.

— А почему? Я готов купить у Вас, там всё. А Вы тогда сможете выкупить долю в делах у брата.

— Вы это про что, Дмитрий Иванович?

— К сожалению, Василий Осипович, недавно умер — крещусь. — Вы же не успеете следить за всеми производствами. А насколько я слышал, Ваши наследники, не очень хотят этим заниматься.

— Это все нехорошие слухи.

— Но Вы подумайте, Иван Осипович, о полной продаже своего участка в селе Медвенка.

На этом мы собственно и расстались, а меня опять охватило не шуточное беспокойство. Он или дураком, меня считает, во что я не верю. Или как...? Понятно, что с Кологривовой надо что-то решать. Характер у неё такой же, как и у братца. И мы явно с ней столкнёмся. Вот только с какого боку тут Иван Ломов? Вот это действительно вопрос. Опять хочет чужими руками жар загребать?

Зато дома ждал сюрприз, хороший...но очень дорогой. Наконец-то доставили часть заказанного вооружения, но только от немцев и поляков.

Первый рассматриваю южно-немецкий баварский четырех ствольный 23 зарядный карабин. Произведенный в 17 веке. Вот эта "дура". Да его часа два заряжать аккуратно надо, при этом 101 раз проверять. Разве, что для какой экстренной ситуации. Но что же, я сам виноват. Нечего было просить экстраординарное. Вот и привезли.

Второй экземпляр, ружьё Драйзе (под индексом — легкое капсульное ружье 1841 года). Нечего себе легкое. Предложенное в Пруссии в 1836 году 4,8-линейное ружье Дрейзе, после тщательного испытания, было принято для пехоты под названием обр.1840 года. Применение унитарного бумажного патрона и скользящего затвора увеличило скорость стрельбы в 4–5 раз, но подражания в других армиях долго не вызывало. Так как многие военные авторитеты скорострельность ружья признавали даже вредной и опасной. С точки зрения напрасной траты патронов и трудности в бою удерживать управление огнём в руках командира; зарядание с казны и унитарный патрон признавались полезными только в виду удобства зарядания, при стрельбе лежа, с коня, через бойницы, когда употребление шомпола было неудобно; все же внимание было обращено на вполне удовлетворительную обтюрацию. Поэтому во Франции, где Дрейзе начал свои работы прежде, чем обратиться к Пруссии, его ружье не было принято. В России, после испытания в 1850-х годах, ружья Дрейзе тоже были признаны неудобными.

То есть, наши вояки, его как-то добыли, помучились, а потом спихнули мне. За сколько мне их благодарность обошлась. Всего-то "несчастные" полторы тысячи рублей ассигнациями! Ой-ой-ой. Хотя опережающее явно своё время. Ничего, кое-что мы отсюда позаимствуем.

Дальше две немецкие даги, одна с защитой кисти, вторая как кинжал. Надо обязательно научиться с ними и против них действовать. Великолепная вещь, жалко, что такая дорогая. И железо на дагах очень хорошее.

Валлонская шпага, венгерско-польская гусарская сабля, сабля Баторовка и польская корабела.

Качество, всего оружия было хорошее, а цена еще лучше. Это меня очень расстроило, но деваться некуда, пришлось платить.

В расстройстве от таких больших финансовых трат, долго не мог заснуть.

А на утро нас...вернее меня... обворовали. Гады. Поймаю, убью.

Глава — 6.

— Что Кеша, осиротели мы с тобой — соболя уже спокойно сидит на своём бревне и лакомится рябиной, которую я принёс.

Я тут из себя "крутого строю", а какие-то наглые воришки на моём подворье ведут, как у себя дома. С.... Что, довыдывался? Думал, что тебе тут на руках носить будут? Счас.

Почему не забрали и соболя, для меня загадка? Может рабочих рук не хватило? Кеша к себе и не сильно-то и подпускает. Более или менее ладит только со мной и Ванюшей. Вот и не захотели или скорее побоялись устроить шум? С другой стороны соболя у нас не водятся, и продать одну шкурку не так и просто. Тем более со следами ошейника, сразу привлечёшь внимание. Меха соболя поступает в основном с Сибири — раз. Нефрит, скорее тоже оттуда — два. Серебро, в поясе у Кологривова, тоже похоже ворованное с сибирского рудника или с нелегального — четыре. На уральских рудниках сейчас за ним очень строго смотрят. Мужика, у которого я нашёл камешек, так и не опознали — пять. Воры были очень осторожные и очень хорошо технически "подкованы", что говорит о их профессионализме. Явно проделывали такие штуки, и не раз — шесть. Как всё запуталось. Или это звенья одной цепи? Всё может быть. Если поймем, спросим...обязательно и не раз.

Воры увели три лошади, три коровы и теленка. Больше всего мне было жалко Звёздочку. Привык я к ней, а она ко мне. Мои успехи езды на лошади оставляли пока ещё желать лучшего. Да, чему-то я научился, но вот очень сомневаюсь в своих возможностях на длительный переход. Значит надо делать...тачанку, типа ландо, которых поставляют в Россию от немцев. Но немного другую, небольшую на двух человек и немного груза. Она должна пройти по узким дорогам, а в случае чего мы смогли перенести на руках. Её должна резво тащить одна лошадь. Сколько сразу всего навалилось с этим б...ограблением.

А началось всё утром. Прибежал в дом сосед Трофим с круглыми глазами и всколоченными волосами.

— Там, там...коров нет, лошадей нет — только и смог вымолвить он.

Пошли посмотреть. Дверь в сруб, который был рядом с конюшней, в котором жили Семён с Фатеем, была подпёрта бревном. Внутри сруба какой-то сладковатый запах. Вот не пойму, что он мне напоминает? Фатей с Семёном, похоже, спят, но как-то неестественно.

— Быстро их на улицу — команду Степану с Леонидом. Выносим на морозный воздух. Чёрт. Как же так?

— Кто был сторожем?

— Сын — обречённо Ремез.

— Гриша как же так? А Рем, что делал?

— Со мной был — опустил голову парень.

В результате моего расследования выясняется, что парень пожалел собаку и запустил в дом. А потом, два сторожа сладко уснули.

Нашли тропку в снегу, по которой увели скотину. Нет, не зря я так переживал за "огороды", оттуда воры и пришли. Мало того, они ещё и подпилили тайно забор, причём делали это давно и не торопясь. Я обратил внимание на срез, он был разной свежести. Так значит, за мной ещё и интенсивно наблюдают? Интересно откуда? Надо срочно принимать меры к обороне.

Следы вывели на дорогу, где и терялись. Да незадача. Возможно Фатей, что-нибудь и

нашёл, а мы нет. Опять пожалел об отсутствии овчарки. Так смотришь, может и нашли бы. Далеко их вряд ли увели.

— Так Гриша, Ванюша быстро пробежались по местным пацанам. Объявите, если кто что найдёт, премия пятерка рублей ассигнациями. А так же, за любое подозрительное действие вокруг нашего дома. О пришедших или приезжающих чужих людях, расспросах о нас, рассказ нам. Награда, полтинник. (пятьдесят копеек). Побежали.

— Он ещё молодой, с — начал заступаться за сына Леонид, когда мы возвращались домой.

— Леонид, он был на посту — перебиваю его — а ещё нарушил правило и запустил собаку, с которой и так... сторож х...

— Мы отслужим — обреченно старший Ремез.

— На приезд своей женщины сюда, можешь и не рассчитывать.

Захожу домой, беру веточку рябины и иду в опустевшую конюшню. Ухожу специально, пока не сорвался на своих людях и не наделал бед. Надо хоть немного успокоиться...

Смотрю как Кеша с удовольствием, уплетает рябину и урчит почти как кошка. Это приносит облегчение на душе.

— Ну что, брат мой меньший, придётся тебе переселяться в дом — разговариваю с соболем. — Но только, чур, не грызть мебель. Вот же Мальцев удружил, с красного дерева мебель подогнал. Хотя нет, лучше на веранду, а там посмотрим.

Это насколько же мы "проспали"? За Звёздочку и Рыжего, рублей по 150 дадут. За трофей, который так и не откликнулся ни на какую кличку, рублей 200. А может и больше.

Буквально, какие-то тридцать лет назад, лошади стоили в два раза дешевле. Да и остальное тоже. Инфляция, блин, как в девяностые, мысленно выругался я.

— Иди сюда — взмахом руки подзываю Кулика, который заглянул в конюшню — будем ценного пассажира перемещать. Вместе с ним, несём палено в галерею.

— Дмитрий Иванович, но, а как же с коровкой? А с телкой? — заныл Трофим, увидев меня в дверях. Я даже не успел ещё зайти в дом.

— Как? Как, какам сверху — передразнил я. Мог бы и подождать, видит же что у людей несчастье. — Дам 75 рублей, новых купишь.

— Так мало 75.

— Пошёл ты знаешь куда... — обозлился я на слишком жадного соседа. Только о себе и думает, а то на сколько я "попал", он не думает. — Поедешь в Венёва или Серпухов или ещё куда, там дешевле.

Сейчас ещё два припрутся и тоже канючить начнут. Я им что, сберегательный банк России?

Как думал, так и получилось. Отдал мужикам по 50 рублей, и сказал, чтобы больше ко мне не подходили со своей ерундой. В Туле хорошая корова рублей шестьдесят будет стоить, но не их. А в области и за 40—45 купить можно.

Надо срочно ломовую лошадь купить, а то Ванюши, не на чем будет воду возить. Да и на рынок иногда ездить надо. Куда же мне обратиться? Генерал-лейтенанту Николаю Ивановичу Гартунгу в Федяшево в 30 верстах от Тулы, где он разводит коней? Ещё он управлял и Имперскими конными заводами в Москве. Его в 65 летнем возрасте с 1847 г. Н.И. Гартунга назначили начальником Отдельного корпуса внутренней стражи (ОКВС), и как командир Корпуса и Инспекцию резервной пехоты Российского государства. Не знаю, не люблю я сегодняшних генералов. Да и сын его Леонид мне совсем не нравится. Его

поведение слишком напоминает, поведение нашей "золотой" молодежи. То есть, без тормозов. Пятнадцатилетний пацан, умудрился нахамить уже многим. Нет, лучше я на рынке, с Куликом и Семёном, когда он уже окончательно придёт в себя, лошадь куплю.

Вернулись Гриша с Ванюшей, с задания к местной шпане. И как, я только раньше об этом не подумал? Дальше выстроил всех, без каких либо скидок, даже девчонок. Прочёл лекцию, что враг не дремлет.... в отличие от нас. Теперь службу будут нести по двое, и не дай бог кто-нибудь ещё хоть раз...что-то нарушит. Это моя последняя поблажка. А Ремезам придётся отработать.

— Начали — я пытаюсь деревянной саблей достать Гришу под щитом. Они с отцом на пару обороняться, а мы с Куликом нападаем. Тренировку, отменять я не стал. Заодно и злость сгоню. Кулик, не привык действовать со мной в паре, поэтому мы проигрываем. Гриша отбивает мою палку щитом, а Леонид в это время нанёс боковой удар. Я не сумел его отразить. Вот тут и сказалось превосходство кривой сабли, позволявшей достать меня за моим же щитом. Сам же Гриша блокирует удар Кулика. По нашим правилам я выбываю и наблюдаю, как они "гоняют" Кулика. Причём явно не спешат. Молодцы.

А вот я нет. Какого х..., мне раньше в голову не пришло? Это же просто. Распределится на устойчивые пары. Я же читал или видел в кино, что пара действует лучше. Пара Кулика и Семёна сложилась случайно и вынужденно, и поэтому на неё внимание, никто и не обратил. Так что я ещё помню. Штурм зданий? Это мне чувствую скоро пригодиться. Змейку. Как первый несёт большой щит. Фонарь в глаза. Это сразу можно отложить. Что? Тяжелую экипировку первого. Сделать магниевую вспышку? Зачем. Лучше не мудрить. Поставить первого в броне со щитом и саблей. Потом второго в броне с револьвером и саблей. За ним, следующего с двумя револьверами и саблей за спиной.

Попробовал всё имеющееся холодное оружие. Меч, кстати, оказался русским саперным тесаком 1827 года выпуска. Оставим для хозяйских нужд. Понравилась венгерско-польская сабля. А так же "трофейная" сабля, типа шамшир. Мне они почему-то больше нравились. Попытался отработать "хитрый" режущий удар, обратной стороной елмани. Когда, вроде бы проваливаешься в ударе, а на отходе обратной стороной сабли, елманию, режешь противника. Может и получится. Понял, что мне нравятся работать и удобней именно с таким видом сабли. Осознал, что надо делать нормально защищенный эфес с пальцевой дужкой. Получится нечто среднее, между тальваром, шамширом и венгерско-польской гусарской саблей. Теперь как бы это всё сделать и с весом не переборщить? Больше килограмма не желательно. И надо найти настоящего мастера по крестовому бою. Также сделать налокотники, для ударов в свалке. В общем, много чего надо, а тут...траты незапланированные.

Так, а теперь постреляем. Испытаем привезённые образцы, а заодно и пластины с брони, что дал мне Гольтяков.

Вот тут у меня дела лучше, чем у других. Наверно сказывается сознание человека 21 века. Тут ещё не осознали в полной мере силу огнестрельного оружия, а особенно, скоростного и многозарядного. Пластины, ничего так. Держат пулю со старых длинноствольных "трофейных" пистолетов с 7–8 метров. С нарезным оружием будет результат хуже. Эти кирасы не для современного боя с нарезным оружием, а в остальном ничего, подойдут. Если бы тогда на Семёне была, то он бы уже давно на лошади скакал. А так пока только ходит осторожно.

Винтовка Дрейзе, это конечно нечто, по этим временам. Будем делать, почти такую. И

только для себя. В моём времени, Крымская война шла три года, и не факт, что винтовка не окажется чьим-то трофеем. Вот тогда нашим солдатам, с нашей-то промышленностью, совсем кисло придётся. А не дай бог, ещё и украдут, как коней. Нет, нет, лучше уж так.

— Чего Лука мнётся, говори как есть.

— Дмитрий Иванович, не получается с фанерой. Никто не знает, как её делать. И как такой станок, тоже.

— Да... — вот же день не задался...с утра. Может заранее спать лечь, а то ещё что "выплывет"? Что я помню. Помню, что березовые чурбачки в горячую воду или пар, опускали. Там ещё как-то деготь получали. Потом на токарный станок и снимали тонкий слой. Потом это всё укладывали под пресс. Всё. Больше ничего не помню. — Подожди.

Иду за чертежами станков Нартова, вот кому памятник поставить нужно. Надо, кстати, "напрячь" Добрынина и купцов, а не только одни церкви строить. Ценить русские таланты надо. Потом, сидим в трёх и разбираемся.

— Давай делай совсем маленький, модель. Помнишь, как мы мельницу строили. Вот так и здесь. Пока всё не получится, делать ничего не будем. Одну березу только сюда доставить чего стоит. Приучайся, чтобы никаких отходов не было. Всё должно идти в дело. А не так как на казённом заводе, кучи шлака навыв... — стоять с этим. Всё. Подвожу итог спору. — Теперь, сделай мне две рамки к зеркалам.

Обсуждаем и остальные другие дела. Лука передаёт, что меня хочет видеть Стефан.

— Заеду.

Сейчас мне надо ехать к Титову, Шварцу и Молчанову, от него посыльный прибежал с приглашением. Ещё надо к Добрынину, Обновену и Гольтякову. Вечером придёт Гаврилов Сергей Иванович, обучать меня французскому языку. Я договорился с одним из преподавателей, бывшего военного училища, за 15 рублей в месяц.

А на рынок завтра. Хорошо хоть Савва своих коней дома держит, а то вообще дело труба была бы. Так что дел, делать, и не переделывать.

С Титовым и Окуновым, разобрался быстро. Описал, что произошло, и пообещал премию, если найдут.

— Владимир Павлович, Вам ничего делать не надо. Просто сообщите, где они и всё. Дальше мы сами — убеждаю его.

— А мы что, в стороне? — искренне удивляется он.

— А Вы, потом как бы на стрельбу прибыли.

— На стрельбу? Вы что тут в городе войну нам устроить хотите?

— Бог с Вами. Какую войну? Да не волнуйтесь Вы так, Владимир Павлович. Мне аккуратно. Я никому не позволю воровать у меня безнаказанно. Если сдадутся, стрелять не буду. Вам же лучше.... а я в долгу не останусь — заканчиваю с ним разговор и встаю.

Титов только крутит головой, пытаюсь понять, серьезно я это сказал или нет.

— Здравствуйте Сергей Павлович. Как здоровье? — здороваюсь, заходя в кабинет к Шварцу. — А что это Вы, за книгу читаете?

— И Вам, не хворать. Надеюсь, в этот раз без стрельбы? — отодвинулся полковник в кресле и положил книгу. — Чаю.

— Стрельбы... нет, не было. А вот потери с моей стороны существенные. Так что Вы, читаете? Я тоже книги люблю.

— А это "Россия в 1839 году" написанная маркизом де Кюстином. Изданная во Франции в 1843 году.

— Опять какая-нибудь хрень, про Россию — и беру стакан чая.

— Да есть такое — и зачитывает мне. — " Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ которой находится у императора". Сделали, конечно, опровержения, а книгу запретили. Но наша интеллигенция сразу вой подняла. Ну а мне вот...по роду службы такие книги знать положено.

— Ну, допустим я, так не считаю. У каждого государства свои недостатки. Ну а зачем опровержение? — и вытягиваю ноги.

— Вы это серьезно?

— Конечно. Вы, "Тысяча и одна ночь" не читали?

— Не доводилось.

— А вот зря. Обязательно прочтите.

— И в чём там дело?

— А в сказках и былях.

— Как в сказках? Как-то Вы, Дмитрий Иванович, совсем меня запутали. Разговаривая с Вами, я ловлю себя на мысли, что кому-то из нас... нужен доктор.

— Вот. Теперь Вы, наконец, мыслите креативно. Но немного, не в том направлении.

Сергей Павлович схватился за голову двумя руками и посмотрел на меня. Потом медленно произнёс. — Хорошо, что у меня только один такой знакомый.... как Вы.

— Не согласен. Смотришь и Ваша служба лучше бы работала и... интересней.

— Так, что у Вас случилось?

Рассказываю историю моего позора.

— Ай-ай-ай. Как же это Вы так? — наконец отыгрывается полковник.

— Будем надеяться, что неудача меня закалит — шучу над собой. Хотя мне совсем не до смеха.

— Хорошо, я подумаю. Чем смогу, помогу.

На этом мы и прощаемся. Я еду к купцу Молчанову. Зачем я ему интересно понадобился?

Довольно молодой купец 1 гильдии Александр Прокофьевич Молчанов, лет под тридцать, встретил меня очень приветливо. Начинаящий полнеть крепыш, в темном английском костюме тройке. С часами, как положено, на животе. С пышными усами, но без бороды. С длинными волосами, с пробором посередине. Кстати, моя короткая причёска всех приводит в недоумение.

У него какая-то смешная обувь, я даже и не смог её определить. Спрашивать не буду, а то ещё обидится.

После появления керосиновой лампы, Молчанов быстро сориентировался и прикупил несколько мелких мастерских. Причём выбрал со знанием дела, и с хорошими мастерами. Интересно, сколько он на это дело денег "ухлопал"? Я так подозреваю, что несколько десятков тысяч. Сейчас он их уже объединил в заводик, планирует, летом строится. Они, что все сговорились? Да тут цены тогда на мастеров и материал, до небес взлетят.

Его тоже взяли в компанию "Тульский Свет", за его связи, деньги и деловую хватку. Скорее всего, в Туле начнется поглощение мелких металл мастерских и сминивание мастеров. Уже дошёл слух с Лейпцига, об очень удачной торговле тульских купцов. Они тогда быстро сориентировались, молодцы, и направили самые дорогие лампы, самовары и другие товары. Задрав на них ценны, насколько возможно и только продажей за серебро. Даже Стрельников со своими столами, стульями и раскладушками подсуетился. А сырьё,

послушались моего совета, попридержали для разных производств. Но думаю, что скоро, они мне это напомнят...и не раз. Это пока зима и морозы их "тормозит". Ничего я им подкину... пару масштабных проектов.

Глава -7.

— Рассказывайте, зачем звали Александр Прокофьевич? — после приветствия, расспросов о здоровье и обязательного чая. Времени у меня и так не много, поэтому стараюсь "быстрее закруглить, вступительную часть".

Он тут же уходит в соседнюю комнату и возвращается с большой коробкой, которую ставит на стол.

— А вот посмотрите, что мои мастера сделали? Как Вам?

Оттуда он первым достаёт круглый медный цилиндр и передаёт мне. Размером цилиндр 6–7 сантиметров в диаметре. Сантиметров около двадцати в длину, и явно раскрывается посередине. Чем-то напоминает баллончик для дезодорантов с 21 века.

— Можно? — смотрю на хозяина, не решаясь раскрыть.

— Конечно, конечно.

Снимаю крышечку, под ней небольшая, в палец толщиной металлическая шестерёнка, с зубцами внутри и снаружи. Внутри шестерёнки, посередине ещё один колпачок. По бокам, под наклоном, закреплены два маленьких кремния, концы которых поджигают металлические скобы, к краям шестерёнки. Надо признаться, всё сделано очень искусно и явно обошлось это не дешево. Молодцы. Не перевелись у нас ещё Левши. Я уже догадался, что это какая-то зажигалка. Дадим хозяину продемонстрировать, а то вон он как довольной улыбкой сверкает. Прямо, как новый пятак.

— Ну, покажите, что это Вы, за чудо такое сотворили? — и передаю хозяину цилиндр.

— Вот смотрите — хозяин явно доволен похвалой. Потом снимает второй колпачок, под которым находится фитиль. Резко, пальцами открытой ладони, крутит шестеренку. Сыплются искры, и загорается фитиль зажигалки.

— Очень хорошо, просто великолепно — искренне восхищаюсь я.

То, что сейчас имелось в наличии и продаже, с этой зажигалкой ни в какие сравнения не шли.

Огниво Иоганна Вольфганга Дёберейнера производимое у немцев с 1823 года. Этот прибор вскоре стали продавать по всех немцев и у нас. Практичное и относительно безопасное огниво Дёберейнера имело успех, его выпуск достиг 20 000 экземпляров уже к 1829 году. Но там стеклянные колбы, серная кислота и другие "прелести".

Сегодняшние спички, которые европейцы украли у китайцев, тоже оставляют желать лучшего. Первоначально спички были изобретены в Китае в 577 году при династии Ци, которая правила в северной части Китая (550–577). Придворные оказались в военной осаде и остались без огня изобрели их из серы.

Описание этих спичек дает Тао Гу в своей книге "Доказательства чрезвычайного и сверхъестественного" (ок. 950 года). В 1270 спички уже свободно продавались на рынке в городе Ханчжоу.

Англичанин Сэмюэл Джонс, наладивший выпуск спичек в Англии. Они же продавались и у нас, но у них также был неприятный запах при горении. Упаковывались спички в оловянные пеналы по 100 штук.

Французские спички легко воспламенялись, поэтому послужили возникновению пожаров, да к тому же белый фосфор очень ядовитое вещество. Рабочие спичечных фабрик страдали серьёзными заболеваниями, вызванные парами фосфора.

Основным недостатком спичек, "изобретённых" Уокером, но выпускаемых Сэмюэлем Джонсоном и французских Сория была нестабильность зажигания черенка спички. Время горения головки было очень мало. К тому же эти спички имели ужасный запах и иногда зажигались со взрывом.

Были и австрийские, производимые с 1836 году в Вене. Австрийский химик, профессор Венского политехнического института Пауль Троттер Майснер изобрёл фосфорные спички, что стало значительным прогрессом в науке. Его спички имели несколько критических моментов: так, от трения они могли самовозгораться, а если и горели, то с большим пламенем, разбрасывая в разные стороны искры и оставляя ожоги на руках и лице.

В России спички назывались "зажигательные, или самогарные спички". В Россию первые фосфорные спички были привезены в 1836 году, стоили они дорого — рубль серебром за сотню. Первый всплеск развития производства спичек приходится на 1840 год. К 1848 году в России работало уже более 30 спичечных мануфактур. Из-за постоянных пожаров, не только фабрик, но и повозок, во время их перевозки, то в ноябре 1848 года вышел закон. Разрешал, только производство спичек в Москве и Санкт-Петербурге ограничивал розничную продажу спичек.

Других вариантов не имелось. А знаменитых шведских спичек ещё и в помине не было. Так что такую зажигалку будут брать.

— А какая будет цена у этого чуда?

— Рублей 20 серебром, не меньше — вздыхает Молчанов. — Уж очень много тонкой работы и нужны очень квалифицированные рабочие.

Солидно. И плохо. Хотя дворяне, купцы и другие зажиточные жители купят. Ещё раз внимательно рассматриваю зажигалку.

— А вот кремни, они же намного меньше, чем у пистолетов, как себя ведут?

— Вот в этом как раз и проблема, из-за которой я Вас позвал. Бывает, что несколько раз чиркнешь и кремнь портиться. Надо долго подбирать качественный.

Немного поигрался рассматривая произведение искусства. Единственное, так и не понял, как прикреплена шестерёнка к корпусу. Похоже, что саму шестерёнку сделали с двух половинок.

— А если сделать...внизу ещё одну крышку и поместить туда 2–3 запасных кремня. Вот так — беру перо и рисую. — И вообще надо сделать меньшего размера.

— В диаметре, точно не получится. А то вообще цена будет большая и конструкция получится не надежной. Мне так мастер сказал — купец.

— А Вы, делайте разными и к ней разные приспособления. Чехлы, дополнительные ёмкости с бензином, кремни. Да хоть кружку маленькую приспособьте, чтобы можно чай попить.

— М.. — Молчанов, почесал голову рукой — Подумаю. А вот что Вы скажите на это, Дмитрий Иванович — и достаёт медную коробочку примерно сантиметров 10 на 15 и толщиной 5. Открывает и показывает. Там лежит "зипповская" зажигалка, но без колесика и кремня и небольшой замок от кремневого пистолета. Купец взводит и спускает курок около фитиля, и он загорается.

Вот же, голь на выдумку хитра!

С военного ведомства пришло указание переделывать кремневое оружие на капсульное. Дело идёт очень и очень туго, как я слышал. Но, похоже, купцы и военные нашли общий язык, к взаимной выгоде обоих. Бог в помощь, как говорится.

— Это хорошая идея. Но, надо сделать какой-то держатель для замка, для удобства. Какова цена? — сразу интересуюсь.

— 25–35 рублей ассигнациями.

— Ну и отлично. Ведь можно и так, отдельно продавать — показываю "зиппо". — Кремневого оружия на руках много. А если Вы поставите паровые машины, то ещё будет дешевле.

— Но это, какие траты, а стоит будет копейки. Может не стоит?

— Стоит, стоит, даже не сомневайтесь. И надо делать быстрее, пока англичане с немцами не "пронюхали". А то они быстро наводнят всё своими дешевыми изделиями. Или на паровые машины цены вздуют, до небес.

Дальше мы немного пообсуждали местные новости и я отправился к Добрынину. Напоследок Молчанов мне пообещал прислать несколько штук, но после начала продаж.

— Примета плохая раньше времени дарить, Дмитрий Иванович — напутствовал меня купец.

Сначала посетил Обновина, оказалось у него всё готово, вот только Добрынин не подписывает. Что за ерунда? Почему? Забираю документы.

— Добрый день. Доложите, пожалуйста, Олег Петрович — здороваюсь с адъютантом.

— Чай будите или что покрепче? — после недолгого ожидания, и приветствия спросил Добрынин.

— Нет, спасибо Николай Николаевич, только что напился. Скажите, а что, по-моему, вопросу о выделение участка земли на берегу Упы? И почему Вы, не подписываете бумаги на покупку мной двух участков? Ведь я же договорился с хозяевами о покупке.

— Вы что, Дмитрий Иванович, решили пол Тулы скупить? — усмехнулся глава города.

— Причём тут Тула, когда я прошу самые дешевые участки на самой окраине?

— Всё равно. Это получается значительные земельные участки в особом городе. И как понимаете, меня за это не похвалят.

— Послушайте. Я же приношу городу реальную пользу. Вон смотрите, как наши купцы оживились — чего-то я не понимаю. Да ерунда какая-то. — Никому кроме меня они и не нужны.

— Ну почему же? Многие купцы уже подали прошение на расширение производства. И как Вы, наверное, знаете, все дымящие и производящие шум производства теперь располагаются только на окраинах города.

Нет, что-то тут не то. Явно с меня хотят "содрать" бакшиш. Попробуем с другой стороны.

— Чем я могу Вам помочь, Николай Николаевич?

— А скажите, у Вас случайно не осталось хорошего нового прибора для производства?

Ах вот оно что. Значит и Добрынин поддался всеобщей лихорадке производства нефтяных приборов. Явно прикупил пару мастерских и хочет наладить выпуск только своих и чтобы без конкуренции. Если судить о том, что керосиновые лампы в продаже практически не задерживаются. Недавно, даже со столицы приезжали, и всё, что было готового, скупили. Их бы и другие уже начали делать, но проблема в стеклах. Наладить их быстрый выпуск в России вряд ли возможно, да и Мальцев не даст. Да и керосина ещё

маловато, но его производство как раз-то и быстро наладят.

Чтобы ему предложить, из этой серии...и не особо сложное. А то ещё обидится. Паяльную лампу... точно.

— Есть у меня одно устройство. Но оно не готово для демонстрации — задумчиво говорю я. Просто дарить, я тоже не буду. Поторгуемся.

— Ничего. Вы хороший инженер, хотя с таким тяжёлым характером. Это у механиков природное? — усмехнулся Добрынин.

— Кстати о знаменитых механиках. Надо памятники в городе Нартову и Кулибину поставить, как и другим известным людям — сразу беру "быка за рога".

— Черни? Вы серьёзно — видит, что я киваю головой. — Такой вопрос.... без специального указа императора решить нельзя — глава.

— Они Русские Гении. Почему каким-то разным грекам можно, а своим нельзя? А вот на следующем собрании и постановим и подадим коллективную просьбу. Инженеров и механиков император уважает, и я думаю, нам не откажет.

— Нет. Я такое предложение вносить не буду. Вы что, Дмитрий Иванович, да меня дворяне за это... -

— Я подниму вопрос — твёрдым голом перебиваю Добрынина.

— Ну-у, тогда и ответственность Ваша.

— Согласен. Вы, кажется, кафельную плитку выпускаете, а Николай Николаевич.

— Есть такое дело.

— Давайте так. Вы мне сделаете хорошей кафельной плитки по себестоимости на 1000 рублей ассигнациями и подписываете документы на три участка. Я Вам, чертеж устройства. Вы тогда сможете оформить на него привилегию на себя.

— А не много Вы просите?

— Я Вас уверяю, это очень нужное устройство, работающее на бензине, а не на керосине. Так что конкурентов у Вас не будет.

Мы немного поторговались, но я не уступил, мотивируя ценностью устройства. И вообще, типа я сам хотел выпускать.

— Очень надеюсь, что не разочаруюсь в Вас.... Дмитрий Иванович — напутствовал меня Добрынин, когда мы подписали соглашение. К тому времени я уже держал подписанные и оформленные документы на три участка.

— Здравствуй Николай Иванович! Как дела, как здоровье близких — зайдя к нему в мастерскую, здороваюсь с Гольтяковым. К нему я заехал сразу после Добрынина.

После взаимных любезностей, перешли к делу. Первое рассмотрел шампура, признал их вполне подходящими. Попросил подумать о ручках, которые бы не нагревались и не горели. А эти четыре забрал с собой. Дегели ещё не пошили. Бур для лунок, получился почему-то с разной длины лопастей, расстояния в накрутке, от чего он казался кривой. У меня появились сомнения, как он будет бурить? Плюс не установлены ножи.

— Как так получилось, Николай Иванович?

— Когда полосу делали, была прямая. А вот когда крутить и приваривать стали, её и повело. Не сразу и заметили. Я решил уже ничего не делать, а дожждаться Вас.

Ну что же может и правильно. Пытаюсь наметить, где подрезать, а где подогнуть. Понимаю, что с обычным метром это крайне неудобно. Не хватает двух самых обычных вещей, карандаша и штангенциркуля. Если карандаш и можно хоть как-то заменить угольком, хоть и очень неудобно. А вот без штангенциркуля плохо.

— А наладьте Вы, Николай Иванович, выпуск вот такого измерительного инструмента — беру у него лист бумаги и начинаю чертить. Потом потратил, ещё полчаса на объяснения.

— Если я на себя оформлю привилегию, как Вы на это посмотрите, Дмитрий Иванович?

— На тысячу рублей ассигнациями товара в вашей мастерской и партию мне.

— Договорились.

Мы пожали друг другу руки в знак согласия. Хотя видаков и не было при нашем согласии, но я в данный момент не боялся. Обманывать меня Гольтяков, не будет. И не потому, что купцы были уж такие честные. Разные, как и у нас. Для него это была не та сумма, чтобы сорится со мной. Да и сам Николай Иванович, был порядочным человеком....но и выгоду свою не упускал.

Оговорили посещение его брата, на следующей неделе. До Стефана сегодня я уже не доберусь.

Дома меня уже ждал учитель французского Гаврилов Сергей Иванович. Сорокалетний обедневший дворянин, поэтому и вынужденный подрабатывать. Его угощал Фёдор настоящим и печеньем, которое недавно научилась печь Мария. Затягивать я не стал и честно два часа разучивал буквы и заучивал некоторые слова. Произносил их я специально громко, и тщательно записывая.

Фёдор с Марией, находились в прихожей и всё слышали. Это я им так повелел, смотришь, и научатся. Нехватка людей сказывалось на моих планах всё больше и больше. Поэтому я решил схитрить и параллельно попытаться обучить их, хоть чему-нибудь.

Проводив Гаврилова, сел обедать, а вернее ужинать. До конца так и не успел. Ко мне пожаловали гости, Шварц со своим подручным Савельевым.

— Э...Проходите пожалуйста — ну не как я не ожидал такого визита. Что опять случилось?

— Удивлены...ну и правильно. Не только Вам, Дмитрий Иванович, шутить и другим проблемы подкидывать. Вот и я так решил. Что справедливо будет некоторыми и с Вами поделится — Шварц.

— Делитесь — обречённо вздохнул я. Уже понимая, что меня попытаются использовать в деле с "душком".

— Ваш заочно "знакомый" Качуков собрался в дорогу. Подготовлено два скоростных немецких дилижанса и четвёрка быстрых лошадей к каждому. Сейчас они находятся в имении Кологривовой, и похоже, что завтра отправятся в путь — и уставился на меня.

— И Вы, что.... хотите, чтобы я отправился за ним и всё выяснил? — через несколько секунд произнёс я. Перед этим мы пристально смотрели друг другу в глаза.

— Да — спокойно произнёс полковник, как будто это надо съездить в соседний магазин за водкой.

— А Ваши люди? — удивляюсь я.

— Да не могу я Вам дать никого, кроме Савельева. Нет свободных людей.

— Что-то Вы темните, Сергей Павлович. Наверное, там чьи-то очень большие интересы и Вы не хотите подставлять своих людей?

— И это тоже. Да и денег у меня нет.... на это преследование — немного смутился он.

— Великолепно. Ещё и это всё и за мой счёт. Дела-а.

— Но кто-то должен и об Отечестве думать! Почему не Вы? Вы же так красиво передо мной рассуждали.

Вот так вот. За мой же длинный язык меня и наказывают. Это тебе не 21 век, что хочешь то и мели, и особых последствий не будет. Тут всё по-другому, дворянину 100 раз надо подумать, прежде чем к чему-то призывать или давать конкретные обещания.

— Но у меня и оружия толком нет, нет лошадей. Да снаряжения даже нет, для долгой дороги — ага буду я им ещё и своими ценными образцами воевать.

— Давайте деньги, лошадей Вам Савельев доставит от Гартунга. У нас с ним договоренность.

Глава — 8.

— А как же это будет...? — растерялся я.

— Сейчас там, двое моих людей наблюдают за имением. Раньше пяти утра они навряд ли оттуда отъедут. Темно — и видит, что я всё ещё не могу прийти в себя от такого, продолжает. — Помните Вы, мне бумаги приносили? Так вот есть у меня подозрения, что похожие везут за границу...Понимаете, чем это может грозить?

— Вы же говорили, что нет людей? — удивляюсь несоответствию.

— Нет...они не воины. Сами увидите — улыбается Шварц.

— А как же мой дом?

— Присмотрим.

— Лихо закручен сюжет. Шекспир отдыхает — только и вымолвил я.

— Простите, причём тут Шекспир?

Мне только остаётся, что крутить головой и махать рукой.

— Так вот. Надо проследить, куда и к кому едет Качуков. Желательно, узнать, что же он везёт. Откуда у него бумаги на проезд? Не мы, ни полиция их не выдавали, это я уже выяснил. Далеко, я думаю, он тоже не поедет. Так, на пару дней от Москвы, но точно не известно. Его желательно не трогать, а вот кому он передаст бумаги, можно.

— Вы меня ни с кем не спутали? — удивляюсь "поставленной задачи".

— Вы дворянин и патриот России, и должны всё сделать для её защиты.

Он это, что серьёзно? Он хоть сам понимает, что сейчас говорит и на что меня посылает? Или наоборот.... слишком хорошо понимает? Дураков, в жандармерии не держали, да ещё в таких чинах.

— Я надеюсь... на преференции от вашей службы. И что на мои трофеи, Ваша служба претендовать не будет? — вздыхаю от неизбежного. Доприкалывался. Вот и получай, русскую народную сказку — пойдя туда, не зная куда. Вообще куда я лезу? Мне что, слава трех мушкетеров спать не дает? Скорее... да, чем нет. Если в прошлой жизни я ничего толкового не сделал, даже вспомнить не о чём, то хоть может в этой...повезёт. Все мои потуги подтолкнуть "корабль экономики", по большей части, для такой страны как Россия, мизер. Тут надо общегосударственная программа, с серьёзными финансовыми тратами. Но в этом, не заинтересованы помещики и чиновники, всячески этому сопротивляясь. Да те же тульские купцы, не стремятся, да и не умеют, управлять фабриками и заводами. Ну, в основном, впрочем, как и я сам. Им хватает и своих мастерских, позволяющих очень неплохо жить. Хотя они уже почувствовали угрозу из-за границы, но не полностью её осознали. Поэтому я, наверное, и ищу адреналина, не задумываясь о последствиях? А может я какой-то не правильный попаданец? Всё у меня шиворот навыворот. Бросаюсь из одной крайности в другую. Хватаюсь за всё и ничего не довожу до ума. А деньги у меня вообще не задерживаются. Из всего этого делаю вывод — что не я управляю обстоятельствами, а они

мной.

— Преференции, это мо-ожно — опять улыбается полковник. — Но остальное, желательно действовать... в пределах закона. Особенно с дворянами, а то потом, проблем не оберёмся.

— Вот уж и нет. Что с бою взято, то свято — но это уже чересчур, себя и своих людей я подставлять за чьи-то интересы не буду.

— Но если с бою, а не грабёж...тогда, да.

Авантюра. Чистой воды авантюра. Только кольцо королевы не хватает... или её самой. Ладно, семи смертям не бывать, а одной не миновать. Считаю — я, Кулик, Ремезы, Фатей, Савельев и попробуем Петра Окунева забрать и того надо семь лошадей. Плюс хозяйскую лошадь, раз появилась такая возможность.

— А сколько стоят у него лошади для Вас, Сергей Павлович?

— 100–120 рублей ассигнациями, наверное.

— А хозяйская?

— 60–80.

Нифегасе договорённость, сплошное разорение. Передаю Кулику 1000 рублей и отправляю вместе с Савельевым, надо действовать быстро. В помощь им отрядил и Ванюшу. Они уезжают на возке Шварца. Перед этим он оттуда достал два ружья, мешочек с пулями и деревянный молоток.

— Это всё, что могу. И не прибежняйтесь Дмитрий Иванович, я же знаю что Вы, оружие от немцев получили.

— И почему Вы, решили, что я соглашусь?

— Предчувствие.

Вот же врёт, как сивый мерин. Скорее деньги на такую операцию уже "попилили" между собой? Или извечная под ковёрная война кланов и спецслужб? С другой стороны, а мне, не всё ли равно. Косвенно или прямо, меня уже в неё втянули. Вернее я сам влез со своими техническими новинками, которые стали приносить "нехилые" деньги. А хоть и стараюсь, чтобы это выглядело как других людей, но сопоставить факты будет несложно. А если бумаги действительно попадут за границу обо мне? Долго ли я проживу? Не чужие, так свои же, за их бабло и указания, меня и убьют. Или отравят что, скорее всего.

— Ничего-то от Вас, не скроишь и не утаишь — пробурчал я, беря у него ружья.

— Служба такая.

Дома осматриваю ружьё. Ствол восьмигранный. Канал ствола с 8 полукруглыми нарезками. Затравочное отверстие просверлено. Прицельные приспособления состоят из железной мушки в форме четверти круга и целика (низкой вертикальной планки и поперечной риски на основании). На нижней грани закреплено железное ушко, в дульной части прилив с неглубоким винтовым отверстием.

Замок без предохранителя курка — крючка — "собачки". На замочной доске надпись: "Тула" и год изготовления штуцера 1778. Ложа кленовая, с цевьем во всю длину ствола и прикладом со щекой и гнездом для оружейной принадлежности. Ложа окрашена в черный цвет.

— Егерский штуцер — прокомментировал Шварц. — С отдачей, казенное имущество, как ни как.

Калибр как у охотничьего ружья по двадцать миллиметров (16.5 мм) его длинна (1150 мм), ствол занимал 2/3 длинны (750 мм) и массой около 5 кг (4000 г). Шомпол железный.

Ну не знаю. Не вызывает у меня такая конструкция доверия и всё тут. Слишком много во мне стереотипов 21 века. Но как говорят дареному коню, зубы... Стоп. Какого чёрта я время теряю, ведь знаю пословицу — собираешься в лес на день, продуктов бери на неделю. Куда это можно на хороших дилижансах ехать? Да на колёсах, когда вокруг ещё на санях ездят? Явно не близко. Или я сам себя накручиваю? Нет, лучше подстрахуюсь, слишком воспоминания свежие. Мой балок, хорошо бы взять, я помню, как он нас выручил, но он слишком медленный. Значит тоже надо...ничего не подходит, кроме дилижанса.

— А я могу взять дилижанс в прокат? — резко ложу шпугер на стол и смотрю на Шварца.

— Не знаю. А Вы, что думаете, он всё же далеко поедет?

— Кто его знает, куда его нелегкая занесёт. Но мне тоже нужен дилижанс.

Уже вечер, ещё немного и станет темно. Захватив Леонида, мы отправляемся к Андреевым на Киевскую улицу. Пришлось идти пешком, Савву я уже отпустил домой. Тут-то и идти совсем не далеко, но в своей шубе, подаренной Мальцевым, я запарился. Придётся опять Фёдора грабить.

— Михаил, нам нужен дилижанс — насел на одного из владельцев дома, а так же занимающимся крупным извозом Андреева, понятно, что не он сам лично. Мужу лет, чуть более тридцати. В глаза сразу бросаются пышные черные усы, спускающиеся до подбородка. Под ними большой бант (или как он там называется) темно-бардового цвета. Волосы у мужика черные, редкие, зачёсанные слева на право. Он одет в темный костюм и щегольское темно-коричневое полупальто. Мещанское сословие по положению стояло ниже купеческого. Именно мещанам принадлежала большая часть городского недвижимого имущества в Туле. Будучи основными плательщиками налогов и податей, мещане, наряду с купцами, относились к категории "правильных городских обывателей". Звание мещанина было наследственным. Записаться в мещане мог любой городской житель, который имел в городе недвижимую собственность, занимался торговлей или ремеслом, платил подати и исполнял общественные службы. Исключить мещанина из сословия мог только суд или мещанское общество. Мещанин платил подушную подать, внутренние городские сборы, отбывал рекрутскую повинность. Мещане имели право корпоративного объединения и сословного мещанского самоуправления (которое реализовывалось через мещанские управы). Для них существовал отдельный, мещанский суд. Мещане города объединялись в "мещанское общество". Принадлежность к мещанству оформлялась записью в городской обывательской книге, то есть всякий мещанин был приписан к определённому городу. Покинуть на время населённый пункт своего проживания мещанин мог только по временному паспорту, а перейти в другой — с разрешения властей. (которое, впрочем, обычно давалось). Между мещанством и купечеством всегда существовала тесная связь. Разбогатевшие и развившие своё предприятие мещане переходили в купечество, обедневшие купцы — в мещанство. Так что так просто "наехать" на Андреева не получится, придётся договариваться.

— На сколько? — ничуть не испугался мещанин Андреев.

— Незнаем.

— А как же я возницам распоряжения давать буду? — удивился он.

— Возницы не нужны — вмешиваюсь.

— Тогда только могу продать. По-другому и не просите. Вот только недавно приобрёл новый — Михаил. Почувствовал, зараза, что может и неплохо заработать. Чёрт. Вот так у

меня всегда, галопам по Европам. Только чуть заработаю, и тут же находятся непременно "крайне нужные дела". И куда я потом с этим дилижансом? Контору проката открывать? Или регулярные перевозки Тула-Москва? А жрут эти лошади, как слоны. Ох, ох, ох.

Идём смотреть. Тыфу ты, даже покраска у него дурацкая. Сверху, на треть корпуса зеленая, потом на треть светло-синяя раскраска. А остальной низ, всё в жёлтой раскраске. Шапито, недоделанное. В корпусе по три мутных небольших стекла с каждой стороны. Сзади и на крыше место для багажа. Задние колеса большие, наверное, метр в диаметре или даже чуть больше. Передние наполовину меньше. И те и другие, тоже выкрашены жёлтой краской. Впереди козлы, для двух человек, без козырька. Под ними поворотное колесо. Специальная наклонная панель прикрывает механизм и даёт упор для ног кучеру. Справа торчит ручка тормоза. Рессоры, имеются, но почему-то перевернутые вверх ногами. Помня мой печальный опыт, посчитал слабыми.

— А кони? Ясно. Леонид посмотри — всё равно я не сильно в них разбираюсь. — И сколько вы хотите?

— 4500 рублей ассигнациями — Андреев.

— Сколько, сколько — не выдержал я.

— Михаил, боюсь, что ты из Тулы, никогда не выедешь — Шварц. — Да такой в Москве за 3500 свободно купить можно.

— Нет, такой за 3500 не купишь.

Что-то я не понял, или Шварц слишком порядочный и это хорошо. Или Андреев за собой какую-то поддержку имеет, что вообще не испугался.

Немного поторговавшись, из-за отсутствия времени, сговорился за 4300 и 5 мешков овса. Я конечно цен на дилижансы не знаю, да и Шварц я думаю тоже, но мне кажется за 4000 такой в Москве купить явно можно.

— Отдаю часть суммы, остальное дома — передаю 1500 рублями. Вот ни как я не думал о покупке, хотя случайно "лишку" захватил.

— А как же остальное?

— Или сейчас со мной или завтра у моего управляющего.

— Нет, лучше сейчас.

Конями Леонид остался доволен. Возвращаемся на дилижансе, внутри места намного больше, тем в других, на которых я раньше ездил. Это уже больше на нормальное средство передвижения похоже. Модернизировать, перекрасить и можно ездить нормально. Я, Шварц и Михаил внутри, рядом с мешками с овсом. Леонид на козлах, с кучером. Второй кучер на левой задней лошади.

После того как рассчитался, и опять кризис с финансами, уже в который раз. Четыре тысячи я получу только после приезда тульского каравана из Лейпцига. Оставлю дома сотню на хозяйства, на всякий "пожарный случай". Три сотни с собой. Начался сбор.

Первым делом, я облегчил дилижанс, как только возможно. Поснимал всё лишнее, на мой взгляд, даже два фонаря для свечей. Вместо сиденья мешки с овсом. Чему удивился Шварц.

— Как же Вы, так?

— А вот так. Ох, чувствую "нахлабаемся" мы с этой поездкой.

— Ничего, ничего. Всё будет хорошо. Вы, удачливый.

— Я хочу привлечь полицейского Петра Окунева, надеюсь, Вы договоритесь с его командиром.

Получаю какой-то непонятный жест, который можно растолковать двояко.

Оказалось, что у меня действительно многого не хватает для путешествия. А учитывая, что придётся следить и неизвестно куда ехать, то вообще мало.

Под моим руководством, положили полмешка риса и 1/3 мешка гречки. Гречка и тут, после риса, самая дорогая крупа, три с полтиной за пуд. Лапшу. Пожалел, что нет тушенки. Кстати, а почему нет? Автоклав же свободно можно сделать, манометры и термометры есть и их должны привезти. Надо по приезду заняться этим вопросом. Пришлось положить замершего мяса и сало в бочонок.

Положили маленькую печку и жаровницу от Мальцева. Так до них раньше "руки и не дошли". Уложил канистру двух литровую с бензином, и пятилитровую с керосином. Положил последние квадратные бутылки зеленого стекла с водкой. Стекланные бутылки стоили достаточно дорого, хоть мне с этим и повезло, но тару придётся везти назад. Возникла проблема с питьевой водой, нечем везти. Это тут снег, а если он на Варшаву рванет, тьфу- тьфу, тогда как? Расстроился и разозлился на себя, что опять я ни к чему не серьёзному готов.

Взял ручку с металлическим пером, чем вызвал интерес Шульца и стал сокращенно записывать недостающее. Сразу образовались — рюкзак, солдатские котелки, флага и многое другое.

— А на каком языке это Вы, Дмитрий Иванович, пишете?

Вот же...нелёгкая. Да когда уже Кулик с Савельевым приедут? Пусть домой отправляется.... недремлющее око государево. И так оружие всё не достаю, а не дай бог его забыть.

— На своём и только для себя. Чтобы никто не догадался.

— А перо Вы, где такое взяли? Я бы тоже от такого не отказался.

— Вот по приезду, что-нибудь и придумаем.

— А это что? — смотрит на загружаемые раскладушки.

Он вообще по магазинам ходит или нет? Или только работой живет? А туда только экономка или жена ходят?

— Дарю, я думаю Вам, пригодиться. Особенно если на работе задержитесь — ничего, от минус ещё одной, я не обеднею.

Выхожу в коридор и зову Марию с Лизой и даю им указание "заняться" полковником. Пусть ему самовар поставят, печеньем угощают и другое и так далее.

Гришу послал за Саввой и Петром, с наказом не брать лошадь с санями, а захватить сменную одежду и бурдюки для воды.

Сам пока принялся писать письма и записки, потом их Фёдор развезёт. Самое тяжелое получилось Мальцеву, сильно извинялся, что я его подвёл. Позвал Авдея и подробно всё объяснил. Что по приезду сразу к нему. Описал на всякий случай автоклав с давлением 2–3 атмосферы, при температуре 120–130 градусов. Про стекланные банки и крышки, с железной проволокой и веревочками пропитанные воском, вместо уплотнителя. А так же попросил сделать спиртовки и для чего, а то заваривать кофе на печке крайне неудобно. Да и так несколько штук пригодятся.

Наконец прибыли посыльные с лошадьми, порадовало то, что были они под седлом. Но с условием, что седла надо потом вернуть. Потратили 750 рублей. Зря я так грешил на Гартунга. Их троих я сразу уложил спать, есть, кому о животных позаботится. Поставили раскладушки в коридоре для Саввы с Петром.

Потом вспомнил, что с нами едет Савельев. Поэтому стал заряжать оружие. Решил, только не брать винтовку Дрейзе, пусть полежит. Пожалел слишком ценный экземпляр.

Сейчас пять утра. Ещё совсем темно, но яркие звезды в морозную ночь, дают достаточно света. До рассвета осталось совсем немного, час, ну может полтора. Я так со Шварцем и не поспал, обсуждая возможные варианты. Заодно проверяя и перепроверяя, не забыл ли я чего. У обоих глаза красные от недосыпа и "стук" в сердце от кофе. Мы с ним чашки по три выпили и доели конфеты. Надеюсь отоспаться в пути. Где-то читал, что воеводы в походах почти не спят. Похоже, написали правду.

Дилижанс и сани Шварца, мы оставили в стороне на развилке венёвской дороги, спрятав за холмиком недалеко от усадьбы Кологривовой. В трех подъезжаем к крестьянской телеге с сеном, у которой "отскочило" колесо. Низенькая мохнатая монгольская лошадка сонно покосилась на нас. Обратил внимание, что отсюда очень хорошо наблюдается усадьба. Странно, почему никто из местных не обратил на это внимания? Заслышав топот копыт, из сена вылез дед с длинной седой бородой и мальчишка, чуть старше Ванюши. Да, хороши у Шварца агенты. Даже волков не побоялись, хотя к весне их в округе всех постреляли. Дворянам и развлечение и добыча ценного меха. Сено, в отличие от овса, тоже к весне стало стоить копейки. У кого не было кормов и денег, скотину уже вырезали. Тут не Малороссия и не более южные районы России, крупного скота много не держали, из-за отсутствия кормов и долгой зимы. Даже крыши крестьяне тут покрывали не соломой, а дранкой со мхом. В лесах было ещё достаточно дичи, а в реках и озёрах рыбы. Многие дворяне к концу зимы "закрывали глаза" на охоту в своих лесах на мелкую дичь и птицу, понимая, что без этого их крестьяне вымрут. Единственное, строго следили за крупными и ценными животными, на которых и сами охотились. Честно говоря, если бы около моего дома такое случилось, я бы тоже на это внимание не обратил. Ну что же, надеюсь впредь, будет мне наука.

Дед что-то зашептал спешившемуся Шварцу. Потом мы помогли поставить колесо на место. Дед, с мальчишкой залез на телегу, и медленно поехали в сторону Тулы. Его я так толком и не рассмотрел. А как там рассмотришь? Огромный бесформенный тулуп, подвязанный веревкой. Меховая шапка — колпак надвинутая на самые брови и большая седая борода. Конспираторы.

Выбрали место, чтобы нас не видели и наблюдаем в мою подзорную трубу по очереди за именем.

Село небольшое, крестьянских домов чуть более пятидесяти, разделенное на две части белокаменной церковью Николая Чудотворца. Выстроенная в 1773 году. На мой взгляд, несуразный амбар с двумя колокольнями.

Чуть в стороне на возвышенности и на окраине села, стоит более красивая деревянная Николаевская церковь. Также, построенная в 1773 году, помещицей Хомяковой Дарьей Ивановной. Объясняет Шварц, пританцовывая время от времени. Мороз хоть и не большой, но просто стоять долго нельзя. Я тоже это проделываю, но так, больше за компанию.

— Вам надо срочно навестить Антонову и пошить нормальную зимнюю одежду и нормальную обувь.

— Смотрю на Вас и понимаю, что Вы, полностью правы.

— Фатей, сходи в дилижанс и принеси господину полковнику покрывало.

Через несколько минут, полковник, уже похожий на пленного немца под Москвой сорок первого года, продолжает рассказ. Подготовился, однако, молодец. И когда всё только успел или это ещё ранняя разработка?

Блин, помещики тут, что соревнования по постройке церквей устроили? А сами священники куда смотрели? Так своих крестьян обдирать, ради своей гордыни. Кто же из крестьян будет верить в светлое, хорошее и доброе? Если помещики так бездумно расходовали средства, сдираемых с самих крестьян? Лучше бы они нормальную дорогу построили. Козлы.

Себя помещица не обидела, очень неплохой деревянный дом, окружённый хорошими и большими хозяйскими постройками. Даже неплохая кузня имеется и из неё дым идёт. Да откуда у неё деньги, когда кругом простые помещики, чуть лучше крестьян живут? Нет, есть конечно и богатые, но там всё больше князья, графы, генералы и другие в прошлом служивые дворяне в немалых чинах.

Глава — 9.

Простояли минут пятнадцать, и тут началось движение в усадьбе. Забегали крепостные с лампами в руках, зажгли две чаши с огнём во дворе. Ух ты, что-то таких чаш я тут раньше не наблюдал, надо будет и себе завести. Потом из огромного сарая выкатили два дилижанса. Да таких красавцев, что у меня "слюни потекли", от одного их вида. Я тут понимаешь, мучаюсь, а тут всякие бандиты на "шестисотых мерседесах" разъезжают. Всё как у нас в девяностые, нечего не меняется под луной.

Светло-коричневые корпуса, блестящие лаком в свете ламп и чаш. Колеса почти одинаковой величины. По два окошка и полузакрытое место для возниц. На крыше место для груза.

Приватизирую или прихватизирую, но хоть один, но оставляю себе.

Из кузни вынесли две жаровницы и поместили внутрь. Из дома, начали таскать вещи и загружать наверх дилижансов. Ого, и даже новые раскладушки со столиками в багаже у них есть. А сзади ещё и лесенка на крышу приспособлена. Сплошной хай-тек какой-то.

В это время на крыльцо вышла женщина в шубе и платке, а рядом с ней шёл стройный мужчина в красном пальто с меховым воротником. Рукава, чуть не до локтей, обшитые мехом и золотистыми полосками на груди. Меховая шапка с пером и кокардой. Они о чём-то разговаривали. Протягиваю трубу Шварцу.

— Вот смотри Качуков — и передаёт мне мою подзорную трубу назад.

Рассматриваю мужика получше. На вид от тридцати до сорока. Длинные тёмные усы на польский манер, торчащие в разные стороны. Худощавое лицо, с большими глазами, чуть навывкате.

— Как-то он уж очень хорошо одет. Как...очень богатый иностранный дворянин. Не уже ли в Царство Польское собрался? — подвожу итог моего наблюдения.

— Вот и выяснишь такое несоответствие.

— А как я там с местными властями...если что разбираться буду?

— Ну, слава тебе богу, вспомнил. А то я уже начал сомневаться в Вас, Дмитрий Иванович. Да и карту с компасом забыли спросить.

— Так всё-таки? — мне стало стыдно за свой промах. — Я Вам что.... рыцарь без страха и упрёка. Я всё знать не могу — странно, почему я сказал так? Ведь надо было сказать плаща и кинжала.

Компас находился в медной банке, похожий размером на консервы 21 века.

— Как, как...без страха и упрёка? Чего только от Вас не услышишь, Дмитрий Иванович? И где Вы, только такого набрались? Расскажите — усмехается Сергей Павлович.

— Так.... пестун хороший был. Так как?

— Держите. Но помните, это не должно попасть в другие руки. Оно хоть и именное и с числом...но всё же. Иначе, последствия будут серьёзные...и прежде всего для Вас. По приезду вернете... и компас тоже.

— Вот так всегда — и прячу тубус с мандатом ко второму, уже со своими документами. Он у меня в нагрудном кармане за кирасой. Карту и компас кладу в карман куртки. Вторая кираса на Кулике, раз Фёдор остался дома на хозяйстве.

Поездка мне всё больше и больше не нравилось. Веяло от этого какой-то серьезной подставой, с далеко идущими последствиями. Зря я согласился, не подумал. Авантюрист... хренов. Чтобы не получилось так, что и Мальцева за собой потяну. А вдруг это вообще ловушка на него? Но, и "задний ход" давать уже поздно.

— А с чего Вы, Сергей Павлович взяли, что я могу всем этим пользоваться?

— Ой, ой, не смешите меня Дмитрий Иванович, не поверю.

С дома начали выходить одинаково одетые слуги в каких-то полосатых платьях, меховых жилетках и подпоясанные широкими ремнями. У каждого к ремню пристегнута сабля на цепочке или ремне. Они тащили тяжелые ящики и бочонки, которые аккуратно сложили в один из дилижансов.

С соседней конюшни начали выводить лошадей. Из дилижансов вытащили жаровницы, вытряхнули содержимое в чаши, а их запихнули обратно. Запрягли лошадей, один дилижанс подъехал к самому крыльцу. Была и ещё одна лошадь под седлом. Надо признаться, что очень не плохих лошадей. Даже я смог определить, что они намного лучше, чем у меня. С дома начали выводить женщин и усаживать вовнутрь. Я насчитал трёх. Разглядывая их в подзорную трубу, отметил молодость и красоту женщин, скорее даже девушек. Все они себя как-то странно вели, словно живые манекены. Крепостных крестьян хозяйки, полосатые воины в это время загнали в сарай, где раньше находились дилижансы. Вынесли из дома ружья и пистолеты.

Однако. Вот так, похоже, и с Марией хотели поступить. Ну с..., теперь я вас точно так просто не отпущу. И плевать мне на все приказы, придумаю что-нибудь.

Всего с Качуковым отправлялось восемь слуг. А вот это уже плохо, их больше. Зато они не знают о нас, и это даёт мне шанс. Один пристроился впереди на коне, два на задних конях пары лошадей, остальные расселись по каретам. Сам Качуков сел в дилижанс с ящиками и бочками. Всё пришло в движение, и обоз тронулся в сторону Тулы.

— Так Фатей, держи подзорную трубу и осторожно за ними. И не дай бог, они тебя заметят. Мы за тобой.

Потом мы быстро потопали к нашим лошадям. Фатей, сразу же умчался, Кулик тоже сел на лошадь, он наблюдает за Фатеем. Мы быстро распрощались со Шварцем, всё сто раз оговорено. Он сам доберётся на своих саниах.

— Удачи — слышу на прощанье.

— К чёрту. Вперед гардемарины — даю команду.

— А почему гардемарины, мы же на суше? — Савельев.

И что я должен ответить? Вот же ассоциации прут, от волнения что ли? А язык придерживать я так и не научился.

— Лиха беда начало — махнул я рукой, поудобнее устраиваясь на мешках с овсом, кутаясь в бурку. У нас схема движения немного другая. Впереди скачет Фатей, за ним Кулик, который наблюдает и за ним и за нами. Мне не улыбается получить таких же

преследователей, но уже за собой.

На козлах Савва с Петром, который тоже будет оглядываться назад. На конях дилижанса Гриша, как самый лёгкий. Сзади дилижанса скачут привязанные две лошади под седлом. Остальных я решил не брать, Шварц их вернёт Гартунгу, а деньги заберёт и передаст мне по возвращению.

В дилижансе я, Савельев и старший Ремез. Потом они поменяют уставших товарищей.

Уже совсем рассвело, и я пытаюсь понять, куда же это мы едем? Почему-то оставили Тулу справа от себя и по объездной дороге направились в сторону Ельца. Вот и первая неожиданность.

Скорость наши визави держали довольно приличную. Так, что нам тоже пришлось подгонять лошадей. Тракт оказался довольно оживлённый, но гружёные возы и сани в основном перемещались в обратном к нам направлении. Попадались как не странно и кареты, едущие в разных направлениях. Ранняя весна и жизнь в империи начала просыпаться, после долгой зимней спячки. Мороз спал, сейчас по моим ощущениям, даже минус десяти не было. В этой разномастной массе мы и старались, чтобы нас не заметили преследуемые. Тут-то я и пожалел, что у меня только одна подзорная труба.

Проскочили какое-то захолустье под названием Ефремов.

Через 10 часов гонки, заметили сначала Кулика, потом Фатей. Они, придерживали разгорячённых коней на повороте, не решаясь ехать дальше. Если такие скачки пойдут дальше, то мы рискуем, останемся без лошадей.

— Но что там? — спрашиваю их.

— Дальше село Лобаново, вотчина князей Долгоруких — Фатей. (Не путать с именем — Имение Лобаново в Бронницком уезде Московской губернии. Примечание автора.)

— Твою же м..., Ищем место для ночлега — будем надеяться, что поедут дальше. Иначе никакого смысла, тратится на такие дорогие дилижансы, нет.

Отъехали чуть назад и расположились в небольшом лесочке, замаскировавшись парой срубленных ёлок с дороги. Тут открывался нужный нам вид на перекрёсток. Будем надеяться, что они себе не изменят и раньше шести часов утра не появятся. Вытащили печку. Мы с Леонидом быстро стоговили гречневую кашу с салом. Остальные пока обтёрли лошадей. Всё запили чаем, отвар настаивать просто некогда. Я это сделаю на утро, как и мясо с бульоном и рисом. Из глиняных тарелок ел только я и Фатей, остальные из котелка. Ох, как же я ругал себя.... мысленно, что не обзавелся серебряной посудой, а для других медной. Большой узел на память. Потом я всех отправил отдыхать в дилижанс, а сам занялся растапливанием снега. Нужно нормально напоить лошадей, а не как мы, "дали по капле". Да и вообще, я сам себя назначил в дозор. Особо никто и не возмущался, только Максим Савельев удивился. Спать в переполненном дилижансе, ещё то удовольствие. Тем более, что я почти весь день проспал, в отличие от моих спутников. Само больше досталось Фатей, затем Кулику.

Хорошо, что есть печка, а иначе пламя костра, выдало бы нашу стоянку. Я специально немного отошел и посмотрел. Сразу же вспомнил, про маскировочные сети.

А чтобы случайно не заснуть, начал придумывать полезную работу. Да и время так идёт быстрее. Помня наши прошлые приключения, начал строить завал вокруг лагеря. Смотришь, вдруг ещё и на следующий раз пригодится. Интересно то, что движение по тракту не прекращалось даже ночью. Пропали одиночки, но обозы и кареты в сопровождении верховых ехали. Их особенно было далеко видно, в свете факелов, которые они держали

высоко над головой.

Знакомые дилижансы никак не хотели, появляться в точно положенное время, что меня изрядно нервировало. Наконец к восьми утра показались из-за поворота и помчались в сторону города Ельца.

Проскочили мимо богатого села Лукьяновка, где виднелись могучие дубы и ещё какие-то деревья, высаженные в ряд. Наверное, фруктовые.

Город Елец, расположенный на двух берегах реки Быстрой Сосны впадающей в Дон. Сначала показались многочисленные купола церквей и монастырей. Сам городок, расположенный в низине. Расположился на двух холмах и центральной улицей между ними. На вид раза в два меньше Тулы. Значит, примерно 25–30 тысяч жителей, подумал я. Пролетевший раз я его "пролетел и не заметил", сейчас же пересел на козлы, чтобы получше рассмотреть.

Видны и какие-то заводи и мастерские. Большой деревянный причал, вмерзший в лёд, на другом берегу. Рядом деревянный мост, и большой рынок, раскинувшийся на оба берега. Причём действительно большой, занимающий по площади почти такую же территорию, как и сам город. Среди местных жителей, наблюдается много военных.

Задерживаться наши противники не стали, а мы тем более. Дилижансы, прогрохотав по мосту, понеслись в сторону Воронежа.

Ну вот, откуда пришёл, туда и вернулся.

Я никак не мог понять, куда же стремятся наши преследуемые деятели? Понятно, что на юг. Но куда? Это меня очень злило. Я не мог принять никакого решения и составить, хоть приблизительный план действий. Посмотрим, куда они отправятся после Воронежа?

Но до Воронежа они не доехали, свернули в какую-то усадьбу около селения Рамонь, и всё с ночёвкой повторилось.

— Так Максим, запоминай, где они останавливались. Одна голова хорошо, а две лучше — царапаю, по-другому это не назовёшь, на листке плотной бумаги вечером. Так же оставляю отметки на карте. Карта...слезы, а не карта. Всё очень и очень приблизительно, хотя я и сам, в этом деле не особо разбираюсь.

В Воронеж, как я понимаю, мы уже не поедём. Едем на восток. Они что на Кавказ собрались?

Утром повторилась всё та же история, за исключением, что у местного крестьянина узнали, что за усадьба такая. Оказалась Веневитиновых, запишем. А то такую фамилию не то, что запомнить, выговорить с первого раза не получится.

В Рамони переправились на другой берег по мосту, за это пришлось заплатить. Мне можно было и не платить как дворянину, но я решил не оставлять о себе сведения. Бросил 20 копеечную монету за всех, меньшей просто не было.

Потом по просёлочной крестьянской дороге, благо леса вокруг много иначе бы нас заметили. Переправились через гать, вышли на "трассу" и вечеру добрались до селения Шишовки. За Воронежем снега уже почти не было, так попадались кое-где в оврагах.

Наши "гости" направились в имение в селе Шишовка, к графине Кушелевой, около довольно симпатичной церкви.

— Та тут целый разбойничий тракт образовался — матюгнулся я записывая данные уже на стоянке.

Вот тут нас ждала не приятность в виде реки Битюг. Я решил рискнуть и переправиться заранее, а то потом днём я не уверен, что нас не увидят. Пришлось вытаскивать из дальнего

дома крестьянина, которого заставили проводить да переправы. Я пообещал 50 копеек за труды.

— И так, чтобы ваша графиня нас не заметила, а то я с ней не в ладах.

— Да, графиня очень строга — прошамкал зачуханный дед в рваном тулупе.

Мостик оказался очень узким. Пришлось уже почти в темноте, быть очень аккуратными.

Ещё я настоял на помывке всего нашего отряда, пожертвовав бурку. Ничего, к утру над печкой высохнет. Грели воду, потом по очереди раздевались и под бурку, из которой сделали шалаш с дыркой сверху. Сверху поливали теплой водой. Ради такого дела, я даже по сто грамм водки выделил.

Я опять в карауле, смотрю на звезды и размышляю. Повезло мне или не повезло?

— Ну, товарищ полковник, дешево ты за такой вояж не отделаешься. Так и знай — пообещал я себе.

Сыграл...и не выиграл. Качуков отправился вдоль речки, по дороге в сторону Боброва. Сначала я сдуру, чуть не дал команду скакать параллельно, но меня отговорил Степан Кулик.

Пришлось их отправлять с Фатеем, а самим обратно переправляется.

— Если что, сразу стреляем — предупредил всех.

Пришлось гнать лошадей, которым и так требовался длительный отдых.

Проскочили Бобров, и по тракту добрались до Павловска. Дилижансы Качукова свернули к довольно большому и новому дому с большими сараями, стоящему чуть особняком. Обозревая Павловск на берегу Дона, который расположился на изгибе реки, пришёл к выводу, что тут недавно бушевали пожары. Следы ещё видны. Сам город стал строиться в другую сторону. Город совсем маленький, хорошо, если тысяч пять наберется. Но на удивление в нём имелось несколько каменных зданий и даже каменная церковь, около озера. Или пруда?

Уже совсем потеплело, и снега здесь уже не было нигде. Зато появилась другая прелесть русских дорог, грязь. Вот теперь я, кажется, понял, почему у карет задние колеса большие. Правильно, чтобы легче коллективно толкать, когда застрянешь. Подкапывать, как делаем это мы в 21 веке, не получится, нет железных лопат. Учтём.

Остановились справа в лесу около ручья. Дорога на юг проходит недалеко от нас, так что не прозеваем.

Сырое утро с небольшим туманом, я проклинал на все лады. Пришлось, выдвигается пешком к дороге. Но Качукова дилижансы так никуда и не поехали. Или кого-то ждут или тоже выбились из сил? Ну не двужильные же они? Ну и очень хорошо, а то мы все были на грани. Честно говоря, меня уже начали одолевать сомнения, в положительном преследовании. Все осунулись, похудели и всё больше хмурились. Даже Гриша, поначалу возбуждённый приключением, понял, что...ну его нафиг, такие приключения.

Проблема и с питанием. Нужно свежее мяса. Но предложение идти в Павловск и купить, где и так мало жителей, я отверг. Так "палится" мы не будем. К обеду я решил вернуться назад в село Дуванку, и что-нибудь прикупить. Запрягли двух лошадей.

С собой взял Петра, для солидности и на всякий случай. Село принадлежало генералу Боровкову, который сейчас находился в Москве. Я быстро сторговался с управляющим. За бумажный червонец, по его команде тут же забили и освежевали барана. Мясо завернули в шкуру и только тушку, остальное я приказал отрубить и оставить. В корзинку положили немного сыра, хлеба, лука и соленых огурцов.

Вот тут то и пригодились шампура. Барашек оказался маленьким, толи мы очень

голодные, но мы его почти и съели. Надо было двоих покупать, подумал я, сыто осматривая остатки.

Лошади тоже от нас не отставали, хрумкали усиленную дозу овса, и выражая полное согласие, погостить тут и подольше. Бедные животные. На обратном пути, тоже придётся покупать овёс...если он будет, этот обратный путь. Но как бы там не было, дальше Царицына я решил не ехать. Там ещё много всяких степняков по степям шляются. А к весне они все голодные и злые. Поэтому приключение на свою пятую точку, мы там найдём запросто.

Накопилось много хозяйских дел, которые мы принялись решать. Я от этого отстранил только двоих Фатея с Куликом, им и так больше всех достаётся.

Ещё раз помылись, постирали бельё, нафильтровали и вскипятили воды и подправили упряжь. Я пересмотрел всё оружие ещё раз и пошёл в дилижанс отсыпаться.

Мне ещё ночью караулить. Но сон не шёл, одолевали невеселые мысли. Я никак не мог понять, как мы проехали такое расстояние и у нас ни разу не проверили документы. Военных и полиции мы видели много...мимоходом. Вот что-то тут не так. Что маршрут подобран, причём очень тщательно я уже понял. Что тут замешаны князья и графы и другие высокопоставленные чиновники, тоже. Но вот в какие "тайны Мадридского двора" я умудрился влезть, не очень. Если даже об этом ничего не знает полковник жандармерии? А это очень и очень высокопоставленная особа в империи. Что, чёрт возьми, происходит?

Утром опять началась гонка. Проскочили Богучар и остановились от него в двух верстах в хуторе помещика Красноженова. Вернее это они остановились, а мы превращаемся в каких-то лесных жителей. Мой счёт к Шварцу вырос до каких-то немыслимых размеров.

Оттуда на Миллерово, достаточно большое поселение казаков. Дом помещика стоял на возвышенности, его черепичная крыша была далеко видна с почтового тракта. Излучина реки образовывала небольшой пруд.

Виднелась мельница, ипподром, где выгуливали хороших породистых лошадей. Вот тут нас первый раз и остановили, но хватило и формы Петра. Вот святая наивность, а не проверяющие. А скорее просто не захотели разбираться, лень матушка. Да и чего казакам бояться?

Через два часа остановка на другом хуторе. Вернее это у них остановка, а у нас опять лесная стоянка.

Похоже, я начал догадываться, куда стремятся чужие дилижансы во главе с Качуковым и это мне совсем не нравится. А главное мне не нравится тот груз, который они везут.

Глава -10.

Наше путешествие закончилось на берегу речки впадающей в море, где-то между Ростовом-на-Дону и Таганрогом. Тут расположились два хутора и длинная деревянная пристань, уходящая в залив. К ней привязано пару небольших лодок. Как только я её увидел, так всё сразу до конца и понял. Тут явно живут контрабандисты, выдающие себя за рыбаков. Полей обработанных нет, скотины почти тоже, лишь пару баранов. Небольшой огород, сад и по-моему несколько кустов винограда. Ещё есть сети, развешанные сушится. Да и место явно уединённое выбрали. До слишком хитрых операций, наша разведка ещё не дошла, не англичане. Не было у нас своего Даниэля Дефо, знаменитого писателя написавшего "Робинзона Крузо", который на протяжении многих лет возглавлял английскую разведку и

контрразведку. Он уже в 17 веке создал прообраз сегодняшних спецслужб. Кстати, а почему у нас такого не было? Может кто-то и был, но вот я не помню.

А помню я, что турецкие или под турецким флагом, суда тут резвились, как у себя дома, вплоть до самой русско-турецкой войны 1877–1878 года. Не зря, что одним из пунктов мирного договора после Крымской войны, запрет России иметь военный флот в Чёрном море.

Качуков со слугами и девушками, расположился в довольно большом доме. Который ну никак, не соответствующим обычным рыбакам. Сам дом тоже не обычный, а как будто состоящий из нескольких зданий. Такое впечатление, что по мере увеличения благосостояния и жителей, пристраивали ещё и ещё комнаты.

Подобравшись поближе, чуть ли не ползком с Фатеем, ещё раз внимательнее пытаюсь рассмотреть всё в подзорную трубу. Вдруг тут всё же живёт какой-то помещик? Спешить не будем, время пока ещё есть. Корабля не видно.

Сейчас температура воздуха градусов десять тепла, а на солнце все двадцать. Все кто приехал, кроме девушек, находятся на улице, наслаждаясь теплом, сняв верхнюю одежду. Слуги в основном ходят туда-сюда, разминаясь после долгой дороги. Некоторые обхаживают лошадей, которых загнали и мы и они. Своим я подливал по не многу водки в воду, от безвыходности. Свои дилижансы они загнали в большой сарай. Двое слуг с оружием на страже.

А это что за молодой хлыщ? Вообще не понятно, кто он и откуда тут взялся? На нём какая-то форма синего цвета, очень похожа как у Шварца. Сам довольно высокий, с вытянутым лицом и "бульдозьими" щеками и небольшими, щегольскими усами. Из-под шапки "пилотки" с белым султаном, виднелись тёмные волнистые волосы. Шёл он рядом с Кучковым, о чём-то с ним беседуя.

После довольно долгого наблюдения, я выяснил, что в доме проживает ещё четверо мужчин, разного возраста. Три женщины и десяток детей, разного пола. На русских явно не похожи, но и не татары. Одеты довольно прилично. Плохо, но и делать нечего. Отступать я тоже не намерен.

— Фатей видишь того в синем мундире? Что скажешь?

— Не уж-то, жандарм в высоких чинах? — внимательно всё рассмотрев в подзорную трубу.

— И у нас Максим тут... — машу неопределённо пальцами.

— А Пётр?

— А вот Пётр, как раз и не причём. Это я его сам пригласил — после немного помолчал, обдумывая варианты. Неужели меня сюда специально заманили? Если так, то нам только и остаётся, что напасть первыми. — Отходим к нашей стоянки в лесу и вяжем Максима. Ночью нападём — даю команду.

— А Савельев?

— Связанный полежит. Потом разберёмся.

Обговариваем ситуацию.

Что меня сейчас смущает, что тут власть казаков. И законы империи они соблюдали очень своеобразно, то есть как им выгодно. Это в городах ещё можно покомандовать. А в этой хлухомани можно только договориться или заставить, если имеешь силу. Но и сама служба на Дону у казаков была нелегкою. Казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков. Относились к ним враждебно, называли их

"иногогородними". В их лице видели своих недоброжелателей, попиравших права казачества и казакоманства.

А именно, главным образом, с упразднением закона о наделении казачьих офицеров по чинам земельными наделами и с отменой закона по предмету недоступности права приобретения "иногогородними" казачьих земель и городских угодий, домов и прочих городских имуществ. Словом, Донской край делался общедоступным во всем. Главным образом, по приобретению земель и городских домов, угодий и имуществ, для всех русских и иностранных граждан. Казакам было, естественно, и не по характеру и по внедрившемуся в казачью плоть и кровь убеждению, что все войсковое имущество и земли составляют достояние одних казаков. К войсковой собственности казаки относились так, что они всё считали своим достоянием. Даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами. Но всему этому был положен конец во время управления военным министерством генерал-адъютантом графом Милютиным, но это будет ещё не скоро и не сейчас.

А сейчас мне надо решаться на какие-то последовательные действия. Мы что зря столько времени гнали лошадей? Что готовится что-то очень противозаконное, я уже почти не сомневался, но вот последствия меня откровенно пугали.

Чёрт. Да ещё женщины и дети, без них было бы намного проще. Если не дай бог зацепим, живыми нас отсюда не выпустят. До Воронежа по любому догонят. Да и стрелять в казаков неправильно, они же будут делать тоже, что и я сам сейчас.

— Но, а кто сказал, что будет легко — произношу вслух.

Подходим к стоянке.

— Гриша, иди, понаблюдай — отдаю команду и протягиваю трубу. Потом заглядываю в дилижанс и беру веревку. Кулик, Пётр, Савельев и Савва, расположились около печки. Фатей спокойно обошёл по кругу и оказался у Максима за спиной. Я тоже, как не в чём небывало подхожу, резко выхватываю мариэтту и наставляю на Савельева. Фатей повторяет за мной только сзади. Все замерли.

— Это что, Дмитрий Иванович? — удивился Пётр.

— А вот пусть нам Максим расскажет? Что тут делает жандарм в больших чинах?

Все резко отодвинулись от Савельева.

— Максим на колени, ногу за ногу. Савва с Куликом вяжите его и крепко — кидаю веревку.

После того как связали, мы с Фатеем спрятали пистолеты.

— Так что Максим. Повторяю, что тут делает жандарм?

— Дмитрий Иванович, богом клянусь, я не знаю.

— Откуда он взялся?

— Не знаю.

— Ничего-то ты не знаешь. А вот что мне и моим людям делать, не подскажешь?

Всё же хороши эти жандармы из третьего отделения. В его глазах и мимике я так ничего уловить и не сумел, что меня ещё больше убедило в моих подозрениях.

— Ночью штурм. Стараемся не убивать женщин и детей, раз. И надо постараться захватить Качукова и жандарма живым, два.

— Дмитрий Иванович, это...не слишком — Пётр.

— Боюсь Пётр и этого мало... чтобы сохранить наши никчемные жизни...причём всех. Нам надо как-то ещё и корабль, захватить который придёт.

— Корабль? — Кулик.

— Да Степан. Они не просто так сюда появились. Будет корабль, обязательно будет.

Такая перспектива всех не очень обрадовала. Все поняли, что без наших потерь тут вряд ли обойдётся.

— Что головы повесили? Штурмовать его мы не будем, мы не самоубийцы. Если ночью удачно произведём захват, то ружей у нас будет много. Будем отстреливать команду на палубе с дальнего расстояния.

Оттащили связанного Максима подальше и оставили Савву охранять. Причём перевернули его на живот по моей команде. Савву я хорошо проинструктировал, а из оружия ему дали большую и крючковатую палку. Дальше мы сели планировать ночной штурм, всё же у меня были крепкие профессионалы особенно Кулик с Ремезом. Плюс мой "киношный" опыт. Будь другие, я бы думать не стал.

— Точно сумеете снять? — переспросил Степана и получаю кивок.

— Значит так. Не спешим, всё делаем аккуратно. Пётр ты чуть дальше, вот тут с оружием — дорисовываю схему на песке. Не потому что я против его, а потому что он слишком большой.

— А не окажемся мы все потом на каторге за это? — Ремез. Ну что же я его понимаю, он ещё и за сына переживает.

— Только вместе со мной. Скажите, что я вам приказал. Вы люди подневольные, а Пётр это подтвердит — подвожу итог.

На "дело" пошли после полуночи. Снять двоих сторожей у Кулика, старшего Ремеза и Фатей получилось...нормально. Как не странно, очень помогло моё копьё и то, что остальные находились в доме. Иначе бы остальные точно слышали.

Провозились они, правда, очень долго. Из этого я сделал вывод, что подобраться абсолютно бесшумно к нормальному сторожу, практически не возможно. Ну не знаю, может и есть такие мастера, но мы к ним точно не относимся. Вот тут я и пожалел об арбалетах, которые не стал брать.

Первого сняли без особых проблем, только дождались, когда он стал, "клевать" носом, прислонившись к краю дома. Думаю, что он ещё не отошёл от дороги, не только она нас вымотала. А вот второй...с ним возникла проблема. Он по лестнице, прислонённой к сараю, забрался на выступ бревна и там сел, спрятавшись в тень. На колени положил ружьё, а за поясом два пистолета. Если бы мы не наблюдали за ними в подозрную трубу, подкрадываясь поближе по мере наступления ночи, и не увидели бы. Ему открывался отличный вид большей части местности. Подвёл его, его же и напарник полудремавший на посту. Когда первого зарезали, второго обошли справа, прикрываясь домом.

Ремез метнул моё копьё, а Кулик как ни странно для меня, камень величиной с кулак. Закончил всё Фатей своим коротким клинком.

Общей картины я не видел, лишь краем глаза. Сам лежал, направив капсульный трофейный пистолет на дверь дома. Рядом со мной ещё четырех ствольный баварский карабин, это на случай, если попрут толпой из дома. Зато хорошо слышал громкий стон, удар и падение тела.

Очень хорошо, что нет собак. Но тут больше экономическая составляющая часть, чем практическая. Кормить собак, когда сами жители питаются "очень скромно" и это ещё мягко сказано, никто не будет. Вот их и держат сейчас в основном помещики.

Все замерли. Ждём. Прождав полчаса выступаем. Первым Кулик, в кирасе с щитом и

валлонской шпагой. За спиной у него пистолет. Потом я с мариэттой, дагой за поясом и лампой в руке, пистолет засунул сзади, а карабин оставил. Дальше Фатей с мариэттой. Леонид со щитом, трофейной иранской саблей и пистолетом на другой стороне дома, на улице.

Пётр на углу дома. Савва в лагере, сторожит Максима. Младший Ремез сторожит сам лагерь. В общем, негусто, подумал я, только вся надежда на внезапность.

Заходим. Я сам вызвался идти в дом, слишком случай "скользкий", да и принято тут так. Темно жуть, лампа горит чуть-чуть. Коридор узкий, я сразу перемещаюсь в сени-веранду, где спят трое слуг Катукова. Рядом оружие. Приходится аккуратно ставить лампу в угол и доставать дагу. Наука мне, д..., надо срочно "летучую мышь" с рефлектором в хозяйство приобрести. По команде вонзаем клинки. Я, холодные оружием вот так убиваю первый раз, мерзко. Но придётся привыкать, хочу я этого или нет. Вдыхаю и выдыхаю несколько раз, беру лампу и киваю головой, что готов. Открываем накидку вместо дверей. Во второй маленькой комнате повторяется, почти то же самое действие. Но мой противник, в это время вдруг открыл глаза, успел повернуться набок и издав крик "Матка Боска". Мне пришлось наносить беспорядочно кучу ударов, залив и испачкавшись всё кровью. Дальше мы бросились в следующую комнату, благо нет дверей. Комната оказалось залом с очагом расположенным посередине.

Часть людей спало на широкой кровати, часть на полу. И больше никакой мебели. Не разберешь кто где.

— Всем лежать, работает ФСБ — кричу я.

В углу кто-то зашевелился, и я стреляю туда. Мне надо увеличить свет лампы, но как это сделать не представляю. И поставить то некуда. Пока мы размышляем, что делать на улице слышится выстрел. Через некоторое время второй. Чёрт, там-то что?

На полу начинается интенсивное шевеление, и я киваю Фатею с Куликом. Степан подскакивает и начинает наносить удары плашмя шпагой и кричать, чтобы все лежали смирно.

Стоило мне чуть скосить туда глаза, как звучит выстрел. Пуля проскакивает в каких-то миллиметрах от моей руки с лампой. Я, вместо того чтобы стрелять в ответ, зачем-то мчусь к очагу чтобы спрятаться за него. Второй выстрел, и я тут же получаю сильнейший удар в живот.

— А с... - хриплю я, привалившись к кирпичной стенке очага.

Все застыли, ожидая, что будет дальше.

Мариэтту под мышку и быстро добавляю пламя, заливая всё светом.

— Вот же... дуракам везет — увидев, что пуля раздробила рукоятку даги не пробив кирасу, и где-то потерялась в одежде. Слышится звук сдвигаемой мебели.

Кулик не растерялся и всех положил на живот. Фатей выглянул из-за угла.

— Два мужика с саблями в руках — констатирует он.

Ощупываю себя, крови нет. Но что же, синяки потом посчитаем.

— Замени. Его сюда — киваю на Кулика. — Выходим, как учил.

Сам никак не могу перевести дух, больно зараза.

Степан впереди со щитом, я за ним с двумя пистолетами. Лампу оставили на полу. За кроватью стоят два мужика в длинных рубахах с разными саблями и колпаками на головах.

— Секретная служба императора. Бросайте оружие, иначе застрелим — а сам морщусь от боли.

Мужики думают. Тут от двери послышался топот, и мне пришлось развернуться. Ввалился Ремез.

— Твою мать, дурак — выругался я, разворачиваясь обратно.

В это время противники решили напасть, сделав выпады. Нет, не зря у нас были тренировки, а может мужики не проснулись. А может и фехтовальщики из них не очень.

Кулик делает волновое движение щитом, отбивая выпады, а шпагой поражает крайнего в левое плечо, и с дуствольным разряженным пистолетом в руке. По-моему Качукова. Пистолет падает.

— Больше предупреждать не буду, считаю до пяти и стреляю — предупреждаю их.

— Вас всё равно найдут и повесят. Вы помешали третьему отделу жандармерии — зло говорит молодой парень с "бульдोजьими" щеками.

— Разберемся. Не виноват, отпустим. Даю слово — но соблюдать я его точно не буду.

— Вы не понимаете, куда вы лезете со своим рылом.

— Пять — произношу последнюю цифру, и они бросают сабли на кровать.

Забираем сабли и крепко связываем обоих, одного перевязав.

— Что там на улице? Кто стрелял? — спрашиваю Ремеза.

— Убежал, один убежал — вздыхает он.

— Молодцы — твержу сквозь зубы. — Остаёшься на охране и смотри, чтобы эти даже не шевелились — даю команду Ремезу, взяв его за грудки.

— Вяжем других.

Зажигаем медную масляную лампу, обнаруженную на выступе очага. Одного вязать уже и не надо, до утра вряд ли доживет. Потом обследуем комнату и находим ещё один выход. Дальше закрытая комната с дверью, в которой испуганно жмутся три девушки. Закрывли обратно, идём дальше. В другой комнате, закрытой тяжёлой занавеской опять женщины и дети на каком-то стеллаже с кучей ковров и подушек. Их то куда?

Идём дальше. Двери маленькие, а проходы узкие, приходится идти гуськом, и согнувшись. Находим лаз, по которому сбежал один из хозяев. Выглядываем и обнаруживаем недалеко Пётра, который интенсивно заряжает оружие. Он хорошо виден в свете звёзд. Понятно, почему он не попал.

— Пётр иди в лагерь и веди всех сюда — окрикиваю его. — Возвращаемся.

Запираем лаз.

— Жить хотите. Где подвал? — спрашиваю женщин.

Рассуждать долго некогда, хватаю первую и тащу из комнаты. Действительно подвал имелся и немаленький. Мало того, в нём много разного товара, ящиков и бочонков. Быстро обследовав, забрали только оружие. Спрятанные три гладкоствольных ружья, пару сабель, маленький бочонок пороха и мешочек с пулями. Лаза не обнаружили, но возможно он и есть. Тут ещё те хитрецы живут, как я убедился. Туда согнали только местных, а Качукова с неизвестным жандармом оставили.

— Ну что Савва скажешь? — знаю, что плохо с лошадьми, вот только насколько.

— Загнали лошадей, Дмитрий Иванович. Таких лошадей хор... — чуть не плачет наш кучер.

— Савва, я всё понимаю, но так...надо было — перебиваю его. — До Миллерово они хоть довезут.

— Дней через пять, не раньше.

— Тогда бери Гришу, заберите с подвала одного мальчишку. Сделай так, чтобы мы

через этих пять дней доехали до Миллерово.

Дальше разные хозяйские хлопоты по доставшемуся хозяйству, организация обороны и всего остального. Пётра тоже занял, чтобы мне не мешал. Мне тут не до соблюдения прав человека. С Максимом ещё пришлось разбираться, его завернули в ковер и связали. Даже не стал слушать его речи.

Наконец появилась время очень внимательно обследовать бумаги в двух кожаных сумках для документов, которые цепляют к поясу. Они чем-то похожи на дамские сумочки с 21 века. Одна отделана медными бляшками, вторая серебряными.

В той, что попроще, нашел много разных бумаг. Паспорт на имя мещанина Качукова. Графскую грамоту на польского дворянина Станиславе Забелло. Какое-то письмо на арабском языке. Пять билетов московской охранной казны по 1000 рублей серебром. Вексель банка Ротшильдов на английском языке на две тысячи фунтов и несколько николаевских серебряных рублей и мелочи. Пузырек с какой-то жидкостью и разная мелочь.

Во второй побогаче, патент на дворянина и капитана жандармов Николая Александровича Мордвинова. Твоё ж м..., вот это попандос. Ну-ка его сюда.

Обследую его полностью, несколько не смущаясь. Хотя, чего там обследовать, панталоны, длинная рубаха и колпак. Кроме трех перстней ничего не обнаружил. Снял, под ругательства капитана. В сумке ещё около 200 рублей ассигнациями, чистые листы, перья в тубусе, маленькая наваха, бритва, дорогие французские мыло и одеколон.

— Скажите кто же вы такой? Я или мой отец, вас всё равно найдём — закончив ругаться Мордвинов.

— А подскажите, что вы в такой компании делаете, Николай Иванович? — а сам кручу кольцо, которое не даёт мне покоя. Где, где я такое видел?

Серебряное кольцо с красным камнем посередине и что-то начертанное, что так просто не разобрать. А вот английскую букву G с боку я разобрал.

— Я капитан третьего отделения жандармов, если вам это что-то говорит. Немедленно меня освободите и тогда получите снисхождение — видит, что я покачал головой. — Нет. Вы пожалеете. Очень пожалеете.

— Повторяю вопрос. Что Вы, тут делаете?

— И это не ваше дело. Вы мешаете проведению царского указа.

Перед этим я его оттащил в комнату, где так неудачно убил поляка. Трупы мы уже вытащили, но крови вокруг ещё много.

— Значит, не скажите?

— Вас найдут и повесят. Немедленно меня освободите. Я вам приказываю — заладил опять Мордвинов.

Меняю их местами, но так чтобы они даже не успели взглянуть друг на друга. У этого тоже, какой-то золотой перстень с двумя орлами по бокам, поддерживающих щит, с зелененьким камешком посередине.

— Так кто же вы такой, господин Качуков? Или поляк Забелло?

— А вам, Дмитрий Иванович, какая с этого печаль?

— Ух ты. Оказывается, я знаменит.

— Ну, ещё бы. Кто столько новых механизмов придумал. Да и не знать сына самого Мальцева, как-то не комильфо.

— Зачем у меня пытались украсть служанку Марию?

— Я к этому не имею никакого отношения.

— А кто?

— Это, возможно, кто-то из людей пристава Юмашева. Но сами понимаете... слухи.

Как-то он слишком любезен, с чего бы это?

— Так всё-таки, что Вы тут делаете?

— Я приехал за английским врачом, которого должен встретить.

— Дальше.

— Он должен помочь девушкам. Тайно.

— А они что, больны?

— Да, они привыкли к опиуму. А Вы, возможно сами знаете, что английские доктора в этом вопросе лучшие.

Вот это будет хрень, не дай бог это окажется правдой. Может, тут просто решили тайно полечить высокопоставленных девиц, а я тут трупов понаделал. Вот тогда мне и моим людям точно каторги не избежать. Пришлось закатать их обоих в ковры, а на глаза надвинуть ночные колпаки.

Глава — 11.

Что-то во всей этой историей крутится в голове, но вот что? Будем спрашивать дальше. Хорошо когда можешь, а что делать когда не можешь и тебя терзают сомнения?

— Максим, извини, но придётся тебя тоже подержать в ковре. Что-то много тут неясного. Вот скажи, кто такой Мордвинов? Какое занимает у вас положение?

— Насколько я помню, он был когда-то управляющим третьим отделением, а сейчас сенатор или тайный советник, точно не знаю.

Так. Вот это удача. Ну, какой я молодец и что хорошо смотрел фильмы, как арестованных надо сразу разъединять и не дать им увидится.

— А как его звали?

— Не помню.

Вот, чёрт. Чего такое спросить?

— А возраст? — хватаюсь за соломинку.

— Больше пятидесяти.

— А что означает вот этот перстень? — кручу перед носом кольцо с красным камнем, не дающий мне покоя.

— Не знаю.

Твоё м... через коромысло. Может сын или родственник, с какими-то тёмными делишками. Причём, очень тёмными, иначе родича не послал бы. Продолжим с другим.

— Ну что, Николай Александрович, расскажите что Вы, тут делаете? И не надо мне врать. Ваша грамота есть фальшивка. Никакого капитана Мордвинова в третьем отделении нет. Зато есть ваш отец, тайный советник и сенатор. Вот подарок ему будет — а грамотку мы припрячем, она мне ещё не раз пригодится.

Парень чуть старше меня хмурится и молчит. Подскакиваю к нему и залепляю пощёчину. Потом хватаю одной рукой за ухо и второй за бровь и начинаю крутить.

— Сколько, сколько вы хотите? Мой отец заплатит — сквозь свой визг выговорил он. Что не привык, к такому обращению.

— А что вы можете предложить? — поторгуемся, остальное всегда успеть можно.

— Сто тысяч рублей Вас устроят.

— Неплохо, но мало.

— Может, ещё и какое имение отец даст.

— Ну, допустим. А что вы тут делали?

— Должен забрать почту. — Видит мой немой вопрос — Так она быстрее доходит. Её не вскрывают в третьем отделении. Там несколько интимных вопросов нашего семейства и мы не хотели бы, чтобы это знали другие.

Оставим пока с этим, будем думать дальше.

Пора вообще-то и пообедать. Пришлось готовить нам с Куликом, а то что-то я опасаюсь местных. Правда, воспользовались их же продуктами. Заодно пригласим девиц, и выясним кто они. После разных хозяйских дел, пришлось даже одну совсем молодую местную девчонку вытаскивать из подвала для услужения и часть запасов. Вот же мороки, с этими барышнями 19 века. Врагу не пожелаешь, "такого счастья". Потом почесал маковку, и отправил всех остальных женщин с детьми в соседний хутор. Местные кстати оказались греками. Их предупредил о последствиях враждебных действий с соседнего хутора. Типа, мы и сами уйдём только с двумя пленниками и ничего разрушать не будем. А если нет, спалим всё вместе с оставшимися.

— Так кто Вы? Как Вас зовут? — спрашиваю за столом, совсем квелых девушек. Ломка у них что ли?

— Купеческая дочь Анастасия Розова из Новгородских купцов. А это моя компаньонка Евгения Санина.

— Софья Ферзен — скромно потупилась девушка с черными длинными волосами.

— И кто у Вас родители? — обрушаюсь к ней.

— Статский советник Павел Карлович Ферзен.

— Ну а чем занимается, Ваш батюшка? — это, какое же надо терпение, чтобы с ними разговаривать.

— Егермейстер.

Что? Вот это.... задница. Мало мне Мордвинова, так ещё и дочь начальника царской охоты. А это уже большая политика, причём очень. Вот и выходит, как я не старался держаться подальше от дворян, а тем более аристократов...они сами ко мне пришли. Под девизом — если ты не занимаешься политикой, то политика займется тобой. А упирается как всегда в деньги и власть.

Влияние отца огромное, кому угодно не поручат, только очень преданным. Там люди с оружием среди царственных особ крутятся. Несчастные и "несчастливые" случаи случаются периодически на таких охотах.

— А как Вас зовут, милостивый государь — дочь купца Розова. Более энергичная из девушек.

Что же ответить? Своим именем я называться категорически не хочу, а после такого тем более. Своих, тоже предупредил, чтобы держали язык за зубами. А возьму псевдоним...буду Василием Тёркиным, почему-то пришло на ум. А что, я с началом погони я не брился, так что потом узнать меня будет тяжело. Да и вряд ли будут девушек таскать на опознания. Есть шанс остаться неузнанным. Так что создаём... фантом. А на будущее надо лица закрывать, целее будем.

А теперь другой вопрос, может просто так здесь оказаться его дочь? Правильно, не может. Если при этом учесть, что тут замешены англичане, так тем более. В 1801 году убили Павла-1 свои же дворяне на деньги англичан, причём показательно и жестоко. Весьма активную роль играл, а, как многие утверждают, и руководил заговором британский посол

Чарльз Витворт, кстати, масон высокого градуса. Витворт был, пожалуй, одним из первых, если не первым, кто стал распространять слух о сумасшествии Павла. 6 марта 1800 г. он заявил в своей депеше в Лондон: "Император буквально с ума сошёл... С тех пор, как он вступил на престол, психическое расстройство его стало постепенно усиливаться...". Насколько я помню, за убийство Павла-1 англичане заплатили 2 миллиона рублей золотом. Пусть потратили ещё миллион на прикормку вечно в долгах аристократии. То выходит, что всего за 3 миллиона изменили политику целой империи, заставив её воевать за свои интересы с Наполеоном. Ну что же молодцы, стоит только поаплодировать. Вот только я никак не могу понять наших аристократов, о чём они думали. Они же интриганы ещё те. Мне пока не понятно.

Во главе заговора встали вице-канцлер Никита Панин, генерал-губернатор Петербурга Петр Пален, последний фаворит Екатерины Великой Платон Зубов вместе с братьями Николаем и Валерианом. Общее количество лиц, вовлеченных в заговор, к началу марта 1801 года составляло от 180 до 300 человек. Причём запугали царскую династию настолько, что даже сам факт убийства Павла Петровича венценосная семья признала только спустя 100 лет, в 1901 году. До этого в ходу была официальная версия апоплексического удара.

Убили и за то, что Павел за 4 года, 4 месяца и 4 дня своего правления не сделал ни копейки долгов! И другим не давал. Тот государственный долг, с которым Россия пришла к войне 1812 года — это 100 миллионов гульденов золотом (80 млн остались от матушки Екатерины и 20 млн долгов наделал Александр Первый). Отменил и дворянские вольности, дарованные матерью. Запретил подавать коллективные прошения.

Павел-1 отказался от участия в военных коалициях, так как не видел в них пользы для России. Несмотря на непростые отношения с Александром Васильевичем Суворовым, Павел-1 устроил ему государственные похороны в российской столице и сам с сыновьями принимал в них участие, воздавая почести почившему военачальнику. Чем вызвал недовольство многих аристократов.

По его повелению Суворову был установлен памятник. Для сравнения, после окончания войны 1812 года император Александр не только не установил памятника главнокомандующему Кутузову, но напротив, проезжая через Селезью, через год после его погребения (Кутузов умер в Бунцлау 16 апреля 1813 года) — даже не посетил его могилу. В общем, много чего наделал и хорошего и плохого, "наломал дров знатно". За четыре с небольшим года было издано 7864 указа. Это в два раза больше чем за сорока трехлетнее правление Петра-1. А по армии вообще 14207 указа. Представляю какой бардак был.

Новый император Александр-1 сразу же оказался перед лицом британской агрессии. В январе 1801 г. британское правительство приказало захватить все русские, шведские и датские суда в английских портах. Одновременно началось формирование Балтийской эскадры в составе 20 кораблей, 5 фрегатов, 7 бомбардирских кораблей и 21 мелкого судна. Во главе экспедиции был поставлен адмирал Гайд-Паркер, вторым флагманом назначили вице-адмирала Нельсона.

Александр-1 фактически капитулировал перед англичанами. Немедленно были сняты эмбарго с английских торговых судов и имущества в российских портах. 5 июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция. В сущности значительно изменяющая правила вооруженного нейтралитета Екатерины II и разрушающая цель, к которой стремился Павел-1 при образовании союза северных держав. Вот под таким страхом всю жизнь и правил Александр-1, даже побоялся тронуть заговорщиков убивших отца.

Россия после войны с Наполеоном стала постепенно восстанавливаться, но англичане не дремали. Опять расплодилось куча разных обществ, те же декабристы. Целью Англии было то, что в результате такой смуты Польша и Финляндия сразу же вышли из состава Российской Империи. А шведы, воспользовавшись ситуацией, смогли бы отвоевать Петербург: эта территория в XVIII столетии была отобрана у шведов Петром-1.

И вот теперь, перед Крымской войной я сталкиваюсь с дочерью распорядителя царской охоты...случайно. Ну, всё достали! Если действительно выяснится, что тут опять будут задействованы джентльмены, буду отстреливать. Как они к нам, так и мы к ним. И не потому, что я плохо отношусь к англичанам как таковым, хотя убийство английских царей мы вроде не финансировали.

Патриотизма у англичан больше, чем у наших людей, и это надо честно признать. Но сейчас мы находимся по разные стороны баррикад, и каждый старается сделать для своей родины всё. Другое дело, что джентльмены переходят всякие границы и нарушают все законы. Причём буду отстреливать как коренных, так и наших любителей "английских" клубов.

— Василий Тёркин — представляюсь я.

— А как долго мы тут пробудем?

— Не знаю милые дамы. Как только лошади отдохнут, так сразу домой.

А потом сбегая. Лучше буду общаться по минимуму.

— Так, Качуков. Что Вы, давали девушкам?

Выяснилось, что давал опиумную настойку с порошком Довера, который изготавливали из рвотного корня (ипекакуаны). Наркотик стоил куда дешевле, чем вино и пиво, поэтому позволить его себе мог и самый низкооплачиваемый рабочий. Неудивительно, что в первой половине XIX-го столетия количество людей пристрастившихся к нему неуклонно росло. Например, студенты перед экзаменом, желая избавиться от стресса, нередко обращались к этому "спасительному" и широкодоступному средству. Но вот у этих "студенток" деньги были, и как только, что сделано явно специально, мне на ум не приходило. Беда была и в некоторых продуктах, в которых содержался кокаин. Их можно условно разделить на три группы: препараты для местной анестезии (порошок от зубной боли), препараты от простуды, облегчающие головную боль и кашель, и так называемые "медицинские вина", использовавшиеся как средство от многих болезней и не только. До 1906 года, когда был введен запрет на добавление в продукты питания наркотических препаратов, самым известным напитком, содержащим кокаин, была кока-кола. Однако даже после введения запрета компания отказалось поменять свое название. Так что скорее началось, как обычно, а потом уже воспользовались ситуацией.

И что мне делать, с этими малолетними наркоманками? А была, не была...нагружу я их физической работой, чтобы с потом всё выходило. Баней и обильным питьём.

Сначала обследовал трофейные дилижансы, в ящиках оказалось, 10 новых штуцеров. Ствол калибром 6,5 линий (16,51 мм), имеет 8 нарезов и особый прицел в виде двух взаимно перпендикулярных щитиков, вращающихся на общей оси: таким образом, перекидной целик позволяет регулировать прицел относительно дальности стрельбы. В нескольких сантиметрах от дульного среза помещена латунная мушка. Ствол штуцера длиной. (65,5 см.) Он имеет грани не только в казенной части, но и по всей своей длине. Вместо граненого штыка к штуцеру промыкался длинный клинковый штык, именуемый "кортиком" — справа у дульного среза для его крепления имеется специальный прилив. Замок кремневый,

совершенно исправен. Превосходно сохранилась заводская гравировка: "ТУЛА 1806". Ответная часть замка и закрывающая спусковой крючок скоба, изготовлены из латуни. Также как и кольцо, и устье шомпольного входа. Шомпол стальной, с латунной головкой.

Приклад и ложа штуцера деревянные (вероятнее всего — из березы). Ствол крепится к ложе при помощи двух стальных штифтов. Приклад с латунным затыльником имеет выступ под щеку с левой стороны и сдвижную крышку пенала с правой. С левой стороны приклада прослеживаются остатки надписи. На прикладе расположен шпенек, а на ложе — кольцо для крепления плечевого ремня. Достаточно редкое и дорогое оружие.

Обнаружил и бочонок с порохом, и мешки с пулями. Так же, к ним пару ручных пулейки, похожих на щипцы для колки орехов.

Это что, тоже англичанам за оплату? Ох, не смешите мои тапки. Что-то много разных концов, не поймёшь, за какой дёргать. А раз так, с выводами спешить не будем. С учетом шести новых трофейных короткоствольных кавалерийских штуцеров образца 1803 года. (Масса 2.65 кг, калибр 16.51 мм. Ствол нарезной. Дальность стрельбы до 600 м. скорострельность 2–3 выстрела в минуту. — историческая справка). Плюс три капсульных пистолета и одного дуствольного, у нас целый арсенал. Есть, чем встретить супостата, и это не считая гладкоствольных ружей контрабандистов.

В других ящиках, обнаружился весь ассортимент новой продукции Тулы. Ну, кто бы сомневался. Промышленная разведка у англичан всегда была на высоте. Но вот доноса и каких-либо других бумаг, как я ожидал, я почему-то не обнаружил. Чёрт, опять какая-то фигня.

— Как же это так? — и почесал голову.

— Ну что девушки поели? Есть у меня для Вас работа, надо конюхам помочь — на меня уставились удивленные глаза. — Жаловаться будете потом...по приезду домой. А сейчас за работу.

Понятно, что толку не будет, но хоть умаются. Отдал распоряжение Савве с Гришей, чтобы приглядывали за тремя "добровольцами".

Мы же в это время готовились к осаде. Надо как-то пять дней продержаться. Подготовили и баню. Тут она на греческий манер, называлась лаконикумом и что удивительно была. Это я выяснил у двух оставшихся добровольно-принудительных помощников. В результате проведенной экскурсии, я выяснил, что небольшое отдельное сооружение, лаконикум представлял собой помещение круглой формы, выложенное из тесаных камней. Округлые формы как нельзя лучше способствовали равномерному распределению жара во всей бане, по мнению греков. В центре находился открытый каменный очаг, в котором для топки применялся древесный уголь. Иногда применялись камни, которые разогревались снаружи, а потом уже вносились в лаконикум. Для вывода дыма в куполе помещения была предусмотрена крышка на бронзовых цепях, которая открывалась во время топки очага.

Нагрев тела в греческих банях происходил за счет "сухого" жара от камней очага, углей костра, а также от горячих стен помещения. После активного потоотделения греки переходили к гигиеническим процедурам очищения тела. При этом в ход шли деревянные, металлические или костяные скребки, стригли, которыми в прямом смысле слова выскребали загрязнения.

Очень даже ничего. С учетом того что в Туле на данный момент, не было не одной

общественной бани. И опять утвердило меня во мнении, что праведным трудом местные жители себя не отягощали.

Так прошло ещё два дня, я разговаривал с пленниками. Пообещал отпустить, если с доктором всё подтвердится. Ага сейчас, обещать, не значит выполнить. Мне надо чтобы они сейчас только чего-нибудь не учудили. У меня и так людей мало, а с пленниками и так много проблем, упаковывай-распаковывай. Никак не могу решить, что мне делать с Мордвиновым. Просто так я его убить не могу. Везти в центр, подписать себе и своим людям смертный приговор. Папа сенатор позаботится. Объяснять, тому же Пётру, бесполезно, не поймёт. Может понять Савельев, но вот в нём у меня уверенности нет никакой. С ним тоже что-то надо решать. Да ещё девушки. Мне с каждым разом всё труднее и труднее, приходилось придумывать им работу. А они всё больше и больше капризничали, "ловя отходники". У меня, от отчаяния, даже промелькнула мысль напоить их опиумной настойкой. Нет, не буду я больше рыцарем. Баста.

На третий день со стороны Ростова-на-Дону показались четверо конных. Рассматривая их в подзорную трубу, сделал вывод, что это казаки.

Пока четверо конных неспешно подъезжали к нам, со стороны Таганрога, показался отряд быстро скачущих всадников человек в пятьдесят — шестьдесят. И, похоже, тоже казаков, так как у некоторых всадников заметил пики.

— Ну, вот и дождались "гостей". Обложили...демоны — подвожу итог наблюдения в подзорную трубу и отдаю команду. — Срочно зарядить всё оружие. Приготовится к бою.

Конечно, при таком численном перевесе шансов у нас, скорее всего, и нет. Надежда только на количество огнестрельного оружия и достаточно крепкий дом. В таком случае они нас сразу всей массой вряд ли задавят. Но постараемся, всё же как-то договорится. Тут ещё о корабле надо не забывать, который должен прийти. Первая четверка, тоже заметила всадников и немного забеспокоилась. Как мне показалось. Друзей... так точно не встречаются.

— Опа, а тут не всё так просто — подвожу итог, продолжая рассматривать и тех и других всадников. — Значит, наши шансы растут.

Четверо остановились, дождались остальных, о чём-то переговорили и всей массой направились к нам. Причём я заметил, что четвёрка держится обособленно. Да и одета и снаряжена она намного лучше. Основная масса казаков, кто во что горазд. В одежде от бурок, до халатов. На голове шапки, кушаки, колпаки и казахские малахай. В общем, сборная солянка какая-то. У нас бы назвали маскарадом. С оружием, такая же история. У некоторых, не то, что ружей, сабель не было. А вот это сейчас, меня очень порадовало. Значит, легче договорится, будет.

Вся толпа остановилась метров за 200, внимательно осматривая хутор. Да учить их ещё и учить. Я хоть и не специалист в военном деле, но если мы сейчас начнем стрелять, одну треть точно положим. Надо будет поговорить со старшим. Они что, совсем о нарезном оружии представления не имеют. Вот так и будут поначалу воевать в Крымскую войну, пока потери не заставят задуматься. Нет, так дело не пойдет. Наших казаков мне жалко.

Глава — 12.

— Эй, и что вам надо? — кричу из-за баррикады.

— А кто ты есть, мил человек? — спрашивает представитель четвёрки.

— Я то есть. Да не про твою честь. Кто вы и что вам надо?

— Сотник-атаман Щерба. А вот ты, если не выйдешь, на кол сядешь — злится главный

из отряда с Таганрога. Явно пытается запугать. Я смотрю на него, и у меня создается такое впечатление, что это с него художники рисовали Стеньку Разина. Мужик у явного годков сорок, плюс, минус копейки. Темные курчавые волосы, выглядывают из-под папахи с красным верхом. Золотое кольцо в ухе. Такая же курчавая борода вызывающе торчит вперед. Явно не славянской наружности или скорее метис. Серая куртка с газырями, перепоясанная широким красным поясом. За ним пара кремневых пистолетов. На поясе сабля. Под ним хороший рыжий конь с черными ногами. В общем, красавец и лихой разбойник. Для войны одет, в моём понимании хреново, для парада сойдет.

— Ну, а второй кто?

— Хорунжий Павел Когальников.

А вот тут, совсем другая противоположность, хотя возраст у них примерно равный. Сразу выделяются пышные черные усы, на бритом подбородке и "злые и колючие" карие глаза, смотрящие с презрением на окружающих. Из-под очень высокой папахи, как будто это боярская шапка, выглядывают волосы с сединой. Одет, в черную куртку-мундир, с дорогого сукна и синие штаны. На руках белые перчатки. В высоких кавалерийских сапогах, сверкают начищенные шпоры. Подпоясанный, тоже красным поясом, на котором слева подвешена сабля. Восседал на абсолютно черном жеребце, где седло и попона отделана красным кантом. Вот же любители красного и яркого, сороки, матюгнулся я.

— Ну и что вы хотите, господа?

— Чтобы ты отпустил моих друзей Мордвинова и Качукова — хорунжий.

— И семью Катракис — добавляет сотник.

Всё-таки тут они ещё наивные. Врать почти не умеют и считают, наверное, это позором, даже на войне. И имя тоже не скрывают. Однако, учтём.

— А ничего, что они контрабандой занимаются?

— Ну и что? Кого этим тут удивишь. Жить-то всем надо — сотник.

— Жить то надо. Вот только живут все по-разному — отвечаю.

— А это, не твоё дело. Ты у себя дома командовать будешь. А тут наша земля — сотник.

Боевые действия начинать никто не хочет. Они не уверены и боятся больших потерь. Плюс сначала хотят добиться освобождение заложников. А я не хочу убивать казаков Щербы, у меня возникли на счёт его сотни другие планы. Пытаюсь выяснить, для чего приехал Когальников. То, что он тут замешен каким-то боком понятно, но вот каким? Так же я пытаюсь придумать, как спровоцировать конфликт с ним и не поспорить с бандой Щербы. План...мистер Фикс...план. Мы ещё переругиваемся некоторое время, а потом я произношу.

— Сотник. А ты знал, что они русских девушек в Турцию продают — кричу ему.

— Врёшь — опешил сотник.

— Кому Семён, ты веришь. Иногороднему? — хорунжий.

— А если я приведу друга Когальникова, и он подтвердит? Мало того, пытаются продать дочку царского егермейстера. Сотник, ты понимаешь, чем это кончится — я кричу специально громко, чтобы услышали все присутствующие.

В рядах казаков началось шевеление, послужившее тому, что четверо остались как бы с правого бока отдельно. Ага, зацепило, обрадовался я. А вот дальше надо пройти по краю и... выжить. Просил приключение, нате распишитесь.

— Но веди своего видака, послушаем — злится сотник.

Это слишком серьёзное обвинение и большой позор для казаков. Это не значит, что

такого явления совсем не было, было. Нажива была слишком большая, но и наказание за неё не меньше. А тут ещё и дочка питерского аристократа оказывается.

Освобождаю Мордвинова из ковра, связываю ему руки сзади и закрепляю там палку. Это позволит быстро дергать в правильном для меня направлении пленника. Заталкиваю ему в рот кляп, но так чтобы сразу это понять было невозможно. С Куликом, Ремезом и Петром согласовываем действия. Петру это совсем не нравится.

— Пётр, мне тут тоже много чего не нравится. Но, продажа наших женщин в Турцию мне нравится ещё меньше. Так, что заткнись и делай, то я говорю. Домой приедешь и там опротестируешь. Если тебе не нравится с нами, я тебя больше брать не буду — подвожу итог спору. Чего-то слишком много я демократии развел в отряде, а это не есть гуд. Понятно, что мои действия и решения для местных кажутся слишком радикальными. Но, я всё равно буду делать, как считаю нужным. Надо быстрее закругляться, пока у казаков терпение не кончилось. Собираюсь, беру с собой мариэтту и дуствольный пистолет. Начинаю пихать по удобнее пистолеты и сразу вспоминаю про разгрузки. Сам я ими не пользовался, но общее представление имею. Тем более, что жилеткой рыбака пользовался, тут главное по приезду домой не забыть.

Мордвинов идёт плохо, постоянно спотыкаясь. Понятное дело, провести почти три дня в ковре, это не шутки. Я выдвигаюсь на двадцать метров вперед за баррикаду и останавливаюсь около маленькой канавы. Левой рукой держусь за палку за спиной Мордвинова.

— Этот что ли твой видак? — насмешливо спрашивает Когальников, подъезжая с Щербой ко мне.

— Да пошёл ты н.... Кто ты такой, что будешь тут тявкать. И вообще ты какого х... припёрся — я специально провоцирую хорунжего, не оставляя ему выбора. На это я как раз и надеюсь. Возможно, где-нибудь в Москве, мне бы за это ничего и не было. Но тут, на своей земле, да ещё и при всех, это слишком.

Когальников выхватывает небольшой пистолет, я даже не увидел, где он его прятал, и стреляет в меня. А вот этого я как раз и добивался. Резко дергаю на себя Мордвинова, заслоняясь им, а сам перемещаюсь за него. Потом выхватываю дуствольный пистолет из-за спины и стреляю в ответ два раза. И тут же заваливаюсь в канаву, прикрываясь уже, наверное, мертвым Мордвиновым. Откидываю разряженный пистолет и вытаскиваю мариэтту. Слышатся выстрелы. Около меня пуля попадает в кочку. Аккуратно выплянул из-за своего "щита", поднимая мариэтту.

Сейчас я окончательно убедился, что боевики по телевизору я не зря смотрел. Можно многое из них, взять себе на вооружение. Главное вспомнить и правильно все повторить. Накал боевых действий тут ещё не достигнул такого ожесточения, как 21 веке. Пока идёт по моему плану.

Щерба пытается сделать два действия сразу. Вытащить второй пистолет и успокоить коня. Рядом на траве валяется хорунжий сжимающий уздечку лошади. Его конь вынужден нагнуть голову, но явно возбужден и готовый к прыжку. Выстрелов больше не слышно, и образовалась тревожная тишина.

— Сотник брось ты это дело. Я с тобой воевать не хочу. Но если ты направишь на меня пистолет, пристрелю — направив на него мариэтту, спокойно говорю.

— Ты это специально сделал, ч... — злится он.

— Слазь и отпусти коня. Сотник, не всё так просто. Я не соврал. Неужели ты думаешь,

что весь сыр-бор из-за твоей контрабанды?

— Так кто же ты такой, мать тебя так? — убрав руку с пистолета, пристально и зло смотрит на меня.

— Ты читать умеешь?

— Ну...так.

— Зови сюда, только одного, кто умеет — мне и не хочется показывать, но и выбора нет. Надо восстанавливать отношения. Да и надеюсь на иную помощь от них, если честно.

— Вахмистр Вербовский — кричит Щерба, немного поиграв со мной в "гляделки".

Я в это время выбрался из канавы уже полностью, опустив пистолет. Казаки соскочили с коней и попрятались. Сразу разобраться, каков результат не представлялось возможным. Я отдавал приказ стрелять только по людям Когальникова. К нам подбежал довольно молодой казак, мой ровесник. Левой рукой достаю из-за пазухи пенал, и бросаю ему. Он внимательно читает.

— Тут сказано, что Вы, командир особого ертаула третьего отделения жандармов его величества — удивленно уставился на меня казак.

— Знаком с таким? — спрашиваю Щербу.

— Так, что мать т..., тут происходит? — атаман.

— Заговор против царя. Действительно украли дочь царского егермейстера.

И тут за спиной хлопает выстрел. Подскакиваю к сотнику, который сразу же схватился за пистолет. Тупо сбиваю его с ног и вместе падаем. Щерба видать, не зря звался сотником-атаманом, успел ударить с левой руки мне в грудь. Даже не знаю, чем бы такой удар кончился для меня, ни будь на мне кирасы. Но всё равно, мне показалось, как будто кувалдой врезали.

— Т. твою...м... - хриплю я. — Сдурел.

Слышу ругательство от сотника, который трясёт рукой. Вербовский, явно растерялся. Присел на ногах, втянул шею и застыл, держа мой мандат. Если бы я раньше не настроил себя на что-то подобное то, наверное, стоял бы рядом с ним и тупо пялился, как и он. Нет, тренировка — тренировкой, а практика просто необходима, а то так и будут меня бить, все кому не лень. И так больше всех достаётся, почему-то.

— Дмитрий Иванович, Вы там живы — слышу голос Кулика.

— Степан, какого х..., зачем стрелял? — пытаюсь встать, а потом чтобы присесть на пятки.

— Всё как Вы и приказывали. Добить если пошевелиятся.

— Кого добить? — рычит сотник и машет левой рукой.

— Людей Когальникова, кого ещё. Видать за оружие схватились. Крикни, чтобы твои не стреляли.

Опять слышу ругательства от сотника. Вот не может наш народ без этого дела.

— Саша иди, разберись, что там — отдаёт приказ Щерба.

— Вахмистр отдавай сюда документ. Вывих, наверное. Сейчас пойдем к нам лечить будем.

Через некоторое время с руганью, но разобрались. Действительно, кроме людей Когальникова, никто больше не пострадал. С их трупами, пусть разбираются сами. Казаки, тоже активно стреляли но, слава богу, не в кого из моих людей не попали. Мордвинов, как я и рассчитывал, умер. Убедившись, что из его людей никто не пострадал, сотник согласился зайти в дом. Во двор запустили только Щербу и Вербовского, остальные пока остались на

лугу. Зашёл в дом, посмотрел на себя любимого, опять на груди синяк будет. Вот же везёт, так везёт. Хотя мои люди, в отличие от Петра, мной восхищались. Вправил руку сотнику и туго перемотал бинтом. Вывели девушек, и Щерба их дотошно расспрашивал, что и как. Я абсолютно не вмешивался.

— Ну, что сотник, убедился?

— М. да.

Он то, может и убедился, а вот у меня вдруг возникли сомнения. Если тут замешены англичане, то не думаю, что тут банальное продажа девушек в Турцию. Что-то тут явно посерьёзней и с далеко идущими целями для них.

— Ну а кто такой, этот Когальников? — задаю вопрос. Мы присели на лавку около дома.

— Хорунжий Павел Когальников из станицы Нижне-Чир. У него вдруг откуда-то... теперь, понятно, откуда с..., появились большие деньги. Он начал покупать и привозить крепостных крестьян из центральных губерний. Скупает земли, мудрит с общинной землей и личными наделами в округе. Помогает ему во всём казак Лобов, и дьяк Попов — сплюнул сотник. — Ну, хоть вы их утомонили.

— Понятно, что плохой казак. То-то вы с ним объединитесь, не хотели — да, на окраинах империи ещё меньше закона соблюдают. Кто сильнее или с деньгами, тот и прав. Учтём.

— Слушай, а хорошо у тебя люди вооружены. Может, поделишься? — перескакивает сотник на другую тему.

— Может и поделюсь, если поможете корабль захватить.

— Какой корабль? Тут в основном баркасы ходят — удивился Щерба.

— Да нет, сейчас именно корабль будет. Как тут хоть место называется?

— Хутор Седова и Цыплакова, а река Грузский Еланчик — потом помолчал. — А с семьёй Катракис, что решим.

— Это где? — показываю карту. Ага, значит, на местности я всё перепутал. Мы где-то между Таганрогом и Мариуполем. — Да ничего решать не будем. Захватим корабль и выпустим твоих контрабандистов. Нужны они мне.

— А то, что ты убил одного, как?

— А то, что они помогали девушек в Турцию переправлять, как?... Сам решишь. Хочешь виру заплати со своей доли, а хочешь, повесь — усмехаюсь. — Я бы честно.... их повесил, за такую помощь. Не дай бог, завтра война с Турцией... Первые же предадут.

— Думаешь, будет война?

— Почти уверен.

Мы помолчали, думая каждый о своём.

— Если захватим корабль, как делить будем? — Щерба.

— Мне груз, бумаги и пленников. Тебе корабль.

— А не много барин, тебе будет? — рычит атаман.

— Самый раз. Да и весь груз забрать я не смогу. А без моей помощи, тут и там, ты корабль на себя не оформишь. Заберут.

— И зачем мне корабль?

— Деньги зарабатывать. А как, я научу.

— Ты меня не с кем не спутал. Я тебе что, торгаш?

— А кто сказал, что я тебе торг предлагаю — изумляюсь я.

— Э...а что?

— Вот захватим, потом и объясню — рассказывать, что тут ещё и ляхи замешаны каким-то боком, я не стал. Может и надо, но решил, что хватит с сотника и таких сведений. Выяснил, что сюда сотника позвал, сбежавший от нас молодой грек. Вся семья Катракисов, кроме рыбалки, занималась и контрабандой, покупая с турецких судов товар в море в нейтральных водах. За это мзду платили в Керчи.

— Стоп, а где их баркас? — забеспокоился я.

В результате выяснилось, что баркас стоял арестованным в Таганроге с тканями и шерстяными коврами. Не как не могли сойтись на размере взятки чиновникам.

— Вот жулики, что те, что другие — только и выговорил я.

— Так что, Дмитрий Иванович, поможешь мне с баркасом? А я тебе с кораблём — и Щерба хитро прищурился одним глазом.

— Э...то есть, ты изначально это планировал, как только твой вахмистр зачитал мандат — догадался я.

— Да, а что? Ты мне, я тебе.

— Да-а. А теперь я тебя спрошу, а не много тебе будет?

— Нормально. Тебе же нужен штиён и бумаги? Нам, точно нет.

— А как же... — растерялся я.

— А чего тут разведывать. В Керчи к войне не готовы. Ни пушек, ни укрепления, ни войск нет. Что в Таганроге, что в Ростове, такая же история — махнул он рукой. — Так, что нам шпиён не нужен, а людей я могу потерять.

Всё больше убеждаюсь, что в империи общий системный кризис. Как она держится и не разваливается, а наоборот прирастает территорией, мне понять очень сложно. Ну, что же придётся соглашаться.

— Подожди. Ты же говорил, что не торгуешь?

— Я и не торгую. Но надо же мне как-то сотню собрать и вооружить, вот и приходится — неопределенно помахал пальцами правой руки.

— Молодец. Ладно, давай так. Я попытаюсь помочь, но результат не гарантирую.

— Идёт. — Мы жмём друг другу руки в знак согласия.

Дальше занялись хозяйскими делами и подготовки к встрече "дорогих" гостей.

На третий день, вдалеке заметили двух мачтовое судно, идущее довольно быстро, но уже начинающее убирать паруса. И это при том, что погода была не слишком ветрена. Если бы мы её не ждали, то и скорее всего не сразу и заметили. В отличие от картинок, судно имело грязно-серые паруса, сливающиеся на фоне неба. Корпус тоже был в серо-чёрных тонах. Я так понял, что сделали всё возможное, чтобы придать малозаметность. Зато капитан, явно знал куда шёл.

На судне невозможно было различить названия, так как она довольно сильно сидело в воде. Но самое неожиданное, что на ней развивался российский Андреевский флаг.

И что мне теперь делать? Хотя с другой стороны, а что я ждал, английский флаг в территориальных водах России? Сейчас ещё не Крымская война.

Когда начали готовить ячейки для стрельбы на берегу и маскировать, Щерба окончательно поверил, что мы особый ертаул. Так, только пластуны действуют, заявил он. А вот нарезного оружия, у нас явно не хватает, чуть больше двадцати. Да и обычного тоже. У казаков, оказалось только двенадцать гладкоствольных ружей, плюс два от Когальникова и два греков. Не сотня, которой ещё и нет, а банда какая-то, матюгнулся я. С другой стороны, я не прав. Я же знаю, что сотник собирает казаков, и они оружие покупают за свои деньги.

Хорошо, хоть помочь согласились. Интересно, а как бы я без них такое судно захватывал?

На пистолеты надежды нет, слишком расстояние большое. Вот и выходит, что моя четырехстволка, самое серьезное оружие. Но создали ударный отряд с пистолетами и саблями, им и двойная оплата.

Рассматриваю судно в подзорную трубу. Корабль по размерам, наверное, чуть больше двадцати метров в длину, а шириной раза в три меньше длины. Высокие мачты смещение ближе к центру. Сзади небольшое помещение. Твоё ж.... На корабле находятся по четыре небольших пушки, на каждом борту. И главные заряженные. Канониры находятся рядом с ними. Я, конечно, всех предупреждал, но не думал, что их будет столько. На палубе человек пятьдесят, а с учётом нашего везения явно есть и ещё. Как бы их не оказалось больше, чем нас. Около руля стоят, трое. Один, тоже рассматривает, в подзорную трубу берег.

А вдруг, это наша пограничная шхуна делает обход или ловит контрабандистов? Придётся срочно менять план.

Выводим Качукова в его одежде на причал. Руки привязали плотно к туловищу, а сверху надели его кафтан. В рот засунули кляп. Повесили саблю, за пояс пистолет. Что-либо добиться большего от него не удалось, да и сомневаюсь, что он что-то ценное скажет. Похоже, он своих хозяев боится больше чем нас или ненавидит сильно русских, если поляк. Пытать его, я Щербе не дал, мне важнее захватить судно.

С Качуковым иду я и ещё один переодетый казак. Я и не планировал этого делать, но опять обстоятельства, заставляют быть впереди всех. Мне принимать решение об атаке и мне придется, если что отвечать за последствие. Эх, тяжела, шапка Мономаха. Вместо меня остался командовать Щерба, остальные знают, что делать и куда стрелять.

Для выхода пришлось даже польское полосатое платье одевать. У меня мариэтта, двуствольный пистолет за спиной и два за поясом. С одного бока венгерско-польская сабля, с другого сумка с зарядами для пистолетов. Казак одет почти так, только у него за поясом два пистолета и всё. На спине прицепили наш щит. Ему главное успеть накинуть канат на кнехт причала. Я с Качуковым остановился чуть подальше на причале.

Глава -13.

Названия корабля я так и не увидел, что меня очень поразило. Судно с убранными парусами идёт по инерции, направляемое моряками с большими метров шести шестью, стоящими по бортам матросами. Очень ловко подрулили к причалу. Тут в самом устье река наибольшая по ширине, около пятнадцати метров. Дно в речке каменистое, вода довольно прозрачная и видно дно. Это уже потом, когда шахты и заводы нарушат подземный ток вод, многие небольшие речки поменяют русло. А другие превратятся в болотные стоки. Сейчас же глубина метра три, максимум четыре, да и то вряд ли. Течение не сильное, но есть. Дальше река сужалась и немного милела. Меня сразу насторожило уверенное поведение капитана корабля. Говорило или о большой практике и выучке команды или то, что судно уже тут не раз швартовалось.

Наши...хотя где тут свои, где чужие сразу и не разберёшь.

Казак ловко закрепил сначала один конец с носа, а второй с кормы.

— Принимай гостей — раздалось с судна. Поставили сходни.

Вот это неожиданность. Я тут штурмовать корабль готовлюсь, а тут гостей привезли.

— Давай — кричу я и машу рукой.

На причал сошло трое. Если судить по одежде, то господин и двое его слуг, больше

похожих на солдат. Моряки стали передавать их вещи, составляющие несколько саквояжей-чемоданов расположенных на палубе. По-моему кивку, казак принялся помогать приезжим.

— Добрый день господа. Позвольте представиться доктор Джозеф Белл из Эдинбурга — подошёл к нам высокий, жилистый человек. С темными волосами, внимательными глазами и худыми плечами. Это придавало ему ещё и визуальную высоту. Двигался он резко и нескладно. Голос резкий и "скрипучий", как у несмазанной телеги. По-русски говорил достаточно хорошо, но сразу чувствовался иностранный акцент. В руках держал большой коричневый саквояж.

— Добрый день — чуть склонил голову — господин Мордвинов с девушками ждут вас в доме. Прошу — показываю рукой. Мне, в который уже раз приходится всё менять на ходу. Как меня это всё достало и чего мне в Туле не сиделось?

Англичанин смотрит на меня недоверчиво, но и деваться ему уже некуда.

— Мне защиту и безопасность гарантировал губернатор-князь Захар Семёнович Херхеулидзе. У меня есть мандат — проскрипел Джозеф, еле выговаривая слова. При этом сверяясь с блокнотом, который достал из кармана.

Значит, ответ я "провалил", дальше будет труднее.

— Сделаете, зачем приехали и поедете обратно. Трофим проводи — а сам подмигиваю ему.

Англичанин не двигается с места. Опытный, гад.

— Господин капитан, я возвращаюсь в Керчь — произносит доктор довольно громко, стоящему на палубе офицеру на английском. Его слуги тоже перестали сгружать вещи и застыли статуями. А казак молодец, не зря его хвалил Щерба, сразу отошёл за спины к самому судну. Ему и так стрелять лучше и спрятаться за бортом, хоть немного можно.

С английским у меня лучше, чем с французским, поэтому я его понимаю.

— Что случилось мистер Белл? — подходит к нам молодой человек моего возраста в темно-синей форме с кругляшками на погонах. — Месье? — обращается ко мне.

— Капитан, мы же в России. Перейдите на русский язык — перевёл взгляд на него. Но и не выпускаю англичанина из вида. Сам перемещаюсь за спину Качукова и вытаскиваю у него пистолет. Он в это время пытается что-то мычать, но я тут же упираю ствол ему в спину. Это всё, не осталось незамеченным для офицера и он, очень удивлён. Так же, он видит, что у нас довольно много пистолетов. На палубе, его команда уже расслабилась и отошла от орудий, не обращая на нас никакого внимания. Все стали заниматься своими делами.

— Лейтенант Антон Никитич Скоробогатов. С кем имею честь, господа — чуть поморщился офицер.

Опа, а не будущий ли это знаменитый капитан "Флоры".

— Пройдёмте лейтенант на берег, там и поговорим — приглашаю я.

— А в чём собственно дело?

— Капитан, я хочу вернуться в Керчь. Князь обещал мне защиту. Вы обязаны меня защитить — влез англичанин.

— А я Вас приглашаю в дом. Вы же за этим приехали?

— Ничего не понимаю? — Скоробогатов.

— Я некуда не пойду — англичанин.

— Не заставляйте меня стрелять в Вас — смотрю на лейтенанта. — Ваши люди, Вам не помогут. А вот мои...если что их просто перестреляют.

— Так что тут происходит? — опешил капитан шхуны.

— Всё очень просто. Вы привезли английского шпиона. Если Вы будите мешать, я Вас убью — произношу я.

— Что Вы несёте? Какой английский шпион? Это гость самого князя Херхеулидзе — выпалил лейтенант.

— Лейтенант, я офицер третьего жандармского отделения. По приказу его Величества, ловлю английского шпиона виновного в покушение на царя — и улыбаюсь ему, а сам ещё сильнее жму стволom в спину Качукову.

А вот это уже серьёзное обвинение. Тут можно и на каторгу угодить, невзирая на чины и звания.

— А Вы уверены? — Скоробогатов.

— Вот пойдёте и разберёмся. Доктор скажите, чтобы ваши люди не делали глупости. Иначе и Вы, и они легкой смертью не умрут.

— Ви варвары. Я буду жаловаться — выдохнул англичанин, при этом стал заикаться.

Лейтенант вообще растерялся. Видать в такой ситуации, ему ещё ни разу доводиться не приходилась. Хотя если честно и мне тоже. Меня и моё поведение опять спасают просмотренные боевики 21 века.

Опять тут сказалась глупость нашего командования, которое выручило меня. С 1810 г. подразделения морских солдат, входившие в состав флота с петровских времен, передали армии. Стрелковые и abordажные партии с этого времени в случае необходимости формировались из матросов. На кораблях на случай десанта хранилось по одному-два легких орудия на армейских станках (чаще всего — горные единороги). Возможно, они и подстраховали бы лейтенанта, всё-таки это была их прямая обязанность. А сейчас, в случае вооруженного столкновения реальную помощь ему его подчиненные вряд ли окажут.

— Хорошо, идёте — выдохнул лейтенант.

Молодец не трус.

Мы всей гурьбой потопали к дому. Зайдя во двор, англичанина и его слуг тут же связали.

— Снять всю одежду и переодеть в польские платья. Потом закатать в ковры. Глаза завязать — отдаю распоряжения старшему Ремезу. Он знает, что я на него сердит, так что надеюсь, всё исполнит правильно. Хотя я потом и проверю.

Скоробогатов, на такое моё распоряжение вообще растерялся. Тем более, я тут же сунул ему свой мандат прочитать.

— Это какое-то варварство. Так нельзя. Цивилизованные люди так не поступают — попытался протестовать упавшим голосом.

— А кто сказал, что я цивилизованный. Мне плевать на вашу любимую Европу, европейцев и всех остальных, кроме граждан нашей империи. И своих людей, не зависимо от сословия, я ценю больше. И разных "случайных" и не случайных смертей не потерплю — смотря прямо в глаза Антону Никитичу, давая неожиданный для него ответ. За моей спиной одобрительно зашумели казаки.

— Мало того эти "хорошие" господа хотят оторвать от нас, с таким трудом и кровью завоеванный Кавказ. Создать там рабовладельческую Черкессию. Вы знаете, что они от четырех до пяти тысяч невольников в год вывозят? — а вот это, я помню из истории.

— Жандарм... Но что я скажу князю? — скривился Скоробогатов. Но и его явно ошеломили такие цифры.

— Так и скажите. Что его гость арестован командиром специального отряда

жандармерии. А теперь скажите. Что потом, Вы должны делать с англичанином.

— Отвезти его на купеческий пароход "Меджари — Теджарета", который будет с завтрашнего дня ждать в нейтральных водах на выходе из пролива.

— А почему в нейтральных водах?

— Ну, он идёт с мукой из Одессы в Константинополь. Не хочет заходить, так как и так потерял много времени. А с нашими чиновниками в таком случае, он долго простоит, да и платить придётся.

— Даже так... А не кажется это Вам странно, Антон Никитич?

— Нет. А я причём. Правил он не нарушает. Войны с Турцией сейчас нет — уже пришёл в себя Скоробогатов и начинает "лезть в бутылку" показывая, что он военный моряк и ничего не боится.

— Спокойней лейтенант, а то можешь и сухопутным рядовым стать, где-нибудь на Кавказе. Значит так, переходишь в моё подчинение. Будем брать пароход.

— И не подумаю. И никуда я шхуну не поведу. И вообще.... Вы мне не начальник. То, что Вы задумали это пиратство и не один честный моряк, а тем более дворянин, на это не пойдёт.

Ну как с такими деятелями можно войну выиграть? Приказам не подчиняются, думать не хотят, зато гонору много. Наверное, я и не справедлив, ну и пусть. "Солдаты с головой льва, офицеры с головой осла и генералы без головы". Эту хлесткую характеристику русской армии времен Крыма выдали еще французы, штурмовавшие Севастополь. На первый взгляд она куда ближе к истине, нежели ходульное представления о том, что крепостническая Россия проиграла военно-технологическую гонку странам Запада. Вспомнилась мне когда-то прочитанная статья одного из историков о Крымской войне, который изучал разные источники, а не только русские. Англичане у своих берегов такого бы точно не потерпели, обязательно бы обыскали. Да с такими командирами, мне только и остаётся, как сделать огромную бомбу и самому зашвырнуть на Париж или Лондон. По-другому выиграть будущую войну просто невозможно.

— Неплохо, но глупо. Сначала бы к себе критично отнеслись. Попались как баран. А если бы, я неприятелем был? Почему канониров сразу отпустили, а не проверили? А где ваши абордажники? Что, нечего сказать? В ковёр его, пусть подумает — отдаю распоряжение.

— Да как Вы смеете... да я Вас на дуэль вызываю — гневно воскликнул капитан шхуны.

— А я тебя нет. А будешь сопротивляться, я тебе просто мозги с пистолета вышибу — рывкнул я ему в лицо. — Всё игры закончились. Как нормально Родине послужить так у Вас кишка тонка. Только и можете, что трупами русских солдат врага закидывать, да и сами тупо гибнуть — злюсь, как не знаю кто. Ох, и "наломаю я дров" чувствую.... хотя уже начал. В общем, остается только наломать такой лесоповал, чтобы скандал не выгодно было раздувать.

— Одно слово жандарм — выпалил напоследок Скоробогатов, когда его тоже заворачивали в ковер. Благо этого добра тут достаточно.

— Так атаман, что ты там за баркас должен? — перехожу к Щербе, который скалится. — Что понравилось, а вот мне, нет. Вечно с ними проблемы — машу рукой.

— 100 рублей.

— На тебе 300. Забери свой баркас и найми какую-нибудь парусную галеру, чтобы пароход захватить. Подбери ещё бойцов. Купи продуктов, овса с ячменем для лошадей и

давай быстро сюда.

— О вот это дело... А ты точно знаешь, что делаешь? — с этими словами, сотник махнул десятку казаков, и они умчались в Таганрог.

Потом кивнул казакам, и мы небольшой толпой направились на шхуну. Спокойно зашли, на судно. Полнейшая расхлябанность, подумал я и это военный корабль? Подошли к трём офицерам, которые что-то обсуждали возле небольшой надстройки.

— Так, господа. Ваш капитан отказался нам помочь в поимке контрабандистов в нейтральных водах, за что и арестован. Поэтому прошу, постойте пока спокойно тут. Если уж не хотите помогать, то хотя бы — не мешайте. Договорились.

Офицеры немного впали в ступор от такого заявления. С другой стороны им так даже лучше.

— Простите, а кто Вы будите? — несколько смущенно спросил один, явно старший из них и по возрасту и по званию. Хотя все они были мои ровесники, в отличие от рядового состава. На палубе же я видел несколько дядек, явно лет пятидесяти. Одеты матросы крайне бедно. Все в поношенной форме, на ногах у большинства самодельные вязаные тапки.

— Специальное жандармское подразделение — даю ответ. — Вот мандат.

— А, понятно — толи осуждающе, толи констатирует сам факт, спрашивающий.

— Возьмите лучше на берегу сети и попытайтесь поймать рыбу. Только потом, назад их повесьте.

Дальше сходим на берег и идём заниматься хозяйскими делами. А их, к сожалению очень много и не все, удаётся решить нормально. Самая большая проблема с продуктами, которые банально закончились. Оставил лишь немного для женщин. Ну да, такая-то орава людей. С девушками тоже постоянно, какие-то проблемы, хорошо хоть пристрастились на конях верхом ездить и с лука учиться стрелять. Сначала, когда я это им предложил, да ещё и в мужской одежде, мне чуть вселенскую истерику не закатили. А сейчас ничего, нравится. Гриша с Саввой водят коней под уздцы по двору, а они гордо восседают. А лук я самый плохой забрал у казаков. В отличие от регулярных войск, некоторые казаки ими пользуются, но больше конечно для охоты. Будет "подарок" домашним и знакомым, когда девицы домой вернутся. Потом ухаживают за лошадьми, в общем, пока заняты.

Казаки, так и остались за двором, построив шалаши, но им не привыкать. Отдали им печь с жаровницей на время, некоторые другие вещи и продукты. Оружие, которые мы раздали, боюсь, что назад забрать и не получится, уж больно в него казаки вцепились. Ладно, договоримся как-нибудь.

Грека, ещё раньше захоронили свои соплеменники, которых после просьбы и поручительства Щербы выпустили. Но я настоял, чтобы они временно пожили на другом хуторе, но нашего отъезда. Когальникова со товарищами и трупы поляков захоронили в овраге. С новых трофеев мне достались сёдла, сумки с походными вещами и немного серебряных денег. Остальные вещи, включая трёх коней, отдали казакам. Одного раненого коня пришлось добить, а потом и съесть.

Я специально не стал брать ничего другого. Не все казаки были довольные даже таким распределением. Но Щерба заверил меня, что всё нормально, а когда здесь закончим, то он наведается в Нижне-Чир и наведёт там шороху. Роль Колальникова я так и не понял, если честно. Скорее всего, приехал получать указания, ну и возможно оружие для него тоже.

Зашёл в дом и проверил новых пленников. Выслушал обвинение Скоробогатова, отвечать не стал. Сел за стол и подвинул все вещи, что сняли с англичан. Больше всего,

сначала заинтересовал массивный перстень доктора. В этом времени многие состоятельные, и не только, люди носили много перстней. И большинство из них играло далеко не декоративную функцию. Так и тут оказалось, в перстне был спрятан желтоватый спрессованный порошок.

Разбирался я долго, потом принялся за вещи. Если бы я не представлял, что искал, то вряд ли бы их нашёл. Я же искал спрятанные письма, без них я точно рискую оказаться на каторге. Они были спрятаны в медицинском саквояже с двойными стенками. Причём стенки устроены так хитро, что не сразу и нашёл. Там лежало два письма, на французском языке, без адреса. В самом саквояже, полном всяких медицинских инструментов и фармацевтических препаратов. Также много разных бумаг и документов. Бегло пролистав, я так понял, что это медицинский журнал и другие разные наблюдения. Хотя могут быть и зашифрованные записи. Нашёл и мандат от губернатора — князя Захара Семёновича Херхеулидзе разрешающий доктору Джозефу Белл находится в Керчь-Еникале и во всём Керченском округе. "Хорошая бумажка", припрятан. Ладно, мне это пока не интересно, дома со всем этим будем разбираться. Так же обнаружил английские и русские деньги, и довольно приличную сумму.

— Ну, что скажите на это — показываю письма англичанину.

— Как вы смее. Ви не цивилизованные люди. Нельзя читать частную почту — возмутился он.

— Может кому-то и нельзя, а мне можно. А вот передача таких писем у нас, как раз на 20 лет каторги тянет — хотя если честно, я даже не представлял, кому эти письма и что в них. Будем брать на понт.

— Это письма меня попросили передать. И что тут такого? — попытался извернуться он.

— Да ничего. Двадцать лет каторги вам обеспеченно и всего-то.

— Станные ви русские. Ваш царь совсем не заботится о своём народе, а вы ему верно служите.

— Продолжайте.

— Разве вы не знаете, что его называют жандармом Европы. У вас подавляется всякая свобода.

Потом он ещё что-то говорил.

Можно подумать в Европе не так. А что до нас, так не управляется Россия по-другому. Чуть только правитель "отпустит визжи", так местные "князьки" готовы разорвать страну на свои частные уделы. Либералы тут же кричат о свободе и свободе слова. Но вот почему-то все великие художественные произведения, картины и кинокартины созданы при жесточайшей цензуре. Вот кто, например, на память назовёт созданные кинофильмы за последние 25 лет — никто. Потому, что не создали, хотя никакой цензуры не было. Зато советские кинофильмы помнят все.

— Я понимаю, что вы на службе...но может мы, сможем договориться, как все нормальные люди?

Твоё м..., чуть не заснул. Быстро ударил себя по щекам. Ах ты гад, он меня что загипнотизировал или я так устал, за всё это путешествие? Подскочил к нему и быстро натянул колпак на голову. Всё хватит экспериментов, пусть этим другие занимаются. Хотя нет, он такой шустрый, может и вывернутся. Да ещё со связями. Надо, что-то придумать. Пора со всем этим заканчивать и ехать домой, а то тут до бесконечности можно разбираться

и не разберёшься.

На следующий день подошла парусная галера на треть меньше шхуны. Капитан и владелец галеры старый друг сотника и как я подозреваю компаньон по контрабанде. Пришёл и одномачтовый десятиметровый баркас, гружённый коврами. К сожалению, Щербе удалось привлечь в свою сотню дополнительно только два десятка человек. Может на других условиях, он бы набрал и больше, но у него там свои игры. Сильного сопротивления на гражданском пароходе мы тоже не ожидали. Главное спокойно нам к нему подойти. Разгрузили продукты, где даже были живые бараны и куры, и назавтра приготовились к выходу в море. Я сразу отклонил ночную атаку, там тоже не дураки. Оказывается, мелкое каботажное пиратство, всё ещё довольно распространено, а даже на торговом пароходе сейчас есть пушки. Значит, пароход будет где-то на дальнем рейде Керчи. Тем более раз тут замешан губернатор, в той или иной степени. После долгого совещания решили рискнуть и спокойно подойти к пароходу на галере, как будто везём англичанина. Баркас будет болтаться вдалеке, и только потом подойдёт. Теперь начали искать людей похожих на англичан для переодевания.

Глава -14.

Вот казалось, чего это я попёрся на купеческий пароход, искать на одно место приключение? Да всё просто, из-за денег. Вот не верю, чтобы турки шли из Одессы и не везли контрабанду. Может много, и не стражён денег, а Щербе хватит. Ему надо сотню укреплять, авторитет у других атаманов, а мне связи у казаков. Так что всё банально, опять всё упирается в презренные деньги. Вот и приходится идти на банальный грабёж. Что делать, если надо много материальных средств разом, а взять их больше нигде. Надежды на русские части у меня окончательно растаяли, как на сухопутные части, так и на моряков. Я же действительно хочу вмешаться в Крымскую войну, но без союзников мне не обойтись. А без денег тем более.

— Иван, иди сюда. Ты там подкинь немного продуктов матросам, а то мне на них без слёз, смотреть больно — отдаю распоряжения полицейскому. — Ну и с барахла чего-нибудь юнгам подбери. А то вон смотри, мальцы у них совсем оборванцы.

— Вот не как я пойму Вас, Дмитрий Иванович — пробурчал он.

— Чего ты не поймешь? Что мне жалко хороших русских людей, а плохих нет? Привыкай. Жить надо и по совести, а не только по закону.

— Ох и чудной Вы, барин — удивляется он. В интонации его голоса, я, наконец, услышал одобрительные нотки, которых так добивался.

Я всё больше и больше рушу стереотипы находящихся со мной людей. Мне надо, чтобы за мной они пошли и в "огонь и в воду". И чтобы их в дальнейшем не перекупили. А если и перекупают, то я об этом должен знать. Других людей у меня нет, приходится "воспитывать" какие есть.

Как я понял, нам надо было пройти чуть более 30 русских верст, или 130 английских миль или 250 километров по прямой. С учётом того, что максимальная наша скорость может быть около 3—4 узлов, а это что-то около восьми километров в час. Значит, нам надо полтора-два дня добираться.

Так и получилось. Только к концу следующего дня мы и нашли пароход, дрейфующий недалеко от Керчи. Повезло, что вблизи и на рейде не было других пароходов, и он выделялся своими двумя трубами и гребными колесами по бокам.

В первый день нам ещё и небольшой дождик помешал, который моросил весь день. Продрог как собака, пришлось, сажусь за весла галеры гребцом, чтобы согреться. Опасались за порох, но тут у нас всё оказалось нормально. Зато выскочила другая проблема с холодным оружием, о которой я раньше и не подозревал. Это удержание мокрых рукояток сабель в мокрых перчатках. Не зря делали натильники в виде клювов и душки, которые выполняли не только защитную функцию, но и для удержания. Так же обязательно нужен и темляк, которым обматывали руку. Придётся опять пересмотреть устройство сабли. В общем, в очередной раз практика доказала, что она самый лучший учитель.

Сделали небольшой крюк, как будто идём из Керчи. Основной десант, при подходе спрятали под парусом, изобразив небольшую аварию. Пароход был и так не большой осадки (три метра, как я узнал потом), а сейчас полностью груженный. Поэтому борта над водой, даже с фальшбортом возвышались метра на полтора. Наша же галера, чуть более полуметра, над водой. Перепрыгнуть на борт я думаю, у нас проблем не возникнет. Главное сделать всё четко и быстро, пока противник не опомнился. Как мне рассказали казаки, турки очень хорошо владеют холодным оружием. Для меня, это оказалось очень неприятной новостью. Из-за этого я настоял на проведение нескольких тренировок на берегу, и из-за этого своих, кроме Кулика никого не взял. В случае успеха, основными ценностями будут пароход и мука, которые я не смогу забрать. Так, какого... я буду своих людей терять, которых у меня и так немного.

Финт с переодеванием сыграл на всё сто. Оказывается турки такие же разгильдяи, как и наши. Спокойно подпустили галеру, к передней части парохода, и дали отшвартоваться. Я бы предпочёл к корме, потому что там находились командиры. Но у вы, он был развернут кормой в сторону Турции и наверное Мекки. Пришвартовались недалеко от пушки, довольно таки большого калибра.

И тут вся наша орава в 35 человек, резко полезла на борт. Встречающих десятков турок, резко уронили на палубу и начали вязать. Для этого оставили пятерых казаков для упаковки и охраны. Остальные вместе со мной и Щербой, двумя согласованными отрядами кинулись вперёд по разным бортам парохода к корме. Там на возвышении, возле штурвала находилось семь человек. Вначале бежали казаки только с холодным оружием, а впереди моего отряда Кулик. Стрелки шли спокойно сзади, высматривая опасность, потом те, кто вяжет пленных. Я настоял именно на такой тактике. Большую часть мы преодолели, просто сбивая подвернувшихся турок с ног. Но на корме турки опомнились, и начали хвататься за оружие. Послышались первые выстрелы.

Меня сразу привлёк турок, который выхватил странный четырех ствольный пистолет и попытался навести на нас. Стволы у него в одной плоскости и смотрели во все стороны. Мне тут же пришлось разрядить трофейный штуцер, чтобы не дать ему выстрелить. А вот стоящий рядом с ним турок оказался хитрее и сразу юркнул за бухту канатов.

Прошло буквально каких-то двадцать секунд, и мы захватили пароход. Остались свободными только четверо или пятеро турок отступивших на верхнюю корму, и спрятавшиеся за бочками и канатами. Казаки приготовились ринуться вверх по лестницам на противников.

— А ну стоять — крикнул громко, перекрывая шум.

— Почему? — Щерба.

— А потому. Если у них есть револьверы, то людей потеряем много. А я не хочу.

— Револьверы? А что тогда делать?

— Или договариваться, или щиты делать. Раз уж упустили.

Пока казаки с турками переругивались, которые наотрез отказались сдаваться, мы строили баррикаду из бочек. Связали шесть бочек вместе, используя доски. Подняли и трое казаков начали двигать её вперед. Лучшие стрелки, в том числе и я, их подстраховывали. Остальные разбрелись по пароходу, вытаскивая и связывая оставшихся турок.

Пароход, по местным меркам, был и не маленький. Длиной более 40 метров, а шириной 10. ("Midar-i-Ticaret", вооруженный пароход, построен в Лондоне в 1846 году, водоизмещение 426 тонн, деревянный, колесный, два цилиндра, 1 котел, 200 л.с., экипаж 63 чел., вооружение — 4 пушки. Калибр не указан, в русском флоте стояли 4 фунтовые (где-то 3–3,5 дюйма, 80 мм), думается, это еще "с турецких времен". Длина парохода — 42 метра, ширена -10 метров, осадка 3 метра. Имел парусное вооружение на двух мачтах, которое в основном и использовал.) Возвышенная кормовая надстройка была не такая и большая, метров восемь в длину. На неё вели две узкие лестницы по разным бокам, позволяя подниматься только по одному.

Почему турки кинулись в самоубийственную атаку, как только баррикада продвинулась на два метра, я понял только потом. Никакой пользы она им не принесла, кроме ранения казака и то, по его глупости. Атакующие нарвались на дружный залп от нас и эти всё закончилось. Даже наличие одного револьвера им не помогло, тем более я и ждал нечто подобное.

— Ты какого..., полез с турком рубиться? — бушевал я. Сначала мне пришлось зашить, а потом и перевязывать плечо казака. Других "докторов" у нас не оказалось. — Семён, почему у тебя казаки приказы не выполняют?

— Ну...кто знал. Бывает — промямлил он.

— Бывает, когда в голове мозгов, не достаёт. А если он рукой больше владеть не сможет?

— На всё божья воля — Щерба.

— А это что за детский сад на палубе? — не могу успокоиться от такого отношения к судьбе и приказам. Анархисты хреновы, приказам подчиняются, как бог на душу положит.

— Пленники. Везли из Одессы в Турцию — показывает нам казак.

На палубе стояло три паренька и четыре девчонки и все разного возраста в окружение казаков.

— Работоторговля, да ещё детьми. Жаль, что их командиры так легко умерли — зло констатировал я.

— Старших мальцов мы заберём, а остальных ты пристрой — сотник с невинным видом, как будто о домашних животных говорит.

— Вот не было печали. И что я с ними буду делать? Да ещё в таком количестве? — опешил я. Мне, что теперь ещё и с этим разбирайся?

Пароход действительно оказался гружённый мукой и немного кожей. Хотя как сказать немного, телег пять будет, а может и больше. В результате боя погибло двенадцать турок, и трое было ранено. Это те, кто оказал активное сопротивление. Раненых тут же добили, раздели и выкинули за борт. Экипаж нового турецкого парохода раньше составлял семьдесят человек. Семь было европейцев, из которых выжило трое и все они из машинной команды. Они обучали турок управлять пароходом. Остальной экипаж сборная солянка, из разных наций, причём турок меньшинство.

Машиной руководил Пьер Ожан, французский инженер, с которым я кое-как

объяснился на английском. Успокоил его, что все у него будет нормально. Развели пары и отправились домой, привязав галеру и бот за кормой. Туда же спустили большую часть экипажа, забрав весла и паруса. Оставили только машинную команду. Машина на корабле была очень слабая и наша скорость не превышала 5 узлов. Мне постоянно приходилось спускаться к котлу и контролировать работу. Всё оказалась на удивление примитивным и никаких сложностей я не увидел. Доверия к "нашим добровольным помощникам" я не испытывал и очень боялся пожара. Пришлось выставить охрану. Мне очень помог капитан галеры, со смешной кличкой Бых и его люди. Как он ориентировался на местности в море, без каких-либо приборов для меня осталось загадкой. Сам Бых был явно не русским, скорее какая-то смесь всех народов и наций. С большим кавказским носом и светло-рыжими волосами и бородой. Глаза зеленые. Сам высокий и сильный, но с кривыми ногами и поэтому чудно переваливался при походке. Хотя может у него и какое-то заболевание ног, типа артрита. Напористый, как танк среди машин на шоссе. Своё явно не упустит, да и чужое готов прихватить, хотя тут все такие. Сразу себе потребовал всех пленных, за себя и свою команду.

— И что ты с ними будешь делать? — удивляюсь.

— Как что? На весла посадим.

— А что, разве это ещё практикуется?

— Да всё каботажное плавание так идёт. А как по-другому? — теперь уже удивляется он.

И тут работоторговля. И чему я тогда всё удивляюсь? Жизнь такая. Пришлось согласиться, кроме пяти человек машинной команды. Заодно добавлю двух слуг англичанина и Качукова. Но предупредил, чтобы он недолго прожил. Ну и бог с ним, а то я всё ломал голову, куда столько пленных пристроить. Пока дошли, я вымотался, как не знаю кто. Да, собачья это работа, быть капитаном, сделал я вывод. Больше что-то не хочется.

За время перехода поделили трофей. Я забрал себе всю судовую кассу, часть пороха, кое-что из оружия и одежды. Одежду больше набрал для образцов в Тулу. Так же хочу забрать большую часть кожи, только не решил пока, как довезти. "Наложил лапу" на каюту капитана, где оставил за собой отличные две подзорные трубы, секстант и астролябию. Много было карт и разных записей. Тут, жил погибший английский наёмник, обучающий турок. Так что каюта меня порадовала и другими вещами, особенно серебряной посудой. Пришлось выдержать напор казаков, у которых разбежались глаза от жадности.

— Послушайте казаки, жадность это плохая черта. Вам и так досталось столько, как бывает раз в жизни. Расторгнетесь мукой, Вам на всё хватит.

— А ты себе самое дорогое забираешь — слышалось из толпы.

— Что значит дорогое? А то, что с нашими моряками поделиться не надо? Может тебе что секстант или астролябия надо? Может, ты ими и управлять можешь? — хотя сейчас их отдавать я не планировал. Мне такая взятка ещё пригодится.

— А им-то за что?

— За то, что они русские и наши берега охраняют.

— Это не по правилам.

— Казаки я не ваш атаман, и вы не сами захватили пароход, а под моим руководством и за мои деньги и с моим оружием. Оно, так и быть вам останется. И не забывайте, мне ещё за это всё отвечать. И делиться тоже.

Немного ещё побузив, казаки согласились, тем более Щерба был на моей стороне. А с

другой стороны куш действительно был сказочный.

— Вот смотри Семён, как это действует — объясняю устройство трофейного Колыт Патэрсона выпущенного в 1836 году. Пятизарядный. Калибр 36, наибольший в этой модели, с длиной ствола 230 мм. Ударно-спусковой механизм одинарного действия: стрелку перед каждым выстрелом нужно было отвести пальцем курок назад.

— Хорошая штука. Я тоже такой хочу.

— Приедешь ко мне осенью, как договаривались и у тебя такой будет. А сейчас сам понимаешь, мне его сдать и показать надо. Случись война, эти пистолеты такого натворить могут... А наши генералы, как обычно не чешутся.

Добрались, наконец, до хуторов на берегу. Пока шли туда не обратно близко судов не видели, что говорило о плохो развитом судоходстве. Да и какое там интенсивное судоходство, когда в Ростове-на-Дону, было двенадцать тысяч жителей. А после прошлогодней бушевавшей тут эпидемии холеры, может и того меньше. Сначала я хотел завести пароход в устье речки и там посадить на мель. Щерба меня отговорил, посетовав, что тогда я перекрою им всё движение. Поэтому решили посадить пароход на мель рядом, и забрать с него самое ценное. Потом казаки будут присматривать, пока не найдут покупателя.

— Или сами измените внешний вид, и перекрасьте пароход или покупатель. А за взятку покупатель и сам его переоформит как ему надо. Только пусть в Турцию не ходит — дал совет.

— Бых договорится, не дурак — засмеялся Щерба.

— И?

— Да не переживай. Надёжный. Я его сто лет знаю.

— Только долго не тяните, лучше в долг дайте. Не дай бог шторм будет.

Добравшись на хутор на лодке, где всё было нормально, и развил бурную деятельность по отъезду домой. Но тут же пришлось опять выслушивать жалобы девушек, но я им не дал на это много времени. Сразу озадачил заботой о маленьких пленниках. Англичанина насильно напоил разведённым порошком из перстня, пока все были заняты и не обращали на меня внимания. Скоробогатова освободил, дал умыться и повёл с собой.

— А Вы не боитесь последствий? — задал он мне вопрос.

— А Вы? Как Вам обвинение в помощи работорговцам детьми? — ответил я жестко. — Ещё посмотрим, как долго ваш губернатор просидит в своём кресле. Лучше помогите разобраться с бумагами и правильно посадить корабль на мель и не повредив его.

В результате подогнали шхуну к корме парохода. Перегрузили им часть муки, пороха, кожи, кое-что из запасных канатов и разных судовых мелочей. За помощь в разборке всех документов, я часть карт, записей и некоторые вещи подарил Антону Никитичу и другим членом экипажа. Надо восстанавливать хорошие отношение с Скоробогатовым.

Вечером на ужин пригласил капитана шхуны, оставшихся офицеров и Щербу с Вербовским.

— Давайте поговорим о новом развитие кораблей и новом оружие — сразу предложил тему разговора.

— Очень необычно — усмехнулся лейтенант.

— Мне по роду службы, стали известны некоторые английские новинки. Поэтому я хочу поделиться с Вами — абсолютно игнорируя ухмылки моряков. — Англичане, кроме того что у них стало больше пароходов, стали и борта судов обшивать металлом. Делать внутренние крепления из металла. На вооружение у них стали поступать орудия, стреляющие в два раза

дальше. Вместо гладкоствольных ружей стали поступать нарезные с пулей Минье. В результате заряжаться штуцеры стали также быстро, как и гладкоствольные ружья. В экипаже появились снайперы, которые отстреливают офицеров. Так что Вам, стоит побережся и не изображать мишени около штурвалов. У всех офицеров и сержантов появляются вот такие револьверы — и даю посмотреть разряженный Кольт. Это мы со Щербой уже в пути потренировались.

Сказать, чтобы мне уж так сразу поверили нельзя. Но потихоньку и спокойно я убедил морских офицеров, что дело серьёзное.

— Как у Вас обстоит дело с повышением по службе? — задаю интересующий вопрос.

— Как и у всех — осторожно отвечает Скоробогатов, который уже окончательно перестал сердиться. Видать это не в его характере, слишком он прямой у него. Да и куча очень щедрых подарков сделали своё дело.

— Ясно. Не подмажешь, не поедешь — немного помолчав. — У меня к Вам всем предложение. До следующего года найдите и нарисуйте место гибели судов около берега.

— Да там всё подняли.

— Вы не поняли. Мне надо, где глубина будет от пяти саженей до пятнадцати (сажень=2.13) и не успели ничего поднять. А следующим летом мы поднимем всё ценное и поделим.

На следующий день, мы отправлялись домой. Полностью собраться с утра так и не успели, так что выдвинулись только к обеду. Внушительный караван из трех полностью загруженных дилижансов, десять вьючных лошадей и много конных. Да, это будет не простое путешествие. Я тоже в седле, последний раз оглядываюсь на хутор. Рядом со мной Пьер Ожан, которому единственному сделал исключение под честное слово и доверил лошадь.

Ночью, как я и думал, умер английский доктор. Я освободил Максима Савельева окончательно, дальше просто не было смысла его держать. Да и рабочие руки мне нужны. Хотя, я ему и не доверял по прежнему и дал задание Ремезу от него не отходить. Остальных турецких пленных рассадив на лошадей, убрав поводья и связав им руки. На прощанье подарил печку Скоробогатову, а Щербе двуствольный пистолет Качукова.

Но вот и настает новый этап в жизни. За это время я успел приобрести много друзей, а ещё больше врагов. И как я сумею выкрутиться из того, что тут натворил, большой вопрос. Жизнь в это время, оказалось далеко не такая, как я думал или читал.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте — Knigolub.net